АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМ. А. РУДАКИ

На правах рукописи

Ходжамуродова Шахноза Равшановна

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ «ГУЛИСТАН»-А СААДИ В КИТАЕ

Специальность: 10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук

> Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Нуралиев А.

ОГЛАВЛЕНИЕ

введение	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАКТО ПОПУЛЯРНОСТИ СААДИ ШЕРОЗИ В КИТАЕ	
1.1 История распространения персидско-таджикского Китае	
1.2 У истоков славы Саади	
Выводы	45
ГЛАВА 2. КИТАЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ГУЛИСТАІ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКО-ТАДЖИКСКИХ ЛИТЕ	РАТУРНЫХ
СВЯЗЕЙ	50
2.1 Становление и развитие переводческого дела в В	Китае50
2.2 Художественный перевод как форма литературн	ных связей60
2.3 Особенности переводов «Гулистан»-а Саади Ше язык	-
Выводы	76
ГЛАВА 3. КОНТЕНТ - АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ «ГУ КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК	
3.1 Сравнительное изучение основных переводов «Г на китайский язык	-
3.2 Своеобразие перевода пословиц и поговорок «Гу на китайский язык	•
3.3 Перевод «Гулистан»-а Саади Шерози на китайскитайско-таджикских литературных связей	
Выводы	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	154
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	160

ВВЕДЕНИЕ

История мировой литературы демонстрирует, что на разных ступенях своего совершенствования художественные произведения разных народов и стран какой-то степени взаимодействия, в неразделимой связи, состоят В новые взаимозависимости, которые **ТОНКПОВЕОП** создавать направления литературных течений в творчестве писателей и поэтов. Ядром этого процесса является следствие взаимозависимости национальных литератур и национальных художественных миров Востока и Запада, их поисков типологического единства, связи традиций, порождение общих закономерностей художественного мышления, которому все они подвластны.

Следовательно, разумно исследовать различные культуры в рамках проблем межкультурного диалога, в виду того, что любая культура глубже и полнее раскрывает себя в глазах другой культуры.

Исторический опыт свидетельствует о том, что персоязычные и китайский народы уже с древних времен проявляли взаимный интерес к литературе и народному творчеству одного народа к другому, а собственно диалог народов служил почвой для обоюдных творческих связей.

Актуальность темы заключается еще в том, что изучение литературных взаимосвязей, которое имеет большое значение не только для истории национальных литератур, но и представляет значительный интерес для исследователей региональных, культурных и литературных связей Таджикистана и Ирана с Китаем. Таджикско-персидская литература по праву считается существенной и немаловажной частью мировой литературы, чей исторический

путь неразрывно связан с литературами народов Центрального и Восточного регионов Азии, в том числе с китайской литературой. Эти взаимосвязи и взаимовлияния наглядно прослеживаются китайской В развитии персидско-таджикской литератур. Как известно, взаимовлияние одних литератур на другие происходит разнообразными способами, одним из которых является перевод, выполняет ДОВОЛЬНО значительную роль взаимообогащении во культурных связей народов.

Перевод произведений таджикско-персидской классики на китайский язык, начавшись с древних времен, продолжается и по настоящее время. Следует отметить, что во второй половине XX века в литературных и научных кругах Китая большой интерес появился к творчеству Саади Шерози, особенно к его творению «Гулистан». До сегодняшнего дня «Гулистан» Саади был переведен на китайский язык четырежды.

О жизни и творческой деятельности поэта в Китае написано немало научных трудов, которые дают достаточно зримое представление о его творческой личности. Но, к сожалению, до сих пор особенности и качество китайских переводов «Гулистан»-а Саади остались вне поля зрения современной иранистики и китайских исследователей. Исследование переводов «Гулистан»-а Саади на китайский язык благоприятствует толкованию ряда проблем в истории развития современной китайской литературы, в том числе изучение вопросов переводоведения и таджикско-китайских литературных связей и этим подчеркивается актуальность и важность темы настоящей диссертации.

Степень изученности темы

Хотя древнейшим источником, свидетельствующим о популярности Саади в Китае, являются записи арабского путешественника XIII в. Ибн Баттуты, к сожалению ни к самом Китае, ни в таджикском литературоведении, ни в мировой иранистике переводы произведений Саади, особенно его «Гулистан»-а на китайский язык не становились объектом специального и обстоятельного монографического исследования. Тем не менее, о жизни и творчестве Саади, особенно о произведениях «Бустан» и «Гулистан», в Китае появилось немало научных и научно-популярных статей, говориться о нем и в разделе «Истории персоязычной литературы» изданной в Пекинском университете.

Нужно отметить, что в период с 2012 по 2017 год на китайском языке вышли работы: «Путешествие по «Гулистан»-у Саади Шерози»¹, «История персидской литературы»², «Переводы персидской литературы и исследования в Китае»³, «Сопоставительное изучение «Гулистан»-а» и «Стремление жить»⁴, которые подробно дают для китайских читателей ценные сведения о жизни и творчестве Саади.

В целом анализ научной литературы по теме настоящей диссертации свидетельствует о том, что как в китайском, так и в таджикском литературоведении отсутствуют полные монографические исследования, где были бы изучены проблемы перевода произведений Саади Шерози на

¹ Ван Пен Линг, Джанг И, «Путешествие по «Гулистан»-у Саади Шерози», Мировая культура, 2016

² Джанг Хонг Ниан, «История персидской литературы», Нинг Ся, 2012

³ Му Хонг Янь, «Переводы персидской литературы и исследования в Китае», Пекинский университета иностранного языка, факультет стран Азии и Африки, 2017

⁴ Айнур Абдурашит «Сопоставительное изучение «Гулистан»-а и «Стремление жить»» магистерсткая диссертация, Синцзянский университет, 2017

китайский язык и таджикско-китайских литературных связей. Тем самым, в настоящем диссертационном исследовании осуществлена попытка восполнить данный пробел и внести свой посильный вклад в решение обозначенной проблемы.

Цель и задачи исследования, заключается в комплексном и монографическом исследовании переводов «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык, выявление их достоинств и недостатков с учетом всех подходов и общепринятых критериев оценки перевода с одного языка на другой. Для достижения данной цели в работе решаются следующие задачи:

- рассмотреть предпосылки изучения персидско-таджикской литературы в
   Китае;
- -изучить хронологию освещения жизни и творчества Саади Шерози в китайском литературоведении и конкретизировать основные критерии оценки переводов «Гулистан»-а Саади Шерози китайскими критиками;
- -провести сопоставительный анализ текстов оригинала произведения с их переводами на китайский язык, определить уровень их адекватности и степень мастерства переводчиков;
- выявить факторы влияния времени на перевод с учетом теоретических критериев и норм современного китайского литературного языка.

Источники исследования. Важнейшими и первостепенными источниками настоящего исследования является критический текст «Гулистан»-а Саади, Алиева, как базового источника и четыре перевода «Гулистан»-а на китайский язык: перевод Ванг Дзин Джая «Гулистан» с языка оригинала, перевод Джанг

Хонг Ниана «Гулистан» с языка оригинала, перевод Шуэй Фу Дзиена «Гулистан» с английского языка, перевод Янг Ван Бао «Гулистан» с языка оригинала, который наравне с переводом на китайский язык дает текст оригинала, а также адаптированный вариант «Гулистан» под названием «Мудрость Саади в прикроватной книге».

Предмет и объект исследования. Предметом настоящего исследования являются изучение и анализ переводов «Гулистан» -а Саади на китайский язык, осуществленных Ванг Дзин Джай, Янг Ван Бао, Шуэй Фу Дзиен, Джанг Хонг Ниан в разное время. Объектом данного диссертационного исследования стала степень адекватности переводов «Гулистан»-а Саади Шерози, и его влияние на дальнейшее развитие таджикско-китайских литературных связей.

Научная новизна исследования заключается в том, что переводы произведения Саади Шерози на китайский язык, впервые подвергаются сравнительному изучению. Данное исследование является первой попыткой специального исследования литературных взаимоотношений с привлечением материалов сразу на нескольких языках: таджикском - языке оригинала, русском - языке посредника и китайском - языке перевода, переложений. В работе также впервые особое внимание уделяется научному изучению таджикско-китайских литературных связей.

Теоретическая и методологическая основа исследования является достижения отечественной и мировой компаративистики, принципы историколитературного анализа социальных и художественных явлений. В работе использованы труды выдающихся востоковедов-иранистов и китаеведов Е.Э.

Бертельес, В.В. Бартольда, И.С. Брагинского, Алиева Р., Н.И. Конрада, В.М. Алексеева. В процессе исследования переводов «Гулистан»-а Саади на китайский язык мы опирались на богатый научный и теоретический опыт известных литературоведов России, Таджикистана и Китая, среди которых следует отметить работы таких, как В.М. Алексеев, М.М. Бахтин, Н.И. Конрад, С. Влахов, С. Флорин, В.М. Жирмунский, И.А. Кашкин, М. Шакури, С.Табаров, Х.Шодикулов, А.У. Давронов, Ш.Мухтор, З. Муллоджанова, А. Нуралиев, А. Аминов, Джанг Хонг Ниен, Янг Ван Бао, Шуэй Фу Дзиен.

Теоретическая и практическая значимость работы. Результаты настоящего диссертационного исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории персидско-таджикской литературы, особенно при рассмотрении художественного перевода. Выводы исследования, могут быть применены при написании соответствующих разделов истории персидско-таджикских и китайской литературных связей, а также при составлении учебников и учебных пособий по истории персидско-таджикской и сравнительного литературоведения, при чтении лекций, спецкурсов и спец семинаров на филологических факультетах в Вузах республики.

Основные положения, выносимые на защиту:

- историческим генератором проникновения ираноязычной культуры в китайскую культурную среду стал Великий шелковый путь, через который осуществлялся торгово-экономический, религиозный и культурный взаимообмен;
  - изучение переводческой деятельности в Китае дает основание утверждать,

что процесс освоение и восприятие иностранной культуры посредством письменного перевода разделяется на два этапа: первый - перевод буддийских сутр и второй – усвоение китайцами инонациональной культуры;

- проникновение персидско-таджикской литературы на китайскую почву, особенно в провинциях западного Китая, усилилось после распространения исламской религии в этом регионе;

-о степени влияния ираноязычной культуры в Китае свидетельствует тот факт, что в период правления династии Юань на всей территории империи официально использовались три языка: монгольский, китайский и персидский;

-знакомство китайцев с произведениями Саади Шерози началось еще при жизни этого великого поэта. В эпоху династии Мин (1368-1644гг.) китайские мусульмане читали в мечетях «Гулистан» Шейха Саади, и до начала XX в. «Гулистан» Саади был одним из основных учебников, по которому в мусульманских школах Китая обучали персидскому языку;

-переводами произведений Саади Шерози, особенно его «Гулистан»-а на китайский язык занимались известные переводчики. До настоящего времени на китайском языке осуществлено четыре перевода «Гулистан»-а.

-анализ китайских переводов «Гулистан»-а Саади позволяет оценить мастерство переводчиков в сохранении духа и стиля оригинала, а также качества перевода.

-установление степени идентичности перевода пословиц и поговорок с персидско-таджикского языка на китайский язык дает возможность определить не только уровень мастерства переводчиков в сохранении языковых и

стилистических особенностей текста оригинала, но и выделить массив пословиц и поговорок, семантически эквивалентных в персидско-таджикском и китайском языках;

- популярность «Гулистан»-а достигла такого высокого уровня, что китайские авторы прибегали к его «национальной адаптации», используя его как свод моральных, дидактических и жизненных наставлений. Таким образом, в Китае появились адаптированные варианты перевода «Гулистан»-а Саади.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования апробированы в докладах на традиционных научно-практических конференциях Российско-Таджикского (Славянского) университета: «Теоретические методические аспекты изучения И преподавания иностранных языков» научно-практической Республиканской (Душанбе, 2014г.), конференции «Проблемы изучения и преподавания иностранных языков. Традиции и (Душанбе, 2015г.), Международной научно инновации» практической конференции «Идеи духовности и нравственности в литературе» (Душанбе, 2015г.), Международной научно-практической конференции «Роль Российско-Таджикского (Славянского) университета в становлении и развитии науки и инновационного образования в Республике Таджикистан, посвященная 25-летию PT 20-летию РТСУ» (Душанбе, 2016г.), независимости Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (Душанбе, 2018г.).

Диссертация обсуждена на расширенном заседании отделов истории таджикской литературы и фольклористики Института языка и литературы имени А. Рудаки АН РТ. (Протокол №7 от 03.09.2019) и рекомендована к защите.

Структура и объем диссертации. Характер исследуемого материала и круг поставленных задач определили содержание, структуру и методологические принципы настоящей работы. Диссертационная работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы, включающего 228 наименований. Работа изложена на 178 страницах компьютерного набора. Главы диссертации имеют разделы.

ГЛАВА 1. ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАКТОРЫ И ПРИЧИНА ПОПУЛЯРНОСТИ СААДИ ШЕРОЗИ В КИТАЕ

1.1История распространения персидско-таджикского языка и литературы в Китае

Влияние и распространение персидско-таджикской литературы на литературу других народов, несомненно, и данное утверждение обосновывают исследования не только персоязычных исследователей, но и востоковедов и иранистов всего мира. Круг исследователей настоящего направления расширяется из года в год, новые факты и материалы становятся объектом научных исследований ученых, что содействует исчерпывающему изучению роли и значения персидско-таджикской литературы в мировом значении.

«Исследование вопросов влияния персидско-таджикской литературы на китайскую литературу, в частности на литературу народов Западного Китая, выявляет удивительные факты и интересные материалы, свидетельствующие о могуществе персидско-таджикского языка и значимости литературы на этом языке» [76, с.20].

Как известно из, многочисленных исторических, археологических и этнографических фактов, «что в древнейшие времена, точнее в третьем и втором тысячелетиях до нашей эры иранские племена занимали обширные земли от Юго-Восточной Европы (т.е. северные побережья Черного моря и степи Евразии) до Восточного Туркестана (современная провинция Синьцзян в Китае) и от Урала до юга Ирана. Согласно устойчивой и близкой к правде точке зрения, предки разных и родственных между собой индоиранских племен до периода отделения

друг от друга проживали на территории современной Средней Азии и на ее приграничных районах. Впоследствии одна из групп поселилась в Индии, другая в Малой Азии и в Западном Иране. Из числа иракских племен, которые населяли территорию современной Средней Азии: согдийцы, бактры, массагеты, хоразмийцы, порты, маргияне, уструшанцы, ферганцы, саки и многочисленные племена Восточного Туркестана являлись прямыми предками таджиков» [144, с.29].

Древняя книга «Авеста» является источником подтверждением для большинства исследователей.

«В шестой тетради книги, которая носит название «Вандидат» в первом фаргарде приведены слова Ахура Мазды: «Первым благостным краем, который создал я — Ахура Мазда, была Иранвейджа…». Иранвейджа и есть та самая Аирянаведжа в значении «страна иранцев» или «коренное местоположение иранцев», где с самого начала проживали древние иранцы» [113, с.422].

Принимая во внимание результаты археологических исследований и труды ученых иранистов, все известный исследователь «Авесты» Джалил Дустхох высказывает следующую точку зрения: «Прародиной и местом первоначального пребывания индоиранских племен, по всей вероятности, была территория Средней Азии. Разделение этих племен на индийские и иранские группы произошло по причине их последовательных миграций. Сначала одна группа через территорию современного Афганистана мигрировала в Индию (индийские племена), а затем те племена, которые остались в Средней Азии переселились в земли современного Ирана и Афганистана (иранские племена). Новые

местапроживания иранских племен простирались от Кавказских гор и пустынь Средней Азии на севере до берегов реки Умман (Оман) и Персидского Залива на юге, от Афганистана с одной частью Памира, и устья реки Синд на Востоке до земель Байнанахрейна в Бохтаре. Данное обстоятельство, естественно, способствовало появлению различных диалектов и наречий, которые со временем остановились полноценными и самостоятельными языками» [113, с.21-22].

Синьцзяна-уйгурским Взаимосвязь между автономным так называемый Магрибзамин и территорией Ирана была установлена уже несколько тысячелетий назад. Исторические факты указывают, что во II-III веке до нашей эры между данными регионами имелись торговые и культурные взаимоотношения. «Прежде чем, прадеды сегодняшних уйгуров, упомянутые в истории под названием «хуйгу», перекочевали Монголии территорию ИЗ на Синьцзяна-уйгурского автономного округа, в этом регионе проживали саки, тохары, согдийцы, которые по происхождению были иранцами и общались на иранских диалектах. В течение столетий происходило расовое смешение между коренными жителями – иранцами и племенами – эмигрантами. Преимущественно, после 840 года н.э., когда предки уйгуров, в большом количестве оставили прежние места, перекочевав в этот край, усилился процесс ассимиляции между этими двумя народами. Иранские племена, со временем потеряв национальное своеобразие, перемешались с тюркоязычными племенами, в результате чего появилась новая народность – сегодняшние уйгуры» [138, с.260;333;363].

После официального принятия ислама общетюркским государством и его первого хана уйгуров Сокута Багрохана-Карахана в 932 году, уйгурская

письменность постепенно пришла в упадок, и уйгурские мусульмане переняли арабский алфавит.

Процесс внедрения арабского алфавита в китайскую, а точнее в уйгурскую культуру и территорию ее распространения осуществился не сразу. Свидетельством служит тот факт, что еще «1432 году Бакир Мансур-Бахши составил для эмира Герата Джалаладдина Фирузшаха баяз стихотворение на чагатайском языке, написанный на уйгурском алфавите. Что также служит подтверждением того, что древний уйгурский алфавит все еще существовал в средние века» [76, с.24].

Буддисты в свою очередь не приняли арабское письмо, невзирая на тот факт, что «в Дуньхуане, в городе, что находится в восточной части Шелкового пути, люди вплоть до XVIII века также сохраняли свои убеждения, используя уйгурский алфавит. Таким образом, в свете данных событий шаманская, манихейская, христианская и буддийская религии намного позднее оставили регион восточного Туркестана» [76, с.25].

Таджикский ученый М. Низомиддин в своем монографическом исследовании отмечает, что «Данные факты позволяют сформировать вывод о том, что согдийцы были главной движущей силой в развитии цивилизации. Благодаря Великому Шелковому пути не только ощущалось авторитетность согдийской культуры вдоль данной дороги, но также происходил диалог культур. В особенности изучение северной и северо-западной частей Китая влияет их связь с иранской цивилизацией и тюркской культурой» [76, с.25]. Наряду с персидско-таджикской культурой, воздействие исламского просвещения и арабских религиозных

деятелей в Китае не входит в рамки нашего исследования и представляет собой специальную тему и требует отдельного исследования.

Интерес китайцев к постижению и благоразумности, их увлечение искусством и творчеством, культурой и наукой содействовали присутствию иностранцев, в том числе и иранцев в своем регионе.

Поэтому, не уделив должного внимания древнему Китаю, к процессам его цивилизации и культуры нельзя определить истинную ценность соседней территории. Древнейшая культура и природные характеристики позволили китайской нации выступить в роли посредника между разными культурами. Учитывая вышеизложенное, уже с самых древних времен политика «открытых дверей» была первостепенной для великого Китайского государства.

Исторические источники указывают на то, что «правитель Чанъяна Тай-Цзун в 638 году приняв у себя послов Сасанидского государства, пообещал убежище персоговорящему народу, в случае угрозы со стороны арабов. Вследствие, чего в 674 году сын Яздигурда III - Фируз прибыл в Китай, и в знак уважения Тай Цзун провозгласил его генералом императорской гвардии. В источниках сохранилось имя его сына в китайском варианте – Ни Ни-Ши» [76, с.32].

Известный европейский востоковед С.П. Фитцджеральд в своей книге «Китай: краткая история культуры», пишет: « установление дипломатических связей между китайцами и персами благоприятно повлияло тому, что на территории Китая было разрешено возведение храмов для поклонения Заратустре» [21, с.53].

Контроль над Шелковым путем осуществлялся со стороны согдийцев, данное обстоятельство обусловило в VII-VIII веке проживание ираноязычного и

тюркоязычного населения в регионах Китая. Это также послужило причиной для появления коренных жителей - иранских племен в Китае. Исторические источники свидетельствуют о том, что «ираноязычные племена осели на землях Китая еще до начала правления династии Тан (VII век), и более того способствовали ее развитию» [76, с.26]. Кроме того, существуют сведения «о военачальнике Ан Лу-Шане, который был выходцем из Ирана» о которых известные историки, такие как X. Шарифов и Р. Безертинов упоминают в своих работах [146, с.66-67].

По некоторым данным в конце XX века «в ходе археологических раскопок в районе Нинься-Хуэй современного Китая, в селе Нан-Цзяо были обнаружены могилы, принадлежащие семейству Ши. В найденном списке были приведены имена 21-го человека, которые кроме как состояли в родстве друг с другом, а также были согдийцами по происхождению. Это были выходцы из города Кеша (г. Шахрисабз в Узбекистане) и состояли в родстве с семейством Кан (самаркандцы) и Ан (бухарцы)» [76, с.26].

Анализируя, научную статью А. Камалова, в которой также подтверждается данная точка зрения. А. Камалов пишет: «В одном из представительных научных журналов мира — «Акта Азиатика», который издается Институтом Восточной культуры Японии. В своем исследовании «Согдийцы и королевское семейство Сиюй в государстве Гаочань» ученый из Японии Аракава Масахуру пишет: «...в Турфане среди списков государственных служащих встречаются имена некольких человек с фамилией Ши, что также свидетельстует о влиянии персоязычных на государственном уровне в тот период» [57, с. 264-266].

Исторически подтверждено, что «согдийцы в течение многих веков оседали на территории, простирающейся от регионов Ферганы до Китайской стены» [58, с.43]. Всеми известно, что «древние иранские племена, такие как Йуджы, саки Памира, Кидорияны, Хайтолияны кочевали в степях и предгорьях в Восточном Туркестане и северо-восточной части Средней Азии и занимались скотоводством» [76, с.27].

Изучение особенностей культурного, языкового и письменного обменов, исторических взаимосвязей, традиций и обычаев согдийцев с китайским народом позволяет сформировать вывод, что в обществе современного Китая, в частности его Запада, существуют глубокие корни персоязычной литературы.

Данное обстоятельство и некоторые другие важные точки зрения указываются также и в книге Президента Таджикистана Эмомали Рахмона «Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов»: «Воинственные племена после упадка эллинийской цивилизации и ухода с исторической сцены государства Селевкидов, а также падение Бактрии, основанной греками, в период правления Кушанидов и Хайтолиянов, оккупировав территорию Средней Азии и часть земель Восточного Туркестана, в течение почти шести веков были предводителями арийской цивилизации... Первые племена Юеджы, которые пришли в Бактрию, и, смешиваясь с коренным населением, составили основу кушанидского государства, а некоторых китайских источниках упоминается под названием та-юеджы и да-юеджы».5

_

⁵ Рахмон, Э. Таджики в зеркале истории. От Арийцев до Саманидов / Эмомали Рахмон. – Душанбе: Ирфон, 2009. -704с.

Прадеды китайских мусульман — «хуэй» были из персидского племени мусульман «даши», одну часть из них составляли переселенцы из Центральной и Западной Азии другую часть из них составляли таджики выходцы из Средней Азии. Как отмечает, историк Х. Шарифов: «Предки хуэй, которых также называют «дунган» на самом деле прибыли из Бухары и Самарканда, и в период правления династии Юань и Мин жили на территории Юннан и Нинься» [220, с. 285-286]. Не случайным является то, что в словаре династии Мин встречаются слова, которые до сих пор существуют в современном персидско-таджикском языке.

Для подтверждения данной точки зрения следует отметить, что именно «в период правления династии Тан известные буддистские монахи прибыли из Ирана в Китай с целью перевода буддистского письменного наследия, что также способствовало распространению персидского языка. Исторические факты также свидетельствуют, что в период правления династии Юань официально использовалось три языка: монгольский, китайский и персидский. Становится явным и то, что в то время согласно решению императора династии Юань составление таблиц осуществлялось на этих трех языках. Однако уже в период правления династии Мин китайские мусульмане читали в мечетях «Гулистан» Шейха Саади» [222].

В своем исследовании профессор Пекинского института языка и литературы Ху Чженьхуа, упоминает о весьма любопытных фактах, касаемо распространения таджикско-персидского языка на территории Пекина. Ху Чженьхуа пишет: «...что первым архитектором Пекина был хуэйец по имени Якдилдин из государства Даши — западных районов периода династии Юань». Свою точку зрения профессор разъясняет следующим образом: «Во-первых, имена, состоящее из трех частей, являются полностью таджикским («як», «дил», «дин»). Во-вторых, китайские историки, полагают, что выходцами государства Даши были только арабы, персы и таджики. В-третьих, слова «тяньфан» и «даши» применяли при обращении к тем, кто знал персидский и таджикский языки» [76, с.31].

Тем самым, профессор Ху Чженьхуа подтверждает, что «слово «даши» является транскрипцией слова «таджик» в китайском языке, а Hui-hui «Хуэй» указывает на принадлежность человека к исламу. Несмотря на тот факт, что в настоящее время языком мусульманского племени хуэй является китайский, в бытовом словарном запасе этого племени присутствуют таджикские слова» [1, с.102].

По данным некоторых исследователей, старшее поколение племени Хуэй в своей речи чаще используют слова, относящиеся к сфере религии и персидско-арабской культуры. К примеру, в словарном обиходе данного племени до сих пор сохранились такие слова, как «намоз» (молитва), «мазор» (могила, кладбище), «рух» (душа), «Аллох Пайгамбар» (Пророк), «руза» (пост), «муаллим» (учитель), «осмон» (небо), «хушбахт» (счастливый), «хадя» (подарок), «дуст» (друг), «душман» (враг) и названия дней недели [111, с.46-67].

Следует отметить, что в 874 году в Сиане, в столице провинции Шаньси на надгробии, жены генерала Су - ляна (Фарухзад - с пехлеви), Ма (Махнуз- пехлеви), которая была зароастрийского вероисповедания, гравюра имен выполнена на двух языках пехлеви и китайском [223, с.446-448].

Другие сведения о влиянии и распространении персидской литературы в Китае датируется XIII веком. Профессор Пекинского университета Джанг Хонг Ниан в

своей книге «История персидской литературы» пишет: «...марроканский путешественник Ибн Баттута в своей книге «Заметки о путешествиях Ибн Баттуты», которая была написана спустя 56 лет после смерти Саади, говорит: «.... Я нанес визит местному чиновнику в городе Ханджоу, в честь чего был устроен пир, на котором я услышал песню, исполняла девушка, пела песню на персидском языке, как выяснилось, позже эти строки принадлежат, перу Саади:

"То дил ба мехрат додем, дар бахри дигар афтодем.

Чун дар намоз истодем, қуйе (қавй) ба мехрат андарй" [122, с.516].

Доказательством, того что данные строки принадлежат перу Саади является то что в книге персидского исследователя Аббаса Икбола «Куллият Саади», мы нашли их:

"То дил ба мехрат додаам, дар бахри фикр афтодаам,

Чун дар намоз истодай, гуйи ба мехроб андарй" [148, с.335-346].

Эти же строки профессор Пекинского университета Джанг Хонг Ниан, приводит в своей книге "История персидской литературы":

我对你一见钟情, 心潮如波涛汹涌 Wǒ duì nǐ yījiànzhōngqíng, xīncháo rú bōtāoxiōngyŏng

恭立祈祷,壁龛中时时浮现你的面影 Gōng lì qídǎo, bì kān zhòng shíshí fúxiàn nǐ de miànyǐng. (Перевод Х.Ш.Р. –«Я влюбилась в тебя с первого взгляда, с тех пор я молюсь, когда вновь увижу тебя» [205, с.223].

Следует отметить, что это стихотворение очень рано проникло в Китай, и имеет экстраординарное значение. Также профессор Джанг отмечает, что в городе Фучжоу, в 1306 году было обнаружено надгробие выходца из Ирана, на

котором было написано следующее четверостишие Омара Хайяма:

«从地底深处直达土星之巅,

我已解决宇宙中的一切疑难。

如今,没有什么问题使我因惑,

但是,面对死亡之结我仍感茫然.

Аз қаъри гили сиёх то авчи Зухал,

Кардам хама мушкилоти гетиро хал.

Берун частам зи қайди ҳар макру ҳиял,

Хар банд кушуда шуд, магар банди ачал...» (перевод Х.Ш.Р.: «От зенита Сатурна до чрева Земли, Тайны мира, свое толкованье нашли. Я распутал все петли вблизи и вдали, Кроме самой простой - кроме смертной петли») [205, с.437].

Как известно, это четверостишие не принадлежит Омару Хайяму, а принадлежит оно Авиценне. Пока это четверостишие является единственным сведением о распространении персидской литературы в Китае и является фактом о литературной связи Китая и Ирана.

Обращаясь к другому источнику, в период монгольской династии Юань (1260-1368гг.) так как персидский язык был основным языком во всей Средней Азии (11, с.1-2) и как уже было отмечено, много жителей Средней Азии переселились на территорию Китая, особенно в Туркестанские провинции. Кроме того, династия Юань тесно сотрудничала с правителями Ирана Ильханов (монгольские ханы династии Хулагунидов). Мусульманские общины Китая включали в себя большое количество ираноязычных народов, выходцев Средней

Азии. При династии Юань действовали три основных языка, а именно китайский, монгольский и персидский, о чем свидетельствуют документы того периода. При исследовании документов обнаружены следующие термины: Hui-hui wen (язык, Hui-hui, термин ссылался на мусульман Центральной и Западной Азии), pu-su-lu-man-zi (язык мусульман), yi-si-ti-fei-wen (выбор языка, от арабского estefa, избрание «исламского» языка) предположительно относящийся к персидскому языку [224].

Ha товарных знаках. медных весах, выдаваемых монгольским на правительством (династией Юань), были четыре параллельные друг другу китайском, уйгуро-монгольском китайском надписи на персидском, Пагва-алфавите (тибетский алфавит, адаптированный на звуковой системе китайцев).

Среди современных надгробий, найденных в Цюйджоу, Ханджоу и Янджоу, есть надписи на арабском языке, многие из них распознаны как нисба и относятся к персам. Nisbah (арабский: قبسن) изначально арабское слово, которое было принято во всех именах народов исповедывающих ислам, особенно среди ираноязычных и туркских народов. В арабских именах, такое нисба (также арабский: пишется nesba; **نب**سن nisbah, «приписывание») является происхождения, прилагательным указанием его места племенной c принадлежности или происхождения, используемый конце В имени заканчивая суффиксом -iyy (ах).

В 1289 году Цю Билай хан (хан монгольской династии Юань) по рекомендации отдела государственных дел (Шан Шу Шен) основал мусульманский

национальный университет в Даду (современный Пекин), где обучались сыновья чиновников и богачей. После обучения языку, студенты назначались на разные правительственные должности, чтобы работать в качестве переводчиков, исходя, из данных фактов мы предполагаем, что перевод персидских книг на китайский язык был востребован в период династии Юань [224].

К примеру, книга под названием 回回药方 hui-hui yao fang (мусульманские лечебные растения) составленные и переведенные мусульманами содержат имена многих растений, некоторые написаны персидской вязью, некоторые транслитерированы, некоторые переведены, четыре сохранившихся до наших дней тома хранятся в библиотеке Пекинского университета [223].

В эпоху династии Мин (1368-1644гг.) было основано бюро официальных переводов (四夷 館 Siyi guan Сы И Гуань (букв «Четыре Варварских зданий») так называлось «Бюро переводчиков» при правлении минской династии для иностранных притоков миссий в Китай), где не только переводились официальные документы и книги, но и готовились переводчики. Данным бюро был составлен учебник 回回关于语 hui-hui guanyi yu (пособие по переводу с «мусульманского»), который включал в себя не только методические рекомендации, но и словарь «мусульманско» - китайский, и состоял он из 1010 статей.

Первый Минский император Тай Цзу (1368-1397гг.), приказал группе переводчиков возглавляемых 玛莎易黑 Ма sha yi hei (возможно Шейх Машаик) перевести несколько книг с персидского на китайский, среди которых работа по Астрономии 天文金 Тіап wen jin. Другие мусульманские ученые китайского происхождения, периода династии Мин, кто переводил или учил персидскому

языку, был Чанг Джимей (1610-1670гг.) и Лю Джи (1660-1730гг.). Уже к середине эпохи Мин контакты с исламскими странами начали снижаться и в Сы И Гуань немногие знали персидский язык.

Некоторые мусульманские ученые в своих домах обучали основам ислама по учебникам на персидском языке. «Однако со временем, религиозным книгам стали также обучать на арабском языке и только в нескольких мечетях обучение велось, как на арабском, так и на персидском языках» [223].

После подъема династии Цин (1644-1911гг.), особенно после отказа от мусульманского календаря в 1669 году, в императорском дворе практически никто не говорил на персидском языке. Некоторые историки отказ от мусульманского календаря связывают с другим важным событием. В 1669 после свержения Обоя молодым Канси и князем Сонготу, который приходился ему дядей. Так как, юный богдохан был неопытен, ведение государственных дел взял в свои руки Сонготу. Начавшееся брожение в верхах китайского общества привело к дворцовому перевороту 1669 года и свержению Обоя. Для того, чтобы сбить волну недовольства, князь Сонготу и его соратники пошли на ряд уступок и послаблений. Правительство Сонготу устранив, недовольство масс и упрочив тыл, укрепило позиции маньчжурского режима в Китае.

Однако в китайских медрасах продолжали обучаться на персидском языке. Обучались по системе 14-ти «классиков», в число которых входили одна из пяти работ Лиан Ву Бена «5 принципов». Первый том «Сарф» (морфология (изменение формы слова), которая содержала заметки об арабской морфологии на персидском языке). Другой книгой был «Хутаб» (проповеди), на самом же деле, комментарии

к 40 хадисам. Оставшиеся 12 книг, большинство из которых были написаны между IX-XV вв., возможно были ввезены в Китай с Центральной Азии, а также «Гулистан» Саади Шерози [224].

При династиях Мин (1368-1644гг.) и Цин (1616-1911гг.) «Гулистан» Саади был одним из ведущих учебников, с помощью которых обучались персидскому языку в мусульманских школах Китая [204, с.44].

В конце XVII века китайские мусульманские ученые начали издавать книги на персидском языке. Одна из таких работ, учебник «Наwwa ye mahnaj» составленная Чанг Джимей в период правления Канси (1662-1723гг.) династии Цин, широко используется студентами мусульманами.

Переводчики того времени, Ма Джу (1640-1711гг.), Лю Джи (1664-1730гг.), Ма Фу Чу (1794-1874гг.) и Ма Лиан Юань (1845-1895гг.) также переводят с персидского языка на китайский в эпоху Цин. Некоторые пекинские мусульмане до сих пор хранят рукописи Корана в некоторых, из которых суры и комментарии к ним выполнены на персидском языке. Существуют несколько рукописей датируемые XVII веком, и они хранятся в пекинских мечетях. Помимо рукописей, в одной из мечетей, в той, что на улице Нью, обнаружена надпись, датируемая XVI веком. Также в Пекинском национальном дворцовом музее содержатся четыре деревянные дощечки с надписями на персидском языке. Предполагается, что надписи эти начертаны китайскими мусульманскими мастерами, которые представлены в виде «дани» т.е. дипломатических подарков персов [224].

Ли Шен Джен в своем произведении «Бамбуковые ветви»⁶, написанная в эпоху

-

⁶ стихи для акробатики

Канси (1624-1722гг.) династии Цин, приводит стихотворение, в котором один из актеров облаченный в персидский костюм и еще несколько актеров в костюме слона исполняют песню Гонг Бао Ку⁷ под ритм бронзового барабана (71, с. 163). Исходя из вышесказанного, следует отметить, что в Китае персидский язык пользовался большим спросом, начиная с эпохи Юань вплоть до эпохи Цин. Это обуславливалось главным образом, наличием «Шелкового пути», который сыграл важную роль в развитии культурных связей народов Средней Азии и Китая.

1.2. У истоков славы Саади

Покорение Средней Азии и Ирана монголами, в XIII веке положило определенную грань в истории персидско-таджикской литературы. Процесс покорения был довольно длительный и сопровождался войнами, разорением страны и разрушением больших городов. Иран оказался включенным в мировую империю монголов. В эту эпоху жил Саади имя, которого из всех персидских поэтов пользуется наиболее известностью. Саади и его произведения вошли по праву в сокровищницу мировой литературы. Полное его имя — Муслихиддин Абумухаммад Абдуллах ибн Мушриф ибн Муслих Саади Шерози. Согласно утверждениям исследователей, дата рождения Саади соответствует первому десятилетию XIII в., т.е. он родился в 1203-1208гг. (94, с.203) в Ширазе, расположенном в юго-западной части современного Ирана. Точная дата его смерти сводится к 27 зилхиджи 691 (9 декабря 1292 г.) [136, с.638].

-

⁷ песня для преподнесения дани.

Отец мыслителя принадлежал духовенству, на что Саади сам указывает. Судя по некоторым собственным указаниям Саади и предположениям исследователей, он получал определенную сумму жалованья от государства, не был зажиточным и не владел землей, недвижимым имуществом, ввиду чего после его смерти семья осталась без необходимых для существования средств. Доказательством вышесказанного может послужить отрывок из «Бустан»-а Саади Шерози во второй главе «О благотворительности» он пишет...

Ман он гах сари точвар доштам,

Ки сар дар канори падар доштам.

Агар бар вучудам нишастй магас,

Парешон шудй хотири чанд кас.

Кунун душманон гар барандам асир,

Набошад кас аз дустонам насир,

Маро бошад аз дарди тифлон хабар,

Ки дар тифлй аз сар бирафтам падар... [139, с.46]. Перевод наш: Не смела муха моего лица, коснуться перед взорами отца. Теперь один я. Если враг нагрянет, моим уделом плен и рабство станет. Утратив сень родную с детских лет, изведал долю я сиротских бед.

Первоначальное образование Саади получил в родном Ширазе. При жизни отца он воспитывался весьма строго. Можно предполагать, отец Саади стремился подготовить из него религиозного проповедника, человека той профессии, которой он сам занимался. С этой целью он старался привить сыну религиозные идеи ортодоксального ислама с определенными оттенками суфийского учения. Такая деятельность, конечно, наложила печать на формирование его взглядов.

Дальнейшая учеба Саади протекала в тогдашних высших учебных заведениях города Багдада «Низамия» и «Мустансария», где преподавал Джамаладдин Абулфарадж Абдуррахман ибн ал-Джузи II (1186-1257гг.) (внук знаменитого богослова, историка, филолога и проповедника).

В Багдаде Саади находился под влиянием Шахабиддина Умара ибн Абухавса Сухраварди (1144-1234гг.) ученика основателя суфийского ордена «Кадырия» - Аббулькадыра Гиляни.

Эти учителя и наставники, желая воспитать Саади в духе мусульманства, истинного суфизма, отшельничества, старались привить ему мистические идеи отказа от «тщетной» земной жизни и стремление к «вечному» иному миру. Однако этот «непослушный ученик», невзирая на надежды своих наставников, нередко подчинялся соблазну развлечений, несовместимым с законами шариата. Спустя много времени, поэт вспоминает об этом так: «Сколько ни приказывал мне достославный шейх мой Абулфарадж ибн Джузи бросить «слушание», сколько ни указывал он мне на пользу уединения и самоуглубления, молодость

моя побеждала, желание и страсти увлекали меня, и я невольно отступал иногда от указаний наставника и наслаждался пением и обществом друзей» [137, с.46].

Известно, что в эпоху Саади все страны Востока, включая Иран, подвергались разрушительному вторжению монголов. Политическая ситуация заставила многих деятелей культуры, в том числе Саади, бродить по чужим землям. В произведениях поэта встречаются строки, где он делает намеки на эти события:

«Друг, или ты не знаешь, почему я

Замешкался, в чужих края кочуя?

Танги Туркан я бросил, озабочен:

Весь мир был, словно эфиоп, всклокочен.

Мне вид людей тогда был безотраден —

Любой из них, как волк, был кровожаден...

Вернулся я — и прежней нет опаски,

И тигры не ревут, а просят ласки.

Как ангел каждый житель — добр, спокоен,

Как лев, могуч в борьбе с врагами воин.

Сначала мир я видел потрясенный,

Взволнованный, смущенный, угнетенный,—

Теперь — для сердца и очей отрада

В правленье справедливого Саада» [137, с.224].

Другой причиной, побудившей поэта странствовать по чужим землям, по всей вероятности, была какая-то политическая суматоха, неизвестная нам внутри страны. Приводимый ниже отрывок прямо указывает на это:

«Мне совершенно надоела беседа с ширазцами,

Пора спросить у меня рассказы о Багдаде.

О Саади, любовь к родине преданная, ясная,

Но нельзя же умереть от голода ради

Лишь того, что я родился здесь» [137, с.45].

Завершив свое первое паломничество в Мекку, Саади отправился в долгие годы странствий по миру. Бродя пешком, как и положено простому дервишу, он посетил такие города, как Дамаск, Триполи, Баальбек, Алеппо и другие города на Ближнем Востоке. Его странствия длились более двадцати лет, он прошел через большое количество стран от Восточного Туркестана и Индии - на востоке до Северной Африки - на западе. Вспоминая о своих странствиях он писал, что «судьба, полная превратностей», бросила его в разные части мусульманского Востока. Разнообразные сюжеты на страницах «Гулистана» и «Бустана» указывают на многочисленные странствия и образ жизни во время этих странствий. Он начал свой жизненный путь со стен школы Низамия в Багдаде, где он предавался развлечениям, неприемлемым для шариата, и вскоре он стал странствующим дервишем, который неоднократно совершал паломничества в

Мекку. Кроме того, со страниц его шедевров мы узнаем, что Саади жил в Дамаске под определенной мечетью, где он иногда спорил с учеными и богословами из Дамаска. Почти все свои жизненные испытания он перенес в Гулистан и Бустан. Саади писал об измученных людях Баальбека, об оскорблении друзей в Дамаске, о своем пленении в Иерусалимской пустыне, о той тяжелой работе в Триполи, о спасении и Алеппо. Из некоторых историй становится известно, что, живя в Басре, он часто слушал истории и приключения ювелиров, а в Диярбекире он навещал сумасшедшего старого богатого человека. Из других историй становится известно о трагедии поэта, в Южной Аравии, в Йемене смерть взяла его единственного сына, а в Александрии он увидел голод; Странствия поэта привели его в Индию, куда ему пришлось бежать после разоблачения местных шарлатанов священников храма. Саади также посетил город Кашгар, где он был принят с большими почестями; в Персидском заливе на острове Киш (Ормуз) он навещал богатого купца. В книге упоминается, также о его наставлениях монгольскому хану Абаке, во время его пребывания в азербайджанских городах Бейлакан и Тавриз. На закате своей полной путешествий жизни, он вернулся в свой родной Шираз, где он все перенес на свои произведения.

Саади неоднократно испытывал несчастья во время своих путешествий, но они смогли заставить его прекратить свои странствия. Он продолжал посещать один город за другим, причину странствий он не отразил ни в одной из своих историй. Однако есть истории, из которых мы можем сделать вывод, что причиной по-прежнему было его финансовое и социальное положение. Так в одном из своих

рассказов Саади писал: «Однажды в соборной мечети города Баальбека я держал небольшую речь, что-то вроде проповеди, перед людьми изнуренными, с огрубевшими сердцами, неспособными переноситься душою из этого видимого мира в мир божественных тайн. Заметил я, что вдохновение мое ими не овладевает и огня в их сырых дровах не раздувает... Бесполезным показалось мне воспитывать ослов и держать зеркало в квартале слепцов» [95, с.107].

Саади написал так называемые проповеднические рассказы из богатого опыта странствий, его рассказы всегда живы и интересны, довольно смело подкрепляют рассказы пословицами и поговорками, дополняя рассказ стихами.

Те проповеди Саади, которые оказали сильное эмоциональное воздействие на его слушателей, поэт записывал и повторял в других местах. Именно эта часть историй, стихов, ставших афоризмами, легла в основу «Гулистан»-а.

Кроме того, без сомнения, странствия и путешествия у Саади вызвали большое любопытство. Как С.Ф. Ольденбург справедливо отметил: «Саади был большой сердцевед, и его всегда глубоко интересовали люди, их поступки и побуждения, и потому, вероятно, ему и хотелось сравнивать людей разных стран и народов. Вывод, который он сделал из этих сравнений, если судить по его сочинениям, тот, что люди всех народов и стран мало чем друг от друга отличаются: одинаково, как ему казалось, и любят и ненавидят» [84, с.10].

Уже в юном возрасте, когда он жил в Ширазе, Саади попробовал свои силы на поэтической арене. К сожалению, работы этого периода до нас не дошли.

Достигшие нас стихи датируются периодом странствий Саади. В основном это газели лирического содержания. Впоследствии они вошли в разделы «Тайибат» (сборник приятных стихов), «Бадай» (сборник изящных диковинных стихов), «Газалият» (сборник газелей) и другие разделы его «Куллият».

Саади Шерози по праву является основателем чистой газели. Хотя до него практически у каждого выдающегося поэта прошлых лет, мы видим большое количество прекрасных лирических стихов. Но только «Саади довел жанр газели... до высокой степени совершенства» [123]. По общему, мнению исследователей таджикско-персидской литературы лишь после Саади газель смогла завоевать не только право авторитетного жанра, но и на литературной арене появились выдающиеся поэты, прославившиеся исключительно в жанре газели.

До выхода в свет «Бустан»-а и «Гулистан»-а, творение Саади, невзирая на свои достоинства, не были столь популярны среди придворных служителей и прочих «ценителей поэзии». От него ждали хвалебных од — касыд, которые прославляли «подвиг», «величие» и «несуществующие доблести». Однако это ему противно; он был презрительным к золоту, добытому обманным путем. Как мы уже знаем, Саади отразил все свои наблюдения в стихах, в одном из которых он описывает похожий случай, когда его друзья увидели трудности, с которыми сталкивался поэт, и предложили написать хвалебную оду, чтобы исправить ситуацию ...

Ответ поэта был таков:

«Мне говорят: «О Саади! Зачем живешь в лишеньях ты?

Есть верный у тебя доход, с ним не узнаешь нищеты!

Десницей царскою твоей ты царством овладел,

Так почему тебя гнетут заботы дальней суеты?

Властителя ты похвали — богатство притечет к тебе,

А без богатства и талант — добыча слез и маеты.

Да в мире многие сочтут, что коршун лучше, чем симург,

Но коршун падалью живет, симург же — символ чистоты.

Нет, не случится так со мной, к правителям я не пойду —

Не буду заниматься тем, чем попрошайки заняты.

У них иглу ты попроси — как будто сядешь на ежа,

Выпрашивать у них — позор, он доведет до тошноты...» [93, с.83].

Монгольское завоевание, неурядицы в Персии, желание повидать мир заставили Саади более 25 –ти лет скитаться вдали от родных мест и даже побывал в плену у крестоносцев в Сирии.

Поэзия Саади по природе является мировоззренческой и поучительной. Поэт делает акцент на таких чертах характера, как порядочность, нравственность, миролюбие. Пишет ли он касыды, лирические газели, сборники притч, он имеет всегда в виду одно — изобразить свой идеал: человека душевной красоты.

Особенно характерны в этом смысле касыды, панегирики, посвященные высоким покровителям поэта. По всеобщему мнению исследователей,

совершенствуя панегирическую манеру Рудаки, Саади под знаком восхваления своего покровителя прославляет образцовые этические качества, которыми он как бы рекомендует располагать воспеваемый. Касыда под пером Саади становится не столько панегирическим, сколько дидактическим произведением высокоморального характера.

Поэт утверждал, что каждый человек должен прожить две жизни: в первой копить опыт, а во второй извлечь этот накопленный опыт. Действительно, он так и поступил. Прожив около века, Саади будто прожил две жизни. Первую половину жизни, он прожил бурно — странствую, искал. Вторую половину жизни он провел — в созерцании, в раздумьях. Свои жизненные наблюдения Саади перенес в свои книги.

Поэту казалось, что в результате своей первой жизни, богатой событиями, он к старости обрел истину. Возможно. Несомненно, лишь одно, что молодость - то он утратил. Дидактические произведения Саади писал уже не только по-стариковски размеренно, но иногда, увы, и по-старчески дрябло.

Конечно, дело здесь не только в возрасте. Старец Фирдоуси творил в годы борьбы за утверждение государственной независимости — героизм пронизывает его творчество. Старец Саади творил в годы рабства под пятою Чингизидов — вынужденное приспособленчество отравляет его творческий дух.

И все же годы скитаний не прошли даром. В своих стихах Саади донес до нашего времени не только множество сюжетов и образов народных сказаний, но и

достаточно благороднейших и доблестных помыслов — таких как человеколюбие, почтение к труду, борьба с тиранией, восхищение разумом и знанием, смелость.

Сам Саади высоко ценил общественную роль поэтического слова, и произведения свои рассматривал как учебник жизни. «Слова Саади — это притча и наставление; они пригодятся тебе, если применишь их к делу», — писал он, обращаясь к своему читателю. Наивысшим своим достижением поэт считал то, что он смело, говорит правду, не приспособляясь, подобно придворным панегиристам, к власть имущим:

«Саади, боязни чужда твоя речь!

К победе иди, если поднял ты меч!

Всю правду яви! Все, что знаешь, открой!

Прочь речи корысти с их лживой игрой!

Иль смолкни, чтоб жар твоей мудрости чах,

Иль, алчность, отринув, будь волен в речах!» [94, с.16].

Неоднократно он становился очевидцем того, как одни беспрерывно усердствовали, но при этом жили в лишениях, а другие обращали труд других в свою пользу. В своих произведениях он умел обнажить социальные проблемы неравенства, к примеру, в одно из своих касыд Саади пишет:

«Какие тайны знает небосвод

И звезд на нем горящих хоровод!

Один — слуга; другой — владетель трона,

Суд нужен этому; тому — корона.

Один — в веселье, в горести другой,

Вот этот счастлив, тот согбен судьбой.

Вот этот в хижине, а тот — в палатах,

Тот в рубище, другой — в шелках богатых.

Тот жалкий нищий, этот богатей.

Тот бедствует, другой гнетет людей» [94, с.12].

Саади поднимался до понимания того, что тяжелое положение трудовых людей в его век вызвано режимом произвола и гнета. То с чисто народным юмором он высмеивает судей-мздоимцев, говоря: «Если судья получит от тебя взятку в пять огурцов, он присудит в твою пользу десять бахчей», а то со всей прямотой формулирует народное понимание идеи «справедливого царя»: «Цари — для охранения своих подданных, а не подданные — для послушания царям».

Гуманизм Саади был в основе своей активным. Поэт знал, что в социальных условиях его времени за человеческое право нужно бороться, и призывал отвечать

силой на насилие и гнет. Прекрасно звучат в устах поэта XIII века предостережения тиранам, мужественные призывы к сопротивлению:

«Я много сказал здесь о щедрости слов,

Но знай, что не всякий достоин даров.

Да будет злодей разорен и казнен,

Стервятник лихой оперенья лишен.

Исторгни колючий кустарник, о шах,

И только заботься о древе в плодах.

Но милостив к злобным не будь потому,

Что зло нанесешь ты народу всему.

Казни, чтоб исчез насильника след;

Насилье насильнику лучший ответ» [93, с.63].

В этом стихотворении Саади обращается к шаху, призывая его не миловать насильников, а казнить их ради счастья всех подданных. Однако Саади шел дальше: он предостерегал царей, что если они не будут принимать в расчет интересы народа, то конец их будет печален. Буквально поэтической перифразой народной поговорки является его напоминание о том, что всякому терпенью наступает конец и массы людей, объединившись, могут сбросить с себя иго

деспотов. «Разве не видишь, — что, если муравьи сойдутся, они шкуру сдерут с воинственных львов».

У народа заимствовал Саади множество пословиц, поговорок, притч, — и все, усвоенное им у народа, он вернул народу в прекрасной форме своего поэтического творения. Многие из афоризмов Саади, в свою очередь, давно стали крылатыми словами и вошли в поговорки.

Исключительной высоты достиг Саади в своих лирических газелях. Он складывал и отдельные любовные газели с их единой рифмой, и целый «венок газелей», объединенных повторяющимся двустишием, рефреном, так называемый «тарджебанд».

Свои главные труды «Гулистан» и «Бустан» он написал в старости, когда вернулся в родной Шираз. «Гулистан» стал самой распрастраненной школьной во всех таджикско-персоязычных школах, после священного Корана, изучался «Гулистан», как образец высокой прозы, но проза его ритмическая и часто рифмованная, пересыпанная стихотворными вставками.

В самом последнем рассказе отмечается две особенности: во-первых, борьба бедных и богатых, кто прав, кто виноват, во-вторых последний рассказ намного длинней, чем остальные. В конце Саади приходит к выводу что «скромность» неотъемлемое качество человеческой натуры, неважно бедный ты или богатый человек должен иметь скромность. Так же, как и благородным может быть и

богач, и бедняк, подчеркивает Джанг Хонг Ниан в своем учебнике по истории персидской литературы.

Саади в Иране, Афганистане и Таджикистане популярен настолько, насколько в Китае Конфуций. Хотя у этих двух мыслителей разные взгляды на жизнь, жили эти два просветителя в разные эпохи, при разных строях правления, однако оба мыслителя придерживались одинаковых точек зрения. Оба проповедовали гуманизм человеколюбие. Оба выступают адвокатами против тирании, подчеркивают любовь к знаниям, борются с невежами. Оба мыслителя сыграли ключевую роль в образовании. На личном примере показали, что человек имеет, некую ответственность перед обществом. Они выдвигают принцип «поступай сам, не навязывая другим».

Саади вошел в историю персидско-таджикской среднивековой литературы, не только как певец лирической газели, но и как творец дидактических произведений.

«Гулистан» и «Бустан», как известно, переводились на разные языки. Век спустя после смерти Саади в 1391 году «Гулистан» уже появился в переводе Сайфи Сарои на тюркском языке [133, с.132]. В Европе помимо французских переводов были известны переводы Ф.Оксенбаха (1636г.), Адама Олеария (1954г.) на немецком и Георгия Генция на латинском языке [221].

Творчеством Саади интересовался и глава французских энциклопедистов Дени Дидро (1712-1784гг.). В 1759 году он написал статью «Розовый сад» поэта

Саади». В данной статье кроме биографических данных (учеба в Багдаде, путешествия в Сирию, жизнь поэта в плену у крестоносцев и женитьба) чрезвычайно важным являются следующие мысли Дидро о художественном мастерстве Саади: «Саади творил в середине XIII века. Он сумел усовершенствовать талант, данный ему природой, и сочинил поэму, под названием «Гулистан» или «Розовый сад» [221].

На страницах «Гулистан»-а много рассказов, где поэт повествует о разных встречах с разными людьми своего времени. В течение 30 лет автор «Гулистан»-а и «Бустана» странствовал как обыкновенный дервиш. Он побывал в Дамаске, Триполи, Баалбеке, Хиджазе и других городах Среднего Востока, в Индии, в Туркестане, в Северной Африке.

Саади в одной из глав «Гулистан»-а о путешествии говорит следующим образом: «...выгода путешествия велика: ты тешишь душу, извлекаешь прибыль, видишь диковинки, слышишь о чудесах, смотришь на города, беседуешь с друзьями, приобретаешь образование и познание, умножаешь умение и заработки, познаешь друзей и испытываешь судьбу...» (95, с.137). Эту же мысль он излагает в стихах:

«По дальним странам мира я скитался,

Со многими людьми я повстречался,

И знания отовсюду извлекал,

Колосья с каждой жатвы собирал» [96, с.35].

Со слов самого Саади, очевидно, что талант и ум он оттачивал в скитаниях и многочиленных встречах с разными людьми, поскольку именно эти люди и составляют то общество, вне которого человек существовать не может [77].

Наибольшую славу в веках снискал себе Саади своим произведением «Гулистан» («Сад роз»), состоящим из восьми глав: о жизни царей; о нравах дервишей; о преимуществах довольства малым; о преимуществах молчания; о любви и молодости; о старости и слабости; о влиянии воспитания; о правилах общения. Каждая глава состоит из небольших рассказов, написанных прозой, иногда рифмованной (такая проза называется «садж»), заканчивающихся короткими стихотворными вставками. Истории часто взяты из жизни поэта, такого авантюрного; в книге много остроумных изречений и парадоксов, много юмора.

Трудно изложить все содержание такой интересной книги, но мы заявляем с полной решительностью: человек, который однажды увлечется ее чтением, наверняка прочтет ее до самого конца.

Приведем некоторые афоризмы:

«Есть свой хлеб и спокойно сидеть лучше, чем золотой пояс службы надеть!»[94, с.180];

«Для молодой женщины лучше стрела в боку, нежели старик под боком» [94, c.225];

«Полезней жезл учителей, чем баловство отца родного» [94, с.236];

«Серебро скряги только тогда выходить из земли, когда он сам уходит в землю» [94, с.253];

«Если дело можно уладить золотом, не следует рисковать жизнью» [94, с.265].

Заканчивается книга «Гулистан» следующим образом: «Речи Саади большей частью шутливые и увеселительные, по этой причине недальновидные распускают язык поношения, что мол, не дело рассудительных мужей изнурять бесполезно мозг и тщетно глотать чад светильника, читая эту книгу. Тем не менее, пусть не останется тайным от светлых взоров чистых сердцем мужей, к которым и посвящена эта речь, что на нитку изящного слога нанизан жемчуг целебных наставлений, а медом шутливости приправлено горькое снадобье нравоучения, дабы из-за своей горькой природы не лишились счастья благосклонного приема.

Мы подали уместные наставления

И провели за этим некоторое время.

Если не придутся они по вкусу чьих-либо ушей,

То, что же делать: долг посланников передать весть, и только» [93, с.162].

В двух «учебниках жизни» («Гулистан» и «Бустан») встречаются (и не раз) строки, призывающие к трезвенной житейской мудрости, к приспособленчеству, но будем справедливы к великому шейху. Доминируют в его произведениях представления об отваге, истине, в том числе тогда, когда приходится обхитрить монгольского врага, он произносит речи от имени многоопытного человека.

Род человеческий благодарен Саади главным образом за то, что поэт создал художественную теорию гуманизма. Саади Шерози впервые не только в персидско-таджикской литературе, но и в мировой литературе ввел понятие "гуманизм" (адамийят). данное понятие он выразил в такой изящной поэтической формуле, которая в настоящее время стало всемирно известной:

"Сыны Адама - спаянные друг с другом члены единого тела,

Ибо сотворены из одной сущности.

Если судьба поразит один член недугом,

То и другие члены покинет покой.

О ты, кого не печалит страдания других,

Нельзя тебя назвать человеком"[93, с.21].

Выводы

Таким образом, на современном этапе развития общества взаимодействие и взаимообогащение литературы является одним из основных способов этого

процесса, и изучение национальных проблем становится все более актуальным на примере культурного обмена и литературных связей.

Исследование вопросов влияния персидско-таджикской литературы на китайскую литературу, выявляет удивительные факты и интересные материалы, свидетельствующие о могуществе персидско-таджикского языка и значимости литературы на этом языке.

Исторические факты указывают, что во II-III веке до нашей эры между данными регионами имелись торговые и культурные взаимоотношения.

После официального принятия ислама единым общетюркским государством и его первым уйгурским ханом Сокутом Багроханом-Караханом в 932 году уйгурский алфавит постепенно пришел в упадок, и уйгурские мусульмане приняли арабский алфавит.

Благодаря Великому Шелковому пути не только ощущалось авторитетность согдийской культуры вдоль данной дороги, но также происходил диалог культур. В особенности изучение северной и северо-западной частей Китая влияет их связь с иранской цивилизацией и тюркской культурой.

Всеми известно, что древние иранские племена, такие как Йуджы, саки Памира, Кидорияны, Хайтолияны кочевали в степях и предгорьях в Восточном Туркестане и северо-восточной части Средней Азии и занимались скотоводством.

Изучение специфики культурного обмена, языка и письменности, исторических взаимоотношений, традиций и обычаев, взаимодействия согдийских цивилизаций с китайским народом позволяет сделать вывод о том, что в обществе современного Китая преимущественно с его западом, есть глубокие корни

иноязычной литературы.

Прадеды китайских мусульман - "хуэй" - были из персидского племени мусульман "даши", которые мигрировали из Центральной и Западной Азии. Некоторые из них были таджиками из Центральной Азии. Чтобы подтвердить эту точку зрения, следует отметить, что именно во времена правления династии Тан известные буддийские монахи прибыли из Ирана в Китай с целью перевода буддийского письменного наследия, что также способствовало распространению персидского языка. Исторические факты также свидетельствуют, что в период правления династии Юань официально использовалось три языка: монгольский, китайский и персидский. Становится явным и то, что в то время согласно решению императора династии Юань составление таблиц осуществлялось на этих трех языках. Однако уже в период правления династии Мин китайские мусульмане читали в мечетях «Гулистан» Шейха Саади

О распространении персидско-таджикского языка на территории Китая также могут свидетельствовать следующие факты:

- 874 году в Сиане, в столице провинции Шаньси было обнаружено надгробие жены генерала Су- ляна (Фарухзад- с пехлеви), Ма (Махнуз- пехлеви), которая была зароастрийского вероисповедания, гравюра имен выполнена на двух языках пехлеви и китайском;
- Фучжоу, в 1306 году было обнаружено надгробие выходца из Ирана, на котором было написано четверостишие Авиценны;

- В 1289 году Цю Билай хан (хан монгольской династии Юань) по рекомендации отдела государственных дел (Шан Шу Шен) основал мусульманский национальный университет в Даду (современный Пекин);
- На товарных знаках, на медных весах, выдаваемых монгольским правительством (династией Юань), были четыре параллельные друг другу надписи на персидском, китайском, уйгуро-монгольском и китайском Пагва-алфавите;
- В эпоху династии Мин (1368-1644гг.) было основано бюро официальных переводов (四夷 館 Siyi guan Сы И Гуань, данным бюро был составлен учебник 回 回 关于语 hui-hui guanyi yu (пособие по переводу с «мусульманского»), который включал в себя не только методические рекомендации, но и словарь «мусульманско» китайский, и состоял он из 1010 статей;
- Начавшееся брожение в верхах китайского общества привело к дворцовому перевороту 1669 года и свержению Обоя. Чтобы подавить волну недовольства, принц Сонготу и его сообщники пошли на ряд уступок и послаблений.
   Правительство Сонготу, устранив недовольство масс и укрепив тыл, укрепило позиции маньчжурского режима в Китае.
- Однако, в китайских медрасах продолжали обучаться на персидском языке. Обучались по системе 14-ти «классиков», в число которых входили одна из пяти работ Лиан Ву Бена «5 принципов»;

- При династиях Мин (1368-1644гг.) и Цин (1616-1911гг.) «Гулистан» Саади был одним из ведущих учебников, с помощью которых обучались персидскому языку в мусульманских школах Китая;
- В конце XVII века китайские мусульманские ученые начали издавать книги на персидском языке;
- Существуют несколько рукописей датируемые XVII веком, и они хранятся в пекинских мечетях;

ГЛАВА 2. КИТАЙСКИЕ ПЕРЕВОДЫ «ГУЛИСТАН»-А СААДИ И ИХ РОЛЬ В РАЗВИТИИ КИТАЙСКО-ТАДЖИКСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

2.1. Становление и развитие переводческого дела в Китае

«Мир, в котором живет другой народ, говорящий на другом языке, его культуру и, в частности, художественную литературу, возможно, познать посредством перевода, - это подтверждено всей историей взаимоотношений между народами разных стран».

Г.Гачичеладзе.

Перевод в Китае присутствовал уже в глубочайшей древности. В «Записках о ритуале» которые по преданию относят к Конфуцию, сказано: «Каждый из народов пяти сторон - жители Срединных царств и варвары - обладал своим неизменным нравом. Восточные племена, имя им "и", ходили с распущенными волосами, тела покрывали татуировками. Некоторые ели сырое. Южные племена, имя им "мань", вырезали у себя на лбу узоры и ходили косолапо. Некоторые ели сырое. Западные племена, имя им "жун", распускали волосы и одевались в шкуры. Некоторые не ели зерна. Северные племена, имя им "ди", одевались в перья и меха, жили в пещерах. Некоторые не ели зерна. У жителей Срединных царств, "и", "мань", "жун", "ди" были покойные дома, еда по вкусу, удобная одежда, полезная утварь, необходимые сосуды. Языки у народов пяти сторон были неодинаковы, пристрастия и желания различны. Выражавшие их мысли и сообщавшие их

⁸ Переломов Л.С. Конфуций. «Лунь юй». Исслед., пер. с кит. коммент. Факсимильный текст «Лунь юя» с коммент. Чжу Си. М.: Восточная литература, 2000.

желания на востоке назывались «передающими», на юге "представляющими", на западе "диди", а на севере переводчиками» [71, с.36].

О данные факты находят отражение и в статье Р. Шапиро, который пишет: «В других древних памятниках переводчики именуются «языковыми людьми» и «переворачивающими языки». Самым древним постулатом китайской теории перевода, считается слова из комментария «Гулянчжуань» приписываемые в нем Конфуцию: «Имена принадлежат хозяевам, а вещи Китаю». Первоначально сказанное относили к учению правильности названий: если треножник изготовлен в местности Гао, именовать его следует «треножником из Гао», даже если он и принадлежит всему Китаю. Вскоре переводчики понимают это высказывание немного иначе, имена собственные следует передавать фонетически, тогда как имена нарицательные - китайскими словами. К сожалению, нам неизвестно, когда именно данное употребление появилось, однако данный принцип набрал популярность после выхода в свет статьи известного литератора и общественного деятеля Лян Цичао» [107, с.200].

Следовательно, китайцы могли иметь дело только с устной формой перевода. И только после распространения религии буддизм в Китае начинает переводиться. Он появляется в Китае на рубеже старой и новой эры. Бесспорно, что уже в эпоху правления империи Западная Хань, буддийский канон на китайском языке существовал в устной пересказе, и только в 147 н.э. е. был сделан перевод санскритской сутры.

Хорошо известно, что развитие одной культуры другой осуществляется посредством перевода. Развитие иностранной культуры китайцами через перевод делится на два периода. Первый период - перевод буддийских текстов, который продолжался до конца XVII века, а второй этап - перевод западноевропейских трактатов.

В вышеуказанной статье также отмечает, что: «Одновременно с появлением письменного перевода, стала разрабатываться теория перевода. Буддийский монах Вэй Ци говорил: «речи Будды нужно переводить по смыслу, не украшать, не делать строже, однако передавать их нужно доступно и без упущений» [107].

Следует отметить, что Дао Ань (314-385гг.) сформулировал доктрину о «пяти утратах и трех трудностях», которая заключаются в изменении порядка слов, произвольном украшении, устранении повторов, опущении введений и заключений. Дао Ань задавал вопрос: «Что почувствовали бы китайцы, если бы при переводе их классических «Книги песен» и «Книги истории» иностранцы опустили бы «скучные» места?». Спустя полторы тысячи иностранцы так и поступили. «Три трудности» - это донесение дхармы до людей. Точнее это перевод слов святых и писаний, которые составлялись и оттачивались веками.

Знаменитый переводчик Кумараджива (344-413гг.) негодовал, что при переводе на китайский язык поэтические части канона сохраняли смысл, но вкус был утерян. Он, как и Вэй Ци, искал смысловой перевод и иногда прибегал к комментариям. Например, он считал, что фраза «Небеса видят человека, человек

видит небо» должна быть выражена следующим образом: «Небеса и человек объединены и могут видеть друг друга» [107].

Во времена династии Тан (608–917) переводческий бизнес в Китае достиг новых высот. Известный в то время буддийский монах, совершивший паломничество в Индию, Сюянзань (600-664гг.), при поддержке императорского двора Сюаньцзан открывает переводческий отдел в столице, сотрудники которого приехали из разных стран Восточной Азии. Переводчики этого отдела перевели 1330 свитков буддийских сутр.

К концу 16 века в Китае начинается второй этап - изучения западноевропейской культуры посредством письменного перевода. Второй этап продолжался на протяжении двух с лишним веков, и основная деятельность выполнялась иезуитами. Открывается Общество Иисуса, члены которого перевели на китайский язык более 400 книг, из которых половина была религиозного характера, третья часть посвящена естественным наукам, а остальные - гуманитарным и западным нравам.

Позже появляется первая книга европейца на китайском языке, написанная Микелем Руджиери (1584), «Истинные летописи святого учения». Иезуитам помогли поднять престиж западной культуры с помощью переводов научных трудов таких отраслей, как астрономия, математика, философия, теология, медицина, музыка. По вопросам военного дела иезуиты консультировали как императоров Минской, так и династий Цин. Единственное западное литературное

произведение, переведенное на китайский язык в XVII и XVIII веках, - это «Басни Эзопа», которые были переведены Николой Триго в 1625 году. В то же время китайцы, используя иезуитов, переводили западные книги на китайский, однако чаще всего Иезуиты делали переводы, а китайцы, в свою очередь, добавляли элегантность переводам или переводили перевод в письменную форму, приемлемую для классической литературы. Доказательство тому можно найти в иезуитских архивах китайских стихов, посвященных их китайским друзьям и коллегам. В целом, переводческая деятельность иезуитов заключалась в адаптации западных текстов к местным условиям. Например, в китайском языке для понятия Бога не было слова, и иезуиты называли Бога в китайском Хозяин Небес. Хотя в то время желание объединить христианскую религию и китайский небесный культ был осужден Римом, однако католицизм в Китае по сей день называют учением Небесного Мастера. Конечно, иезуитские переводы в Поднебесной были доступны только узкому кругу образованной элиты.

Уже в первой половине XIX века переводческим ремеслом в Китае занимаются британские и американские протестантские миссионеры. В отличие от иезуитов, протестантские миссионеры не имели профессиональной подготовки по различным наукам, в основном они общались с малообразованными слоями населения Китая. Этот факт привел к низкому качеству их переводов. Упрощенный литературный язык, диалектный язык, распространенность христианских тем свидетельствовали об отсутствии интереса к китайским ученым, которые, в свою очередь, отвечали взаимностью. Доказательством этого является

следующая цитата: «Книги о вере поверхностны и не заслуживают изучения, они переведены очень плохо» [32, с.15].

Китайские императоры также не поддерживали протестантских миссионеров; Обучение иностранцев китайскому языку с начала 18 века было наказуемо смертью. В период с 1810 по 1867 год только 12% протестантских переводов были научными работами, все остальное было религиозным. Конечно, миссионеры понимали, что переводы научных трудов были бы востребованы, если бы проповедь христианства была исключена из них, но они были соблазнены мыслью о распространении «света веры Христа». Итак, в 1810 году Роберт Моррисон опубликовал первое протестантское издание «Акт Апостолов», и уже в 1822–1823 годах были опубликованы полные переводы Библии на китайский язык. Нерелигиозные переводы были в основном учебниками для миссионерских школ. Очень важную роль для развития западноевропейской культуры сыграл китайский перевод книги Иладжи Бриджмена «Исследования нескольких стран в Соединенных Штатах Америки», опубликованный в 1838 году. Позже, благодаря китайской и японской адаптации, такие слова, как «литература», «торговля», «законодательство», «пароход», «паровоз», «(торговая) компания» и т. д. вошли в китайский язык.

Следует отметить, что слова эти были новыми относительно. В связи с тем, что китайский язык не располагает полным фонетическим заимствованием, переводчики либо использовали комбинации односложных китайских слов, либо использовали уже готовые слова и выражения, только в новом значении.

Уже к концу XIX века, китайцы перестали недоверчиво относиться к миссионерским изданиям на китайском языке. Миссионеры, в свою очередь, издают больше нерелигиозных книг, их больше интересуют научные трактаты по медицине и различные словари.

Все эти различные переводы послужили основой для развития литературного перевода в Китае. Лин Шу (1852-1924гг.) стал известным благодаря своим ранним переводам художественной литературы. Писатель, переводчик, идеолог традиционализма. Он перевел более 180 литературных произведений европейских и американских авторов на древний литературный язык гувэнь, воспринимая их «от голоса», переводя на современный китайский язык. Переводы Лин Шу не только чрезвычайно популярны, но и оказали большое влияние на развитие китайской литературы.

Почти все китайские писатели и переводчики нового поколения, пришли в литературу из технических отраслей. Так, к примеру, Чжоу Шужэнь, более общеизвестный под псевдонимом Лу Синь, в юношеские годы изучал шахтерское и морское дела, позднее медицину в Японии. Его первыми шагами в области литературы были переводы двух историй Жюля Верна в 1903 году. Позже, в 1909 году, он и его брат Чжоу Чжэн опубликовали в Токио перевод «Сборника иностранных историй» с японского и немецкого языков на классический китайский. Почти половина рассказов в этом сборнике принадлежит перу таких русских писателей, как Гаршин, Андреев, Степняк-Кравчинский, Чехов, Ф. Сологуб, другая половина - Уайльду, По, Мопассану, Сенкевичу и другим.

Несмотря на известность и талант этих писателей, за 10 лет со дня публикации братья Чжоу смогли продать только 21 экземпляр. Причиной всему, скорее всего, явилось то, что китайские читатели не могли воспринимать точный перевод, к которому братья всегда стремились. В дальнейшем Лу Синь переложил на разговорный китайский язык прозу таких писателей как Н.В. Гоголь, М. Горький, А.А. Фадеев, Л. Пантелеев, очерки А.В. Луначарского, Цуруми Ясуке, Куриягавы Хакусона. Брат Лу Синя стал известен переводами восточно-европейских авторов. Последовав примеру братьев Чжоу, из медицины в литературу пришел Го Можо. Благодаря его переводам китайские читатели познакомились с такими произведениями Гёте «Фауст», «Страдания юного Вертера», узнали о прозе Э.Б. Синклера, Голсуорси, Л. Толстого и других.

В 1924 году Го Можо (1892 -1978гг.), переводит 4-ое издание Хайяма Фиджеральда на китайский язык. Уже позднее в 1927 году известный в Китае литератор Чженг Чжень До (1898-1958гг.), в своем журнале «Литературный контур» в специально отведенной рубрике систематически знакомит читателя с персидской классической литературой. Он пишет: «На самом деле средневековье - это золотой век персидской литературы. Несмотря на вторжение арабов, натиск монголов, персидские поэты мастера слова неустанно развивались. Благодаря чему, современности известны Фирдоуси, Хайям, Саади и Хофиз» [204, с. 318].

В 1934 году правительство Ирана на ежегодной ассамблее ООН предложило отметить 1000-летие со дня написания «Шахнаме» Фирдоуси. В этом же году и в Таджикистане широко отмечено 1000- летие «Шахнаме». В честь сего

мероприятия китайское литературное сообщество издало перевод «Шахнаме» Фирдоуси на китайский язык. Интерес китайского читателя начинает возрастать, о чем свидетельствует последующие выпуски переводческой литературы.

Ха Ди Джен (1887-1943гг.) и Ванг Дзин Джай (1879-1948гг.) были наиболее известными переводчиками с персидского языка. Ванг Дзин Джай переводит «Гулистан», как «镇静花园 ^{9} ».

В 1958 году в честь 700-летия со дня написания «Гулистан»-а Саади организация ЮНЕСКО ООН ознаменовало годом Саади. В этом же году китайское народное литературное издательство опубликовало перевод «Гулистан»-а Саади перевод с английского языка выполненный Шуэй Дзиен Фу. Также в 1958 году были проведены литературные вечера памяти великих поэтов и писателей Ирана.

Наряду с «Гулистан»-ом Саади Народное литературное издательство публикует «Сборник Руми» перевод Сонг Джао Линг, «Сборник Рудаки» перевод Пан Ци Лин, «Сборник персидских рассказов» перевод Пан Ци Лин. Позднее в 1964 переводчик Пан Ци Лин переводит «сказание о Сухробе и Рустаме» из «Шахнаме», перевод был осуществлен с русского языка.

Спустя уже 49 лет «Восточную литературу» включили в качестве обязательного курса старшеклассникам Китая. Персидско - таджикскую литературу начали преподавать в колледжах и университетах, возвысив ее до царя

-

^{9 «}镇静花园» «Неземной сад», изданный Пекинским мусульманским издательством в 1947г.

восточных литератур. Студентов вузов стали последовательно знакомить с творчеством Рудаки, Фирдоуси, Хайям, Саади, Руми и Хофизом.

В 1985 году в Пекинском университете на факультете восточных языков и литературы в качестве основного предмета ввели историю персидской литературы. С 1987 года функционирует магистратура и докторантура по специальности «персидская литература».

В 1982 году в Китае впервые опубликована «Полная энциклопедия зарубежной литературы», книга явилась неким рычагом для ознакомления более широкого круга людей с персидской литературой. Эта энциклопедия ознакомила читателя с 29-ю персидским поэтом и писателем. В том же году в номерах 2, 3 и 4 литературного журнала «Иностранная литература» Пекинского университета публикуется обширная статья «Знакомство с персидской литературой», автором которой явился профессор Джанг Хонг Ниан.

В 1983 году «Содружество китайских литераторов» издали перевод Джанг Хонг Ниана «Лейли и Меджнун» Низами, впервые показав китайскому читателю лирическое произведение иранского поэта. В Китае впервые узнали о Низами, территориальная принадлежность, которого спорна, автор перевода, на что также указывал. Переводчик в предисловии книги пишет: «Безусловно, сейчас территория не принадлежит современному Ирану, однако ничего не изменить, и он является иранским поэтом». В силу исторических причин родина поэта Ганджа уже не территория Ирана, но это не меняет того факта, что он персидский поэт. В

период его жизни и после его кончины Ганджа была частью Ирана [204, с.215].

В 1984 году переводчики «Гулистан»-а Саади Шуэй Дзиен Фу и Джанг Хонг Ниан были приглашены на торжественном мероприятии посвященное памяти Саади Шерози в Университет Шираз, в Иране. Шуэй Дзиен Фу представил свой вариант перевода на китайский язык «Гулистан»-а, а профессор Джанг Хонг Ниан подготовил статью «Саади в Китае». Эти две работы расширили горизонты изучения персидской литературы в Китае.

В 1990 году в Пекинском университете совместно с Тегеранским университетом открыли направление аспирантуры по иранской филологии. Профессор Тегеранского университета Саад Джафар Саиди был избран председателем общества [204, с.443].

В последующем в рамках сотрудничества было проведено три симпозиума, последний из которых действующий глава государства Мохаммад Хотами. Вместе с ним в 2000 году симпозиум также посетили семь выдающихся ученных Ирана и более 10-ти ученых из Синьцзяна-уйгурского автономного округа, где были обсуждены литературные связи Китая и Ирана [204, с.471].

2.2. Художественный перевод как форма литературных связей

Художественный перевод в современном литературоведении имеет следующее определение: «вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом» [60, с.5].

К довершению всего, художественное переложение является средством культурного общения, обмена литературными ценностями, который создает условия для взаимообогащения и взаимовлияние литературы разных народов и стран. Таким образом, он служит инструментом меж литературных связей, которые в свою очередь находятся в непрерывном взаимодействии и усвоении одной литературой художественного опыта другой.

Один из крупных исследователей китайской литературы и выдающийся советский Н.И. Конрад «Главным востоковед отмечал, ЧТО проникновения одной литературы в другую является, конечно, перевод. Но переводчик далеко не только «посредник». Воссоздание на своем языке литературного произведения, написанного на другом языке, всегда есть акт творчества. Появление перевода представляет в той или иной степени обогащение собственной литературы. Литературное произведение в орбите своего языка, неотрывно от него, уже само появление произведений другой литературы на языке данной страны вводит их в орбиту литературы этой страны. Поэтому деятели литературы в каждой стране являются не только писатели, но и переводчики» [61, с.291].

Теоретически нет ничего легче, как синтезировать оба принципа и объявить идеалом дословно точный и в то же время художественно полноценный перевод. Но на практике этот идеальный синтез невозможен: у двух разных народов совершенно, различные средства для выражения одной и той, же мысли.

Перед автором оригинала находится живая реальность, которую он отражает. Перед переводчиком стоит художественная реальность переведенного произведения. Переводчик должен принять во внимание оба факта. Кроме того, реальность, окружающая переводчика, диктует ему выбор переводимой работы и средств перевода. Существенное отличие автора перевода от автора оригинала состоит в том, что его творчество не только обусловлено объективной действительностью современной ему жизни, но и ограничено художественной действительностью переводимогоим произведения, формой и содержанием последнего. Это обстоятельство и обуславливает специфику переводческого искусства [39, с.245].

Гете, изучая литературы мира в XIX в. говорил о взаимодействии и неразрывном контакте взаимовлияний на разных этапах своего развитиялитератур народов мира. Эти влияния можно увидеть и в процессе формирования общих закономерностей художественного мышления. В развитии культуры народов особенно в межлитературном процессе художественные переводы занимают центральное место. Исследование места перевода в меж литературных связях, а также его роли взаимообогащении культуры подтверждается и программными положениями межгосударственных соглашений.

Изучая художественный перевод, большинство исследователей занимаются самим процессом перевода, к которому относится анализ художественного образа вместе с выступающими на первый план структурными элементами произведений, вопросы сохранения самобытного и национального колорита, передача рифмы и

т.д. Таким образом, эти исследования области перевода, прежде всего, вырабатывают различные рекомендации, такие как что можно или же, как нужно переводить или каковы критерии адекватного перевода и т.п. Как отмечает, С.И. Влахов: «... в современном литературоведении художественный перевод определяется не только, как «вид литературного творчества, в процессе которого произведение, существующее на одном языке, воссоздается на другом» [34, с.5].

С точки зрения литературной критики можно изучить различие между существующими методами художественного перевода. Произведение, созданное в рамках одного творческого метода, вполне может быть переведено другим творческим методом. Как правило, в зависимости от метода перевода один и тот же, оригинал приобретает различную окраску. Например, романтический перевод «придает переводимому произведению несвойственные ему черты возвышенного стиля, предоставляя полную свободу фантазии переводчика, его собственным идеям, изменяет соответственно и форму и т.д. Натуралистический перевод создает мертвую фотокопию оригинала, дословно передает содержание и тем самым нарушает форму (буквализм) или, наоборот, механически повторяет ее, действуя во вред содержанию (формализм)» [39, с.249].

Академик Н.И. Конрад определяя три основные формы проникновения одной литературы в другую пишет: «Первая форма проникновения одной литературы в мир другой литературы – непосредственное знакомство с чужой литературой в ее подлинном виде. По мнению Н.И.Конрада возможности этой формы ограничены, потому что проникновение литературного произведения в подлиннике «не

получает строго зафиксированного нового языкового облика; этот облик создается каждым читающим в известной мере на свой лад и существует поэтому только для него» [60, с.339].

Так, например, в средние века, во времена династий Мин и Цин, обучение китайских мусульман в медресе проводилось на персидском языке. «Гулистан» Саади был одним из основных учебников, в которых персидский язык школах китайского мусульманства. «Вторая преподавался В форма проникновения литературы одного народа в литературный мир другого, является перевод. Конечно, это явление другого порядка, чем проникновение непосредственно в подлиннике. Потому что, перевод по необходимости создает вполне определенно новый языковой облик переводимого произведения, и в этом виде произведение и начинает существовать для данного народа. Это означает, что литературное произведение «начинает жить уже независимо от своей первоначальной языковой формы». Оно становится в языковом выражении многоликим. При таком превращении оно кое-что теряет, кое- что приобретает. Теряет оно свою единичность неповторимую Ty индивидуальность, какую дает ему языковая плоть, в которой оно родилось в своей стране» [60, с.339]. С другой стороны, оно приобретает общее, которое выводит его за пределы единства, что важно для всех.

В качестве примера для иллюстрации второй формы проникновения по Н.И. Конраду обратимся к китайскому переводу «Гулистан»-а Саади Шерози, выполненному Янг Ван Бао.

Глава 8 рассказ 16	
Саади	Янг Ван Бао
Бар ачзи душман рахмат макун, ки	敌人无可奈何的时候,你千万不能让
агар қодир шавад, бар ту набахшояд	步,一旦他有了力量,决不会把你饶恕
(досл.: "Не жалей слабого врага, ибо	Dírén wúkěnàihé de shíhòu, nǐ qiān wàn
он, если станет могущественным, не	bùnéng ràngbù, yīdàn tā yŏule lìliàng,
помилует тебя").	jué bù huì bă nĭ ráoshù
	(Перевод Х.Ш.Р «Когда враг в
	безнадежном положении, никогда не
	уступай ему, как только у него
	появиться сила, ни в коем случае не
	помилует тебя»)
Душман чу бинӣ нотавон, лоф аз	敌人弱小无力时不要发善心 Dírén
бурути худ мазан (досл.: «Когда	ruòxiăo wúlì shí bùyào fā shànxīn
видишь врага беспомощным, не	(Перевод Х.Ш.Р «Враг обессилен –
хвастайся своим могуществом»),	не следует проявлять милосердие»)
Мағзест дар ҳар устухон, мардест дар	骨头里都有髓, 衣服里都有人
ҳар пираҳан (досл.: «В каждой кости	(Перевод Х.Ш.Р « В костях есть
есть мозг, в каждой рубашке –	костный мозг, в одежде есть
мужчина») [94, с.143].	человек») [208, с.268].

Третья форма, по определению Н.И. Конрада, это национальная адаптация.Для иллюстрации своей теории академик Н.И. Конрад упоминает японский

сборник рассказов «О необычных происшествиях (Отоги-боко)», изданный в 1666г., где подавляющее большинство рассказов воспроизводит рассказы китайского сборника «Цзяньдэн синьхуа» приспособленном виде для японского читателя.

По его мнению, «именно такое приспособление ... и можно именовать «национальной адаптацией» [60, с.345].

Изучая переводы «Гулистан»-а в Китае, мы обнаружили перевод, Лью Бей Янг. Он перевел произведения, немного иначе, чем все предшествующие переводчики. В своей работе Лью Бей Янг не просто переводит рассказы из «Гулистан»-а, он дополняет их историями из жизни известных людей. К примеру, в третьей части своей книги, именуемой «Научись молчать, потому что молчание золото». Лью Бей Янг приводит строки из введения:

智者的舌头有什么用处? Zhìzhě de shétou yǒu shé me yòngchù? 它是打开智慧宝库的钥匙。Tā shì dǎkāi zhìhuì bǎokù de yàoshi. 当大门紧闭时,谁人能知,Dāng dàmén jǐn bì shí, shéi rén néng zhī, 那里面装的是杂货还是宝石? Nà lǐmiàn zhuāng de shì záhuò háishì bǎoshí «Забон дар даҳон, эй хирадманд, чист? Калиди дари ганчи соҳибҳунар. Чу дар баста бошад, чӣ донад касе? Ки чавҳарфурӯш аст ё пилавар? (Дословно: «О, мудрец, что такое язык во рту? Это ключ от дверей сокровищницы мудреца! Если дверь будет закрыта, как могут узнать люди, там ювелир или же старьевщик?»)» [207,с.169].

После строк из «Гулистан»-а Лью Бей Янг приводит собственное разъяснение о вышеизложенном, а в закреплении своего точки зрения Лью Бей Янг

приводит рассказ:

«Влияние иглы»

В декабре 1979 года, Эдвард Лоренц выступил на заседании Американской ассоциации по содействию науке о прогнозировании с докладом, в заголовке которого поместил вопрос: может ли взмах крыльев бабочки в Бразилии привести к торнадо в американском штате Texac. С тех пор термин «эффект бабочки» широко распространился. Метафора «эффект бабочки» в теории хаоса выражает, что хаос — это предсказуемая случайность. Даже мельчайшее вмешательство в прошлое может стать причиной самых неожиданных парадоксов в настоящем. Достаточно трепета крыльев бабочки, чтобы пустить по воде рябь, способную нарушить баланс сил и вызвать грозу страшной силы. Объекты, отправленные В прошлое, неизбежно изменят его самым непредсказуемым образом, что станет причиной временного парадокса.

Все вышеизложенное можно проиллюстрировать в популярной западной народной песне.

«Потерял гвоздь - испортил подкову,

Испортил подкову - потерял боевую лошадь,

Потерял боевую лошадь – ранил всадника,

Ранил всадника – проиграл сражение,

Проиграл сражение – исчезнет империя».

Таким образом, при изучении персидско-китайских литературных связей на примере «Гулистан»-а Саади Шерози, мы наблюдаем все эти три формы.

2.3. Особенности переводов «Гулистан» - а Саади Шерози на китайский

язык

Перевод на китайский язык «Гулистан»-а Саади одного из величайших памятников Мировой литературы является важным событием в культурной жизни народа Китая.

«Гулистан» Саади Шерози (1204-1292гг.), как известно, является выдающимся памятником персидско-таджикской средневековой литературы. Высокие гуманистические идеи «Гулистан» -а совершенство его художественной формы служил источником вдохновения для многих корифеев мировой литературы Запада и Востока. Этот шедевр во многом стал стимулом литературных связей и литературных взаимовлияний персидско-таджикской и китайской литератур.

В средние века творчество Саади в Китае было распространено в подлиннике. Как уже нами было отмечено, по сведениям средневекового арабоязычного путешественника Ибн Баттута (1348г.) путешествуя по городу Ханджоу (юг Китая) он услышал, как один китайский певец пел песню на фарси - стихи принадлежали Саади [205, с. 222].

При династиях Мин (1368-1644гг.) и Цинь (1616-1911гг.) «Гулистан» Саади был одним из ведущих учебников, с помощью которых обучались персидскому языку в мусульманских школах Китая [205, с.44].

В XX в. по нашим сведениям, осуществляется 4 полных и фрагментарных переводов «Гулистан»-а, первым из которых является перевод Ванг Дзин Джая, опубликованный в 1941г. Ванг Дзин Джай (1879-1948гг.) настоящее имя Вэнь Цин хуэиц по происхождению, выходец из Тхендзиня. Родился в семье имама, в

восьмилетнем возрасте обучился арабскому письму. И уже в 15-ти летнем возрасте официально начал обучатся священным предписаниям и Корану в мечети.

В сентябре 1927 года, Ванг Дзин Джай совместно с Бао Цонгом основали ежемесячный журнал «Свет Ирана», где сам был редактором. Данный журнал просуществовал 12 лет, в связи с началом военных действий Японии по отношению к Китаю, журнал вынуждено перенесли из Тхендзиня в Нингся. Однако в феврале 1939 года журнал прекратил свое существование. Находясь в осажденном японцами городе, Ванг Дзин Джай ретранслирует перевод Корана, а также переводит «Гулистан» Саади Шерози на китайский язык. Свой перевод Ванг назвал «Гулистан», «Сад мудрецов». На мирных переговорах в Чунцине в 1941г. перевод Ванг Дзин Джая «Сад мудрецов» был опубликован в журнале «Исламский форум».

После окончания китайско-японской войны 1947г. пекинское издательство «Ньюдзие» напечатала «Сад мудрецов» в виде отдельной книги.

В своих переводах Ванг Дзин Джай высоко оценивал Саади: «Саади - это хороший литератор, он обладает высоким стилем и одновременно юмористическим слогом. Он великий писатель-поэт и является одним из четырех известных поэтов – писателей Востока» [205, c.45].

Свой вариант перевода, состоящий из 299 рассказов, Ван делит на 8 глав. Рассказы в этих 8-ми главах он делит практически идиентично оригиналу. А именно: первую главу он нарекает «Императорское повидение», в которую заключает 42 рассказа. По нашему мнению, отличие в слове император и царь, в том, что в Китае никогда не было царей, а главенство сословия нарекалось статусом «императора». Далее вторая глава «О морали дервишей» заключила в себе 49 рассказов. Тертья глава «Довольствие малым превосходное качество» состоит из 30 рассказов. Четвертая глава «Преимущество молчания» 14 рассказов. Пятая глава «Любовь и молодость» состоит из 21 рассказа. Шестая глава «Слабость и старость» 9 рассказов. Седьмая глава «Эффективность воспитания» 20 рассказов, и Восьмая глава «Нормы повидения» состоит из 114 рассказов.

В целом перевод выполнен качественно, упущением можно считать лишь, то, что он упрастил вступление, но за счет добавления в главы рассказов он сбалансировал (адаптировал) книгу для китайского читателя. Следует отметить, что за основу переводчик выбрал произведение на языке оригинала, что послужило более точному переводу.

Следует отметить, перевод Ванг Дзин Джая имел большое значение для популярности Саади в Китае, а также стал образцом адекватного художественного перевода персидских текстов на китайский язык.

Подобное отношение переводчика к оригиналу допустимо. Все это, конечно, нами рассматривается в сопоставительном плане. «Сопоставление – это, прежде всего, процесс осознания специфических черт сопоставляемых явлений и в то же время – процесс исканий того, на чем базируется общность этих явлений» [63, с.163].

Следующим переводчиком шедевра Саади явился Шуэй Дзиен Фу.

Родился в 1925 году 25 октября. В 1950 году окончил Пекинский Университет Цинхуа факультет иностранных языков отделения английский язык. Является специалистом по китайско-греческим литературным связям. Он перевел и опубликовал свой вариант перевода, уже под названием «Гулистан» в 1958 году. Переводит он произведение с английского языка. Состоит из 277 рассказов, которые разделились на 8 глав.

Первая глава именуется, как «Записки слов и действий императорских» состоит из 41 рассказа. Вторая глава «Записки слов и действий монахов» 49 рассказов. Третья глава «Знание меры приносит счастье» 29 рассказов. Глава четвертая «О малословии» 14 рассказов. Пятая глава «О любви и молодости» состоит из 11 рассказов. Шестая глава «О старости и слабости» 8 рассказов. Седьмая глава «О эффективности воспитания» 19 рассказов. И последняя глава «О общении» заключила в себе 106 рассказов.

Перевод Шуей Дзиен Фу осуществил с английского перевода, Эдварда Бэкхауса Иствика.

Эдвард Иствик (1814-1883 гг.) английский востоковед и дипломат служил в Индии, ездил в Китай, позже был профессором языков хинди и телугу. В 1860—1863 состоял поверенным в делах в Персии и своё пребывание в этой стране описал в «Дневнике трёхлетнего пребывания дипломата в Персии». 10

Иствик перевёл на английский язык несколько немецких и персидских сочинений, среди которых выделяется «Гулистан» Саади (2 изд. 1880).

-

 $^{^{10}\,}$ «Journal of a diplomatist's three years residence in Persia», Лондон, 1864

Третий перевод, «Гулистан»-а был осуществлен 1999 году с персидского языка переводчиком Янг Ван Бао. Переводчик, использовав и оригинал, и вариант перевода Шуэй Фу Дзиена внес отдельные изменения, и комментарии опубликовал свой вариант «Гулистан»-а. Данный переводчик прибег к фонетическому заимствованию и назвал книгу «古罗斯坦 Gu Luo Si Tan» (Гулистан). В предисловии книги он описывает, как в 1989 году он впервые познакомился с произведением Низами Ганджави «Лейли и Маджнун» в переводе профессора Джанг Хонг Ниана. Переводчик пишет, что он прочитал его «дважды на одном дыхании».

Уже во время учебы в докторантуре он стал работать над «Гулистан»-ом Саади в переводе Шуэй Фу Дзиена, который перевел с английского языка на китайский. В произведении «Гулистан» его привлекает «жизненная философия» Саади и Янг Ван Бао решает публиковать поправки и дополнения перевода Шуэй Фу Дзиена. Он пишет: в 5-й главе «Любовь и молодость» 21 рассказ, переводчик Шуэй перевел 11, и исключил 10 рассказов. В 6-й главе «О старости и слабости» 9 рассказов, однако он перевел 8. В 7-й главе «О влиянии воспитания» 20 рассказов, в варианте Шуэй Фу Дзиена 19. Сам же автор предпологает, что данные исключения обусловлены политическим влиянием на страну того времени. И считает свосообразным включить все исключения в свой вариант перевода в силу того, что ситуация в стране вполне допускает это. Автор в своей книге, единственный переводчик, который приводит наряду с переводом и оригинал. Приведем пример, как поделил на главы в своем варианте Ян Ван Бао.

Он также делит шедевр Саади аналогичто с другими вариантами перевода, в частности сходство с переводом Ванг Дзин Джая.

Глава первая «Императорское повидение» 42, глава вторая «О морали дервишей» 49, глава третья «Довольствоваться своей участью превосхдно» 30, глава четвертая «Преимущество молчания» 14, глава пятая «Любовь и молодость» 21, глава шестая «Слабость и старость» 9, глава седьмая «Эффективность воспитания» 20, глава восьмая «Нормы повидения» 114.

И последний перевод «Гулистан»-а был сделан в 2002 году профессором Пекинского университета Джанг Хонг Нианом.

Профессор Джанг Хонг Ниан в 1956 году окончил Пекинский Университет факультет русского языка и литературы, а 1960 году факультет персидского языка и литературы того же университета. В 1986 году проходил стажировку в Иране. Перевод Джанг Хонг Ниана содержит почти полный текст «Гулистан»-а. Переведены все рассказы с 1 по 8 главу. Стих «Гулистан»-а приспособил верлибру. Перевод Джанг Хонг Ниана ведется на принципах, которые свойственны переводу Ван Дзин Джая: верность оригиналу, верность действительности, верность читателю. Как и у остальных переводчиков, в варианте Джанг Хонг Ниана в предсловии книги дается краткие сведения о жизни и творчестве Саади Шерози.

Популярность «Гулистан» достигла такой степени, что как свод моральных, дидактических и жизненных наставлений китайские авторы прибегали к его «национальной адаптации». И в Китае появились адаптированные варианты перевода «Гулистан»-а Саади. Например, книга Лью Бей Янга «Гулистан»

(«Мудрость Саади в прикроватной книге»). Автор книги, выборочно собрал рассказы из «Гулистан»-а предварительно поделив на 4 большие главы. Далее делит на главы и подзаголовки для полной картины степени «адаптированного перевода» для широкого круга читателя. Рассмотрим более подробно данную книгу. Первую главу автор назвал «Саади об этикете». Эту главу автор делит на 4 части, каждой из которой он дает название. Часть 1 -о стиле руководства. Часть 2 -о мудром поведении. Часть 3- жизненные навыки. Часть 4 -о выборе друзей. В каждой главе он разместил рассказы из «Гулистан»-а Саади, после каждого рассказа дается краткое объяснение и пример в качестве комментария к каждому рассказу. Вторая глава - «Саади о мудрости жизни». Автор также разделил вторую главу на несколько частей. Часть 1 - быть счастливым на самом деле очень просто. Часть 2 - научиться молчать, ибо молчание - это золото. Часть 3 - выучи этикет и живи в мире. Третья глава - «Саади о любви, о чувствах». Автор делится на 2 части, называя их любовь источником счастья, а любовь непобедима. И последняя глава «Саади о воспитании». Автор делит последнюю главу, также на части образование делает вас более успешными и дети наше будущее.

Считаем необходимым при сравнительном изучении перевода текстов «Гулистан»-а Саади исходит из положения, что «Важнейшей функцией перевода является посредническая, вытекающая из основного назначения переводческого дела. Чтобы дать всестороннюю оценку этой функции, необходимо провести последовательный сравнительный анализ практической методики переводческой работы, с учетом динамики развития воспринимающей (т.е. китайской – Х.Ш.Р.)

литературы. Мы должны, точнее говоря, рассмотреть переводческие приемы на фоне конкретного языкового обихода, уделяя преимущественное внимание характеру подхода переводчика к оригиналу (здесь – Х.Ш. «Гулистан») ко всем его компонентам»[50, с.125].

Чтобы не быть голословным и показать степень адаптации «Гулистан»-а для иллюстрации рассмотрим один рассказ из I главы адаптированной книги Лью Бей Яна: в первой части «О стиле руководства» первой главы «Саади об этике», здесь автор перевел 14-й рассказ первой главы «О жизни царей» из «Гулистан»-а Саади Шерози, назвав данный рассказ оригинала «Будь снисходителен к другим, самотребователен к себе». Перевод с оригинала на китайский язык осуществлен правильно, за исключением того, что переводчик пропустил данное двустишие:

"Чу доранд ганч аз сипохӣ дареғ,

Дареғ оядаш даст бурдан ба теғ" (дословно: Если жалеть денег воину, то он пожалеет взяться за меч!) [207, с.78].

После текста перевода, Лью Бей Янг в виде комментария к сути переведенного рассказа историю, которую называет «Проявление благодушия – снять камень с души (сердца)», краткое содержание которой, мы изложим: «Однажды учитель спросил у учеников: «Есть ли люди, которые докучают вам?» Кто-то из учеников подал голос, кто-то кивнул головой. В таком случае учитель, раздал ученикам бумажные пакеты, сказав: «Сегодня мы сыграем с вами в одну игру, вам нужно будет написать на бумажках имена, тех людей, которые вам докучают. Освободившись от уроков, поищите камни, когда будите возвращаться домой. Вернувшись, домой, наклейте бумагу на найденные камни, в таком порядке: кто

раздражает вас больше всего, клейте на большие камни, а кто меньше на меньшие.

Выслушав учителя, ученики сделали все так, как и говорил им учитель. На следующий день дети пришли в школу с пакетами заполненными камнями, у кого- то было больше, у кого- то меньше.

Время шло, день за днем, у некоторых детей камни в пакетах увеличивались, так что, нести тяжелую ношу, уже были, не в силе. Тогда они спросили у учителя: «Учитель, мне тяжело приходить в школу от тяжести этих камней, я очень устал».

Учитель засмеялся и сказал: «Так что выбрасывай эти камни и не собирай их больше». Дети удивленно спросили: «Почему мы собираем эти камни?» Учитель сказал: «Не терпеть никого - значит прятать камень в наших сердцах, каждый из нас должен научиться прощать, мы не должны питать обиды в наших сердцах».

В конце этого рассказа, переводчик подводит итог: «Через много лет дети будут помнить эту историю, они будут помнить, как следует, относится к людям. Говорите детям, что каждый человек может допустить ошибку и только благодушный сможет простить» [207, с.7].

Как уже говорилось, адаптированный перевод «Гулистан» Саади служит дидактическим и этическим учебным пособием для китайских детей.

Выводы

Перевод художественной литературы в Китае существовал уже в древние времена. Исследование иностранной культуры китайцами через перевод разделяется на два периода.

Первый период перевода принято считать переводом буддийских сутр, который в свою очередь подразделяется на два этапа. Первый этап начался с конца эпохи Восточная Хань вплоть до эпохи Западной Цзинь (т.е. с 148г. до 316 г.). Второй этап перевода буддийских сутр начинается с династии Восточная Цзинь (东晋, 317 - 420 гг.) и длится до конца династии Суй (隋朝, 581-617гг.).

К концу правления династии Северная Сун перевод буддийских сутр пришел в упадок. В это время началось проникновение в Китай католицизма.

Несколько десятилетий спустя, в первой половине XIX века, британские и американские протестантские миссионеры перенимают эстафету у иезуитов. В последней трети XIX века большинство переводов, опубликованных миссионерами, уже не религиозные книги, а научные и медицинские трактаты и словари, а также периодические издания, состоящие в основном из переводов.

Ранними переводами художественной литературы прославился Линь Шу, Чжоу Шужэнь, Го Можо, Чженг Чжень, Ха Ди Джен, Ванг Дзин Джай и другие.

Обзор основных этапов формирования теоретических основ перевода в Китае с древних времен до начала XX века подтверждает, что наука о переводе развивалась как нормативная, направленная главным образом на разработку правил, стандартов и принципов перевода.

Следует отметить, что перевод «Гулистан»-а Саади на китайский язык осуществляли 4 раза. Его переводчиками явились Ванг Дзин Джай, Шуэй Фу Дзиен, Янг Ван Бао, Джанг Хонг Ниан. Кроме того, шедевр Саади в адаптированном варианте также существует в Китае. Выполнен он Лю Бей Янгом.

ГЛАВА 3. КОНТЕНТ - АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ «ГУЛИСТАН»-А СААДИ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК

3.1 Сопоставительный изучение основных переводов «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык

Как мы видели в предыдущей главе, «Гулистан» Саади переведен на китайский язык разными переводчиками с различными эстетическими взглядами. Следовательно, применение каких-то общих принципов теории перевода ко всем переводам вместе, на наш, взгляд, было бы неправомерно. Поэтому мы будем анализировать каждый перевод в отдельности.

Однако, следует отметить, что выявлять и анализировать свойственные особенности всех переводов «Гулистан»-а - полных и фрагментарных – в ограниченных рамках нашей работы невозможно. Поэтому мы вынуждены ограничиться исследованием в основном более полных и полноценных переводов. Относительно фрагментарных переводов можно сказать, что они большего интереса не представляют, так как тот или иной переводчик отдельных или группы рассказов Саади не ставил перед собой задачу специально заниматься переводом «Гулистан»-а. Эти переводы сделаны по случаю, в основном, когда тот или иной исследователь Саади занимался его творчеством или же подборкой нескольких, порой, не только персидских, но других восточных поэтов. Нередко

эти переводы помещались в работах, посвященных истории персидскотаджикской литературы вообще.

Из всего сказанного в предыдущей главе можно заключить, что наиболее заслуживающими внимания переводами являются переводы Ванг Дзин Джая, Джанг Хонг Ниана, Янг Ван Бао, Шуэй Фу Дзиен. Именно эти переводы и будут объектом наших анализов. Рассмотрим переводы в хронологическом порядке.

Первый перевод «Гулистан»-а, осуществленный китайским литератором Ванг Дзин Джай

Перевод Ванг Дзин Джая является самым ранним письменным переводом шедевра персидско-таджикской литературы «Гулистан»-а Саади с языка оригинала на китайский язык. Переводчик начинает переложение произведения непосредственно с первой главы, соответственно опускает, введение и причину написания книги, что является на наш взгляд неприемлемым, так как шедевр Саади от первой буквы и до последней точки носит большую значимость.

«Гулистан» - является одним из учебников ислама в Китае. На персидском языке звучит, как «古丽斯坦 gǔ lì sī tǎn» в переводе «薔薇园 qiáng wēi yuán» или « 玫瑰园 méi guī yuán». Первоначально на персидском языке имело значение «Цветник», в который приходишь полюбоваться цветами и травой и на сердце становиться тепло. Китайский переводчик сформулировал сказанное, следующим образом: «В саду полно свежих цветов, на шестой день аромат увядает, и цвет блёкнет, попробуйте такой сад в моей стране, ни одного цветка аромат не

померкнет и за четыре сезона». Название книги было переведено, как «Сад», а потом изменено на «Настоящий сад». Перевод выполнен с оригинала автором, которого является Муслихиддин Саади (1209-1292гг.) - он является одним из четырех великих писателей древней Персии и одним из мировой знаменитостей. «Гулистан» основан на художественной форме персидской классической литературной традиции, написанной поэзией и прозой. Он состоит из предисловия и восьми глав. Первые семь глав состоят из ярких и интересных историй и заканчиваются философским высказыванием или стихотворением, которые служат завершающим штрихом. Восьмая глава была написана первой, она состоит из множества пословиц, и в ней почти нет сюжетной линии. В этом разделе есть разные темы, некоторые из них полны выдумки, другие юмористичны, некоторых есть сатирическое суждение. Основная идеологическая особенность «Гулистан»-а заключается в том, что автор подчеркивает пожелания и требования мусульманской общественности. В то же время работа гласит о справедливости и раскрывает взгляд на жизнь и ценности Ислама. Эта книга была написана более чем 700 лет тому назад. В ней присуща духовная возвышенность, эстетическая ценность различных образов жизни в средние века. Она оказала огромное влияние на религиозные каноны этики, истории и литературы и стала почитаемой, среди людей разных национальностей. Для мусульман разных этнических групп моральное изложение, духовное назидание и философская мысль рассказов «Гулистан»- а оказали положительное влияние» - пишет Ванг Дзин Джай [203, с.2]. Здесь же переводчик достаточно подробно, однако в краткой форме описывает жизнь и деятельность Саади. После

чего, переходит непосредственно к переводу первой главы «Императорское поведение».

Первая глава оригинала содержит 41 рассказ, однако в варианте Ван Дзин Джая 42 рассказа, после тщательной сверки оригинала и перевода, выяснилось, что переводчик разделил 15 рассказ на 2 равноправные части в связи с чем, увеличился объем главы.

Глава вторая «Нравственность монахов» всего 49 рассказов, переведена по нашему мнению, адекватна оригиналу.

«Превосходство удовлетворенности» всего в оригинале произведения 29 30. рассказов, однако В варианте Ван Дзин Джая Проанализировав всю главу, нами выяснено, что переводчик произвольно, так же как и Шуэй Фу Дзиен объединил 17-й и 18-й рассказы, а также отрывок из 28-го рассказа перевел, как отдельный 29-й рассказ.

Глава четвертая «Польза молчания» все рассказы оригинала произведения переведены, 14 рассказов соответственно оригиналу.

Глава пятая «Любовь и молодость» все рассказы оригинала без исключения переведены.

Глава шестая «Долголетие и увядание» данной главе оригинала всего 9 рассказов. Переводчик перевел все 9 рассказов добросовестно, однако в 8-м рассказе остались не переведёнными два заключительного бейта. В работе Р.

Алиева над критическим текстом «Гулистан»-а переведена первая строчка бейта: «Семидесятилетний старик ударился в юность», а вторая строка не переведена. Р. Алиев комментирует это так: «...эта строка на «ширазском» диалекте переводу не поддается» [95, с.172], в связи, с чем мы пришли к выводу, что переводчик Ванг Дзин Джай также не владел «ширазским» диалектом.

Глава седьмая «Польза воспитания» в оригинале всего 18 рассказов и «Спор Саади с лжедервишем по поводу богатства и бедности», в переводе 19 рассказов, переводчик выделил «Спор Саади с лже-дервишем по поводу богатства и бедности» в отдельный рассказ.

Глава восьмая «Кодекс поведения» все рассказы главы переведены, порядок соблюден.

Однако переводчик Ванг Дзин Джай допускает немало неточностей при переводе, переводя его в вольном стиле. При анализе текстов мы исходим из того положения, что «Соотношение переводного и оригинального можно выявить только путем сравнительного анализа текстов»[130, с.184]:

Рассмотрим рассказ 12 первой главы «О жизни царей».

Саади	Ванг Дзин Джай
Яке аз мулуки беинсоф порсоер	o 一个暴君问一位贤士:"怎么修行最好?"
пурсид: «Аз ибодатхо кадо	м Yīgè bàojūn wèn yī wèi xiánshì:"Zĕnme
фозилтар аст?» (досл. «Оди	н хіūхі́ng zuì hǎo? (Перевод Х.Ш.Р «Один

несправедливый царь спросил у праведника: «Какое служение богу лучше всего?»

тиран спросил у добродетели: «Как практиковать религию лучше всего?»

Гуфт: Туро хоби нимруз, то дар он як нафас халкро наёзорй (досл. "Сказал: Для тебя лучше всего - полуденный сон, да бы ты не обижал людей хотя бы в течении этого времени!"

他说: "你整天睡觉最好, 因为这样你就不会 折磨 人民了 Tā shuō:"Nǐ zhěng tiān shuìjiào zuì hǎo, yīnwèi zhèyàng nǐ jiù bù huì zhémó rénmínle。(Перевод Х.Ш.Р. - «Он сказал: «Лучше всего тебе спать весь день, потому что так ты не сможешь терзать народ»

Золимеро хуфта дидам ними руз, (досл. Видел я как-то тирана спящим в полдень)

我看见一个暴君一睡就是半天 Wǒ kànjiàn yīgè bàojūn yīshuì jiùshì bàntiān Перевод X.Ш.Р. - Я видел тирана, который спал по полдня)

Гуфтам, ин фитна-ст хобаш бурда бех. (досл. И сказал я: Этот смутьян хорош, когда он спит)

我说: "但愿睡魔永远把他纠缠 Wǒ shuō:"Dàn yuàn shuìmó yŏngyuǎn bǎ tā jiūchán (Перевод Х.Ш.Р. - Сказал я: «Хотелось бы чтобы демон сна навсегда связал его)

В-он ки хобаш бехтар аз бедорияст, (досл. Тот кто лучше когда спит, чем когда бодрствует,)

那些昏睡要比醒来要好的恶人 Nàxiē hūnshuì yào bǐ xǐng lái yàohǎo de èrén Перевод Х.Ш.Р. - такие злодеи лучше в

	литургическом сне, чем когда бодрствуют)
Ончунон бадзиндагонй мурда бех.	不如死了更让别人放心 Bùrú sǐle gèng ràng
(досл. Еще лучше мертвым, чем	biérén fàngxīn (Перевод Х.Ш.Р Лучше бы
живым) [94, с.22].	умереть и дать другим людям успокоиться
	[203, c.12].

Сравнение перевода и оригинала весьма красноречиво говорит само за себя. В силу того, что данный перевод был первым дебютным письменным переводом произведения Саади, мы не примемся строго судить его. Так как в те годы (1947г.) в Китае не было квалифицированных переводчиков художественной литературы, более того Китай находился в состоянии войны.

Обратимся к другому примеру, рассказ 3 второй главы:

Саади	Ванг Дзин Джай
Абдулкодири Гелониро,	吉兰的阿布杜卡迪尔, 在天房净地上把
рахматуллохи алайх, диданд, дар	脸夫在沙石上说: Jí lán de ābù dù kǎ dí ěr,
харами Каъба рӯй бар хасбо	zài tiān fáng jìng dìshàng bă liăn fū zài shā
нихода мегуфт: (досл. Абдал	shí shàng shuō (Перевод Х.Ш.Р А б уду
Кадира Гилани, да помилует его	ка ди ер из Ги лан, в доме владыки
Аллах, видел в храме Ка'бы, как он	склонившись лицом к песчанику
припав лицом к земле, говорил)	говорил)
Эй Худованд, бибахшой ва гар	主啊, 饶恕我吧,在复生日,假如我受
ҳароина мустав-чиби уқубатам,	惩罚时,请把我复生变成瞎子,让我面对
дар рози қиёматам нобино	好人时,不会害羞。Zhǔ a, ráoshù wǒ ba, zài

бирангез, то дар руп некон	fùshēng rì, jiărú wŏ shòu chéngfá shí, qǐng
шармсор нашавам. (досл. Господи,	bă wŏ fùshēng biàn chéng xiāzi, ràng wŏ
прости меня! Но если мне все-таки	miàn duì hăorén shí, bù huì hàixiū.
суждено нести наказание, то	(Перевод Х.Ш.Р Аллах, прости меня, в
воскресси меня слепым в день	день воскрешения, если я получу
светопредставления, чтобы не	наказание, пожалуйста воскреси меня
было мне стыдно перед лицом	слепым, чтобы я перед хорошими людьми
праведных)	мне не было стыдно)
Рўй бар хоки ацз мегўям (досл.	我把脸贴近这无奈的地面 Wǒ bǎ liǎn tiējìn
Упав лицом во прах смирения,)	zhè wúnài dì dìmiàn (Перевод Х.Ш.Р Я
	безысходно приподаю лицом к земли)
Хар сахаргах, ки бод меояд: (досл.	每天清晨都把你挂念 Měitiān qīngchén dōu
Каждое утро, когда веет ветерок,	bă nǐ guàniàn (Перевод Х.Ш.Р каждое
говорю я:)	раннее утро я скучаю о тебе)
Эй, ки харгиз фаромушат	主啊,我从来不曾忘记过您 Zhǔ a, wǒ
накунам,(досл. О ты, кого я	cónglái bu céng wàngjìguò nín (Перевод
никогда не забуду,)	Х.Ш.Р Аллах, я никогда не забуду тебя)
Хечат аз банда ёд меояд? (досл.	不如您是否会把我想起? Bùrú nín shìfǒu
Вспоминаешь ли когда-нибудь о	huì bă wŏ xiăngqĭ (Перевод Х.Ш.Р
твоем рабе?) [94, с.44].	Вспоминаешь ли ты обо мне?) [203, с.25].

В этом рассказе, как и в предыдущем, мы обнаружили несходства. К примеру, в первой строке Саади пишет: «...видел в храме Каабы...», однако Ванг Дзин Джай переводит «дом владыки». Во второй строке «...суждено понести

наказание...» переведено «...если я получу наказание...». И в последней строке также замечены неточности. Саади пишет: «...твой раб», а Ванг Дзин Джай переводит «...Я». Все обнаруженные несходства связано с теми словами, которые несут религиозный подтекст — используются чаще в религиозных текстах. К тому же сам переводчик, как уже отмечалось, ранее был мусульманином, однако при переводе допустил такого рода неточности.

Обратим внимание на 9 рассказ первой главы:

Саади «Яке аз мулуки Араб ранчурбуд дар холати пирй ва умеди зиндагонй катъ карда, ки ногох саворе аз дар даромад ва башорат дод, ки фалон қалъаро ба давлати худованд кушодем ва душманон асир омаданд ва сипоху раияти он чумлагй тараф ба мутеи фармон гаштанд. (Досл.: Один из арабских царей в старости заболел и уже был при смерти, как вдруг вошел в всадник с радостной Благодаря вестью: царскому счастью МЫ захватили такую-то крепость, враги взяты в плен, войско и подданные этой области все

Ванг Дзин Джай

《阿拉伯的一个国王长年生病, 已经没有痊愈的希望了 Ālābó de yīgè guówáng cháng nián shēngbìng, yǐjīng méiyǒu quányù de xīwàngle . Король Аравии болел много лет и не имеет выздоровление. надежды на 忽然一个骑士闯进门来,报告一 个好消息:"依仗国王的洪福, 我们攻克了那个城堡, 敌人全部 被俘,军民统统归降。Hūrán yīgè qíshì chuảng jìn mén lái, bàogào yīgè hǎo xiāoxī:"Yīzhàng guówáng de hóngfú, wŏmen

покорились!")

gōngkèle nàgè chéngbǎo, dírén quánbù bèi fú, jūnmín tŏngtŏng guīxiáng. (Перевод Х.Ш.Р. - Внезапно рыцарь ворвался в дверь и сообщил хорошие новости: «Слава королю, мы захватили замок, враги были схвачены, а все солдаты и мирные жители сдались»).

Малик нафасе сард баровард ва гуфт:

-Ин мужда маро нест, душманонамрост, яъне ворисони мамлакатро. (Досл.: Царь горько вздохнул и сказал:

"Эта радостная весть не для меня, а для моих врагов - для наследников моего царства!")

国 王听到这话,叹了口气冷冷地说: "这不是我的喜讯,而是我的对头交了好运,他是我王位的继承人 Guówáng tīng dào zhèhuà, tànle kǒuqì lěng lěng deshuō:"Zhèbùshì wǒ de xǐxùn, érshì wǒ de duìtóu jiāolehǎo yùn, tāshì wǒ wángwèi de jìchéngrén. (Перевод Х.Ш.Р. - Корольуслышал это, холодно вздохнули сказал: «Это не для меня хорошие новости,а для моихврагов, будующих наследников

моего трона").

Бад-ин умед ба сар шуд, дареғ, умри азиз,

Ки он чй дар дилам аст, аз дилам фароз ояд. (Досл.: Увы драгоценная жизнь моя прошла в желании,

Чтобы сбылись желание моей души) .

遗憾啊,在期望中我的生命日渐 消亡一片雄心已成为痴心妄想 Yíhàn a, zài qí wàng zhōng wǒ de shēngmìng rìjiàn xiāowáng yīpiàn xióngxīn yǐ chéngwéi chīxīnwàngxiǎng (Перевод Х.Ш.Р. - Как же досадно, моя жизнь день ото дня затухает, Амбиции превратились в несбыточные надежды)。

Умед нест, ки умри гузашта боз ояд.

(Досл.: Несбывшиеся желания мои осуществились, но какая польза в том ,

Когда нет надежды на то, что вернется

минувшая жизнь?)

生命飞逝,现实无力希望实现了 又有什么意义 Shēngmìng fēishì, xiànshí wúlì xīwàng shíxiànle yòu yǒu shé me yìyì (Перевод Х.Ш.Р. –Жизнь пролетела, действительность бессильна, В чем смысл надежды?)

Кўси рехлат бикўфт дасти ачал,	死神已经逼近跟前
Эй ду чашмам, видои сар бикунед.	快快闭上疲惫的双眼
(Досл.: Рука смерти ударила барабан	Sĭshén yĭjīng bījìn
отъезда,	kuài kuài bì shàng píbèi de
О глаза мои, прощайтесь с головой!)	shuāngyăn gēnqián
	(Перевод Х.Ш.Р Смерть уже
	поблизости,
	Скорей закрывайтесь мои
	уставшие глаза).
Эй кафи дасту соиду бозу,	让手掌、手腕和身体的各个器官
Хама тавдеи якдигар бикунед.	也互相道声"再见" Ràng
(Досл.: Прощайтесь друг с другом, о	shŏuzhăng, shŏuwàn hé shēntĭ de
ладони, предплечия и локти!)	gège qìguān yĕ hùxiāng dào shēng
	"zàijiàn" (Перевод Х.Ш.Р
	Пусть ладони, руки и все
	остальные органы ,
	попрощаются между собой!)
Бар мани уфтода душманком	得意的敌手已与我交战
Охир, эй дустон, гузар бикунед.	祝愿朋友们青春永驻勇往向前

(Досл.: На меня напал злой враг,

Хотя бы навещаете меня, о друзья!)

Déyì de díshǒu yǐ yǔ wǒ jiāozhàn zhùyuàn péngyǒumen qīngchūn yŏng zhù yŏngwǎng xiàng qián.

(Перевод Х.Ш.Р. - Я вступил в сражение с достойным врагом, Желаю друзьям оставаться молодыми и смело идти вперед)。

Рузўорам бишуд ба нодонй,

Ман накардам, шумо ҳазар бикунед(Досл.: Жизнь моя прошла в невежестве,

Я не остерегся - остерегайтесь хоть вы!)» [94, с.21].

我愚昧无知地度过了一生你们要警惕,不要像我这样虚度年华,一事无成 Wǒ yúmèi wúzhī dì dùguòle yīshēng nǐmen yào jǐngtì, bùyào xiàng wǒ zhèyàng xūdù niánhuá, yīshì wúchéng. (Перевод Х.Ш.Р. - Я прожил глупо в невежестве всю свою жизнь,

Желаю вам быть бдительными, не следует быть как я — проживать жизнь в пустую») [203, с.9].

Таким образом, в переводе Ван Дзин Джая обращается с текстом иногда по-своему усмотрению. Это допустимо в любом переводе.

Перевод Шуэй Фу Дзиена

Перевод Шуэй Фу Дзиена был выполнен с языка посредника, с английского языка. В основу своего перевода Шуэй Фу Дзиен взял работу английского переводчика ориенталиста Иствика.

Теперь непосредственно, сам перевод "Гулистан"-а Саади, сравнение перевода Шуэй Фу Дзиена с текстом оригинала показало, что переводчик отнесся к своим обязаностям очень добросовестно. И с полной увереностью можно констатировать, что его перевод достиг уровня художественного перевода. Переводчик разделил главы произведения в точности с оригиналом, однако внутри глав нами были обнаружены погрешности. Глава первая "О словах и поступках монарха" здесь как и в оригинале 41 рассказ.

Глава вторая "О словах и поступках монахов", хотя количество рассказов в оригинале и переводе идиентично, однако 31 рассказ оригинала не переведен. В счет того, что стихотворение 38-го рассказа перенесено в отдельный рассказ баланс во второй главе сохранен. Помимо этих неточностей, также имеется еще одна неточность. В 22-м рассказе: "Рассказывают про одного отшельника, что каждую ночь он съедал 10 маннов пищи…", в данном отрывке мы делаем акцент на единице меры "манн". Итак, манн собственно говоря — мера массы (веса) в ряде мусульманских стран. Исторически манн восходит к античной мине.

Канонически манн равен, двум ратлям по 130 дирхамов. Точное значение манна колебалось в зависимости от места и времени.

Вес наиболее употребительного манна в Хорезме и Хиве составлял от 4,095 до 4,914 килограмма. Любопытно, что четыре манна снова составляли манн, но уже весом 19—20 килограммов. Сам вид товара при торге подсказывал торговцам, о каком манне идет речь. Иностранцы же пытались уточнять: «большой манн», «тяжелый манн». На самом деле маннов было много, и иногда могли путаться и местные жители. Например, в Бухаре даже в XX веке существовали две группы маннов по нескольку маннов в каждой.

В Аравии манн в среднем был равен 1,06 кг (есть упоминания и по 1,35 кг). В Египте манн был равен двум багдадским ратлям или 812,5 г. В Сирии манн как единица веса встречается редко, в среднем сирийский манн равен 819 г. В Ираке манн был равен 812,5 г. В Иране манн вплоть до нового времени был важнейшей единицей веса товаров. Арабские географы сообщают разные значения манна в диапазоне от 832 до 6656 г. [227].

Однако переводчик Шуэй Фу Дзиен в переводе пишет: «...一夜之间要吃三 斤粮食...yī yè zhī jiān yào chī sān jīn liáng shí» За ночь съедал полтора килограмма пищи [204, с.71].

Глава третья «Радоваться тому, что есть» всего в данной главе 29 рассказов, как и в оригинале Саади, однако переводчик не соблюдает последовательность в переводе, и переводит их в произвольном порядке.

Глава четвертая «О малоразговорчивых» 14 рассказов перевод всех рассказов точный.

Глава пятая «О молодости и любви» в данной главе переводчик при переводе вновь пренебрег последовательностью. Шуэй Фу Дзиен переводит рассказы 1,6,7,8,13,14,15,16,18,19,21. Всего в оригинале в пятой главе 21 рассказ, в варианте Шуэй Фу Дзиена 11.

Глава шестая «О старческой глупости» всего в «Гулистан»-е Саади в шестой главе 9 рассказов, в переводе Шуэй Фу Дзиена 8 рассказов, не переведен 9-й рассказ оригинала.

Глава седьмая «О эффективности воспитания» в данной главе не переведен первый рассказ оригинала.

Глава восьмая «О этике общения» данная глава идентична оригиналу.

Глава 1 рассказ 27

Саади	Шуэй Фу Дзиен
Ё вафо худ набуд дар олам (досл.	也不知是如今人心改变 Yě bùzhī shì rújīn
Либо нет в мире этом совсем	rénxīn găibiàn (Перевод Х.Ш.Р В наше
верности)	время не знаю почему совесть (сердца
	людей) поменялась
Ё магар кас дар ин замона накард	还是世上本来没有情义 Háishì shìshàng
(досл. Либо наше время никто не	běnlái méiyŏu qíngyì (Перевод Х.Ш.Р
высказывает)	Или в мире изначально не было любви)
Кас наёмухт илми тир аз ман (досл.	我向他们传授射箭 Wǒ xiàng tāmen
Никто не выучился у меня	chuánshòu shèjiàn (Перевод Х.Ш.Р Я им
искусству стрельбы)	передал стрелы)

Ки маро оқибат нишона кард (досл. Чтобы из меня, в конце концов, сделать мишень) [94, с.36].

最后却把我当作鹄的 Zuìhòu què bǎ wǒ dàng zuò gǔ dì (Перевод Х.Ш.Р. - Однако в конце концов из меня сделали мишень) [205, c.48].

Глава 4 рассказ 1

Саади	Шуэй Фу Дзиен
Хунар ба чашми адоват бузургтар	在仇人眼中优点总是最坏的东西 Zài
айб аст (досл. Доблесть во	chóurén yănzhōng yōudiăn zŏng shì zuì
вражеских глазах – величайший	huài de dōngxī (перевод: В глазах своего
порок)	врага достоинства твои всегда самые
	ужасные вещи)
Гул аст Саъдию дар чашми	萨迪虽是蔷薇, 他们说是荆棘 Sà dí suī
душманон хор аст (Саади -роза, но	shì qiángwēi, tāmen shuō shì jīngjí
в глазах врагов он шип)	(Перевод Х.Ш.Р Хотя Саади и роза,
	они всегда говорят что колючка)
Нури гетифурўзи чашмаи хур (досл.	太阳虽然普照四方 Tàiyáng suīrán pǔzhào
Свет солнца, озаряющего	sìfāng (Перевод Х.Ш.Р Хотя солнце
вселенную)	озаряет четыре стороны света)
Зишт бошад ба чашми мушаки кур	蝙蝠看不见光芒 Biānfú kàn bùjiàn
(досл. Противен глазам летучей	guāngmáng (Перевод Х.Ш.Р Летучая
мыши) [94, с.93].	мышь не видит луча света) [204, с.121].

Глава 6 рассказ 6

Саади	Шуэй Фу Дзиен
Чӣ хуш гуфт золе ба фарзанди хеш	那年老的母亲说得很好 Nà nián lǎo de
(досл. Как хорошо сказала старуха	mŭqīn shuō dé hĕn hăo (Перевод Х.Ш.Р
своему сыну)	Та старая мать сказал очень хорошо)
Чу дидаш палангафакану пилтан:	当她看见儿子能把老虎制服 Dāng tā
(досл. Когда увидела, что он стал	kànjiàn er zǐ néng bă lǎohǔ zhìfú (Перевод
повергающим тигров, могучий как	Х.Ш.Р Когда увидела, что сын может
слон)	покорить тигра)
Гар аз ахди хурдид ёд омадй, (досл.	从前你曾是幼小无告 Cóngqián nǐ céng shì
Если бы ты помнил свое детство)	yòuxiǎo wú gào (Перевод Х.Ш.Р
	Раньше ты был маленьким и не мог
	говорить)
Ки бечора будӣ дар оғӯши ман,	紧紧地婪着我的胸乳 Jǐn jǐn de lánzhe wǒ
(досл. Когда ты был беспомощным	de xiōng rǔ (Перевод Х.Ш.Р Крепко с
в моих объятиях)	жадностью сосал молоко из моей груди)
Накардӣ дар ин рӯз бар ман чафо,	你若记得那时,就不致对我如此凶狠 Nǐ
(досл. Ты не стал бы обижать меня	ruò jìdé nà shí, jiù bùzhì duì wŏ rúcĭ
сей день)	хіōnghěn (Перевод Х.Ш.Р Если бы ты
	не забыл то время, то не был бы ко мне
	безжалостен)
Ки ту шермардию мар пирзан (досл.	如今你是赳赳武夫, 我是一个老人。
Когда ты стал мужчиной, сильный	Rújīn nǐ shì jiū jiū wǔfū, wŏ shì yīgè lǎorén

как лев, а я – старухой)[94, с.121].

(Перевод Х.Ш.Р. - Сегодня ты бравый мужчина, я – старуха) [204, с.144].

Глава вторая, рассказ 13:

Саади

Порсоеро дидам дар канори дарё, ки захми паланг дошт ва ба ҳеч дору беҳ намешуд. (досл. Видел я одного праведника на берегу моря, израненного тигром, и никакие лекарства не помогали ему).

Шуэй Фу Дзиен

在海边遇见一位圣徒,被豹子咬伤,长期受着痛苦,无法医治 Wǒ zài hǎibiān yùjiàn yī wèi shèng tú, bèi bàozi yǎo shāng, chángqí shòuzhe tòngkǔ, wúfǎ yīzhì. (Перевод Х.Ш.Р. - Я встретил святого на берегу моря, его укусил леопард, и он долгое время не мог излечиться)

Муддатхо дар ОН ранчур буду шукри Худои азза чалла ва аладдавом гуфтй. Пурсидандаш, ки шукри чй мегуй? (досл. Долгое время страдал он от этого, но не переставал благодарить господа истинного. За что ты благодаришь Бога?).

可是他仍在感谢真主。我问他说:"你 受到这样的磨难,为什么还要感谢 呢? "Kěshì tā réng zài gǎnxiè zhēnzhŭ. Wŏ wèn tā shuō:"Nĭ shòudào zhèyàng de mónàn, wèishéme hái yào gănxiè ne?" (Перевод Х.Ш.Р. – Однако, он все время благодарил Аллаха. Я спросил «Почему ВЫ его: благодарите, если так страдаете?»)

Гуфт: Шукри он ки ба муносибате	他回答说,"赞美真主!我的受苦是
гирифторам, на ба маъсияте. (досл.	出于灾难,而不是出于罪癒。"Tā
Он ответил: «Слава господу	huídá shuō,"zànměi zhēnzhǔ! Wŏ de
всевышнему и всемогущему, что	shòukŭ shì chū yú zāinàn, ér bùshì chū
одолевает меня напасть, а не	уú zuì уù." (Перевод Х.Ш.Р. – Он
ослушание!»).	ответил: ««Слава Богу! Мои
	страдания от несчастья, а не от
	греха».
Гар маро зор ба куштан дихад он	假如真主要我死 Jiǎrú zhēn zhǔyào
ёри азиз, (досл. Если друг	wŏ sĭ(Перевод Х.Ш.Р. – Если
драгоценный отправит меня	Аллаху нужна моя смерть)
позорно на казнь,)	
То нагӯӣ, ки дар он дам ғами чонам	我 决 不 贪 生 wǒ jué bù
бошад. (досл. Не щаметишь, что в	tānshēng(Перевод Х.Ш.Р я ни в
этот миг я стану горевать о своей	коем случае не стану цепляться за
жизни.)	жизнь)
Гуям аз бандаи мискин чй гунах	我只问我有什么过失? Wǒ zhǐ wèn
содир шуд, (досл. Я спрошу его:	wŏ yŏu shé me guòshī? (Перевод
«Чем же провинился я –бедняк?»)	Х.Ш.Р Я лишь спрошу самого
	себя, в чем твой проступок?)
К-ў дилозурда шуд аз ман, ғами	我只怕他罚惩 Wǒ zhǐ pà tā fá chéng.
онам бошад» (досл. Так как обидеть	(Перевод Х.Ш.Р. – Я лишь его кары

его – вот мое единственное горе!)	бояюсь) [204, с.65].
[94, c.50].	

В результате сопоставления переводов отрывков произведения «Гулистан» переводчика Шуэй Фу Дзиена, мы пришли к выводу, что перевод хоть и сделан правильно, однако назвать его «зрелым» мы не можем. Большинство рассказов переведены не точно, и чаще представляются в виде пересказа, переложения содержания оригинала.

Перевод Джанг Хонг Ниана

Работа этого китайского переводчика фундаментально отличается от двух предыдущих работ. Он так же, как и Ванг Дзин Джай перевел «Гулистан» Саади с языка оригинала, с персидского языка. В своей книге профессор Джанг Хонг Ниан очень подробно пишет предисловие, которое делит на несколько параграфов, а именно:

- 1. Особенности «Бустан»-а и «Гулистан»-а, а также жизненного пути Саади.
- 2. Размышления и содержание «Бустан»-а и «Гулистан»-а.
- 3. Особенности мастерства «Бустан»-а и «Гулистан»-а.
- 4. Саади и Китай.

В предисловии своей книги автор-переводчик очень подробно разъясняет китайскому читателю жизнь и деятельность Саади Шерози, о первых упоминаниях Саади в Китае. Далее в книге профессора Джанг идет подробное содержание «Гулистан»-а Саади. Также переведено введение и причина написания книги. Главы не только разбиты на рассказы, но и у каждого рассказа есть подзаголовок. У двух предыдущих переводчиков, как и у самого Саади

Шерози рассказы не имеют заголовков. Рассмотрим содержание более подробно: Глава первая «国王的本性Привычки монарха», в данной главе всего 41 рассказ. Рассмотрим заголовки рассказов:

- 1. 心存善意的谎言求人一命 Xīn cún shànyì de huǎngyán qiúrén yī mìng Ложь во спасение спасает людей.
- 2. 死不瞑目的国王 Sǐbùmíngmù dì guówáng Король умрет, но не успокоится.
- 3. 貌不惊人的王子 Mào bù jīngrén de wángzǐ Заурядный наследник.
- 4. 江山易改,本性难移 Jiāngshān yì gǎi, běnxìng nán yí Легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека.
- 5. 极度产生罪恶 Jídù chǎnshēng zuì'è Ревность порождает злодеяние.
- 6. 一个暴君 Yīgè bàojūn Деспот.
- 7. 生在福中不知福 Shēng zài fú zhōng bùzhī fú Рожденный в благополучии не знает счастья.
- 8. 一个防人谋反的国王 Yīgè fáng rén móufǎn de guówáng Некий солдат замышляет измену королю.
- 9. 一个临终的国王听到前方捷报 Yīgè línzhōng de guówáng tīng dào qiánfāng jiébào Король на смертном одре услышал весть о победе.
- 10. 阿丹子孙皆兄弟 Ā dān zǐsūn jiē xiōngdì Потомки Адама.
- 11. 一位修士讽刺一个总督 Yī wèi xiūshì fèngcì yīgè zŏngdū Монах высмеивает наместника.
- 12. 暴君的最好的敬主之道 Bàojūn de zuì hǎo de jìng zhǔ zhī dào Деспот приклоняется Аллаху.
- 13. 一个豁达澹泊的修士 Yīgè huòdá dànbó de xiūshì Монах, который

довольствуется малым.

- 14. 国王平日惜财,战时军人惜命 Guówáng píngrì xī cái, zhàn shí jūnrén xīmìng B обычный день король жалеет богатство, в военное время солдат сожалеет.
- 15. 无官一身轻 Wú guān yīshēn qīng Без чиновничьего поста чувствуешь большое облегчение.
- 16. 伴君如伴虎 Bàn jūn rú bàn hǔ Дружба с повелителем подобна смерти
- 17. 一个资助贫穷信徒的贵人 Yīgè zīzhù pínqióng xìntú de guìrén Некто оказал материальную помощь бедняку.
- 18. 一个慷慨大方的王子 Yīgè kāng gài dàfāng de wángzǐ Один великодушный наследник.
- 19. 上求材,臣残木 Shàng qiú cái, chén cán mù талантливый чиновник из больного дерева изготовит изделие.
- 20. 恶吏遭报 È lì zāo bào Дурной правитель получит по заслугам.
- 21. 俟机雪恨 Qí jī xuěhèn Мстить при удобном случае.
- 22. 善有善报 Shàn yǒu shàn bào Сделанное добро добром воздастся.
- 23. 一个逃跑的奴隶 Yīgè táopǎo de núlì Бегство одного раба.
- 24. 忠臣义不背主 Zhōngchén yì bù bèi zhǔ Верный слуга не предаст.
- 25. 信徒应虔诚拜主 Xìntú yīng qiánchéng bài zhǔ Верный ученик почитает Аллаха.
- 26. 当心受害者心头上的浓烟 Dāngxīn shòuhài zhě xīntóu shàng de nóng yān Густой дым завис над головой у жертвы.
- 27. 绝技勿轻传 Juéjì wù qīng chuán Величайшее мастерство нелегко

передать.

- 28. 高傲的寒士 Gāo'ào de hánshì Гордый бедняк.
- 29. 畏惧真主与畏惧国王 Wèijù zhēnzhǔ yǔ wèijù guówáng Страшится Аллаха и страшится короля.
- 30. 不应滥杀无辜 Bù yìng làn shā wúgū Незачем убивать невиновных.
- 31. 廷臣的心理 Tíngchén de xīnlǐ Взгляды придворного министра.
- 32. 骗局暴露 Piànjú bàolù Обнаружить обман.
- 33. 一位秉性善良的大臣 Yī wèi bǐngxìng shànliáng de dàchén Порядочный министр.
- 34. 报复不可过分 Bàofù bùkě guòfèn Нельзя перегибать с местью.
- 35. 兄弟落水,一人得救 Xiōngdì luòshuǐ, yīrén déjiù Братья упали в воду, один спасен.
- 36. 一个自食其力的人 Yīgè zìshíqílì de rén Человек, живущий своим трудом.
- 37. 报喜碰壁 Bàoxǐ pèngbì Радостная весть о непреодолимом препятствии.
- 38. 无须发言,不要喋喋不休 Wúxū fà yán, bùyào diédiébùxiū He следует высказывать мнение.
- 39. 命运好坏不取决于本领 Mingyùn hǎo huài bù qǔjué yú běnlǐng Худо ли хорошо ли вне зависимости от умения.
- 40. 阿拉伯国王和一个中国使女 Ālābó guówáng hé yīgè zhōngguó shǐ nǚ Арабский король и китайская наложница.
- 41. 亚历山大靠什么征服天下 Yàlìshāndà kào shénme zhēngfú tiānxià Александр как покорил весь мир.

Таким образом, профессор Джанг не только переводит произведение

«Гулистан» Саади Шерози на китайский язык, но и дает название рассказам, облегчая понимание для китайского читателя, т.е. перевод приближен к оперативной форме восприятия адаптации. «Как форма связи адаптация находится на стыке интегральных форм рецепции и перевода. Если рассматривать еес композиции перевода, то адаптацию характеризует такое отношение к оригиналу, при котором в замыслы переводчика не входит неукоснительно сохранять особенности оригинала» [50, с.168].

Глава вторая «Нравственность дервеша» 51 рассказ.

Глава третья «Знание меры приносит счастье» 30 рассказов.

Глава четвертая «Польза молчания» 14 рассказов.

Глава пятая «Любовь и молодость» 22 рассказа.

Глава шестая «Старость и слабость» 8 рассказов.

Глава седьмая «Польза воспитания» 20 рассказов.

Глава восьмая «Правила общения», в последней главе переводчик не дает названия рассказам, однако пронумеровал, всего 120 рассказов.

Глава 3 рассказ 17

Саади	Джанг Хонг Ниан
Дар биёбони хушку реги равон	在飞沙走石干早的沙漠 Zài
(досл.В сухой пустыне и в сыпучих	fēishāzŏushí gàn zăo de shāmò
песках)	(Перевод X.Ш.Р В сухой
	пустыне завихрилась туча песка и
	пыли)

Ташнаро дар дахон чи дур, чи садаф	珍珠和贝壳同样不能解渴 Zhēnzhū
(досл. Рту жаждущего безразлично:	hé bèiké tóngyàng bùnéng jiěkě
жемчуг ли, ракушка ли)	(Перевод Х.Ш.РЖемчугом и
	ракушкой одинаково не утолить
	жажду)
Марди бетуша, к-уфтод аз пой	当一个人饿得昏倒在地 Dāng yīgè
(досл. Человек без дорожного	rén è dé hūndăo zài dì (Перевод
припаса в пути, упал в обморок)	Х.Ш.Р. Когда человек от голода
	падает в обморок на землю)
Бар камарбанди ў чи зар, чи хазаф	黄金与瓦片同样没有意义 Huángjīn
(досл. Золото ли, глиняные ли	yŭ wă piàn tóngyàng méiyŏu yìyì
лепешки в поясе – все равно) [94,	(Перевод Х.Ш.Р Золото или кусок
c.79].	глины одинаково не имеет
	значения)[205, с.104].

Глава 5 рассказ 2

Саади	Джанг Хонг Ниан
Хоча бо бандаи парирухсор (досл.	主人喜欢俊秀的仆人 Zhǔrén xǐhuān
Если господин с ангелоподобным	jùnxiù de púrén (Перевод Х.Ш.Р
рабом)	Хозяин полюбил красивого раба)
Чун даромад ба бозию ханда (досл.	和他相处嬉笑热情亲近 Hé tā
Вступает в игры и шутки)	xiāngchŭ xīxiào rèqíng qīnjìn
	(Перевод Х.Ш.Р Вступать с ним в

	близкие отношения и добродушно
	хихикает)
На ачаб, к-ў чу хоча хукм кунад	仆人就会颐指气使发号施令 Púrén
(досл. Не удивительно если раб	jiù huì yízhĭqìshĭ fāhàoshīlìng
будет повелевать, как господин)	(Перевод Х.Ш.Р Раб с
	высокомерием будет отдавать
	приказ)
В-ин кашад бори ноз чун банда	主人就会低声下气俯首听命 Zhǔrén
(досл. А тот будет терпеть его	jiù huì dīshēngxiàqì fǔshŏu tīngmìng
капризы, как раб)	(Перевод Х.Ш.Р Хозяин смиренно
	выполнять приказы)
Ғулом обкаш бояду хиштзан (досл.	仆人本应为主人打水脱坯 Púrén běn
Невольнику надлежит таскать воду	yìng wéi zhǔrén dă shuǐ tuō pī
и лепить кирпичи)	(Перевод Х.Ш.Р Раб изначально
	должен носить воду и заготавливать
	кирпичи для хозяина)
Бувад бандаи нозанин муштзан	但得龙的仆人打主人一顿也不足为
(балованный раб становиться	奇 Dàn dé lóng de púrén dă zhǔrén yī
дурашливым)[94, с.98].	dùn yĕ bùzú wéi qí (Перевод Х.Ш.Р
	Однако избалованный раб ударит
	хозяина и нет ничего
	удивительного) [205, с.131].

Саади

Дузде ба хонаи порсое даромад. Чандон ки чуст, чизе наёфт, дилтанг шуд. Порсо хабар шуд, гилеме, ки бар он хуфта буд, дар рохи дузд андохт, то махрум нашавад. (Досл. Забрался вор в дом праведника, но сколько не искал, - ничего не нашел и опечалился. Увидев это, праведник подбросил вору ковер, на котором сам спал, чтобы тот не ушел с пустыми руками).

Джанг Хонг Ниан

一个窃贼到一个圣徒家里行窃。他东 寻西找,一无所获。这位圣徒发现了 他,便随手拿起自己盖的毯子,抛到 窃贼经过的地方, 以免窃贼扫兴。 Yīgè qièzéi dào yīgè shèng tú jiālǐ háng qiè. Tā dōng xún xī zhǎo, yīwúsuŏhuò. Zhè wèi shèng fāxiànle tā, biàn suíshǒu ná qǐ zìjǐ gài de tănzi, pāo dào qièzéi jīngguò dì dìfāng, yĭmiăn qièzéi sǎoxìng. (Перевод Х.Ш.Р. – В дом святого забрался вор. Он обыскал весь дом, но не нашел, ничего чтобы украсть. Увидев это, святой взял свое одеяло и бросил его в то место, проходил вор, чтобы не разочаровать вора).

Шунидам, ки мардони рохи Худо Дили душманонро накарданд танг. (Досл. Слышал я, что люди божьего пути, Не огорчают даже своих

据说虔诚拜主之人,甚至不会刺伤敌人的心. Jùshuō qiánchéng bài zhǔ zhī rén, shènzhì bù huì cì shāng dírén de xīn. (Перевод Х.Ш.Р. – Говорят, что

врагов), люди, которые искренне поклоняются Господу, даже врагу не нанесут удар). Туро кай муяссар шавад ин маком, 你怎么可能达到这样的境界,遇事连 Ки бо дустонат хилоф асту чанг. 对朋友也不让寸分。Nǐ zěnme kěnéng (Досл. Когда же достигнешь ты dádào zhèyàng de jìngjiè, yù shì lián duì péngyǒu yě bù ràng cùnfēn. такого совершенства, Если сейчас и с друзьями своими враждуешь и (Перевод Х.Ш.Р. – Как ты сможешь ссоришься?) достичь такого совершенства, если другу не минуту ТЫ на не уступаешь). 正直人的友谊表现在当面与背后一 Муваддати ахли сафо чи дар рую чи 致,从不面誉背毁。Zhèngzhí rén de дар қафо на чунон, к-аз паят айб yǒuyì biǎoxiàn zài dāngmiàn yǔ гиранду пешат миранд. (Досл. Расположение праведников к людям bèihòu yīzhì, cóng bù miàn yù bèi huǐ. Х.Ш.Р. одинаково – что в глаза, что за (Перевод –Дружба глаза; но не злословят они у тебя за праведного человека проявляется по спиной, обещая умереть за тебя в лицу и 3a лицом, никогда не твоем присутствии). разрушаясь). 在人面前驯顺得有如羔羊,背后却似 Дар баробар чу гуспанди салим, 吃人的恶狼 Zài rén miànqián Дар қафо хамчу гурги мардумхур. xùnshùn dé yŏurú gāoyáng, bèihòu (Досл. Перед тобой -словно

невинная овечка, а за спиной-	què shì chī rén de è láng (Перевод
словно волк-людоед).	Х.Ш.Р. –Перед тобой словно ручной
	ягненок, а за спиной свирепый
	волк-людоед).
Хар ки айби дигарон пеши ту	要是一个人向你数落别人的不足,他
оварду шумурд,	背后肯定传播你的短处。Yàoshi yīgè
Бегумон, айби ту пеши дигарон	rén xiàng nǐ shǔluo biérén de bùzú, tā
хохад бурд. (Досл. Всякий,кто перед	bèihòu kĕndìng chuánbò nǐ de
тобою подсчитывает чужие грехи и	duănchu. (Перевод Х.Ш.Р. –Если
поносит других, Без сомнения,	человек посчитывает недостатки
перед другими поносит тебя) [94,	других, он определенно
c.45].	распространит ваши недостатки

Из вышеприведенного анализа, мы видим, что перевод Джанг Хонг Ниан лучше отображает истинный замысел строк «Гулистан»-а Саади.

позади вас) [205, с. 59].

Перевод Янг Ван Бао

Перевод Янг Ван Бао является самой новейшей версией «Гулистан»-а Саади на китайском языке. Перевод был осуществлен с персидского языка. В предисловии автор весьма подробно описывает жизнедеятельность Саади Шерози, упоминает всех переводчиков «Гулистан»-а Саади на китайский язык, а именно Ванг Дзин Джай, Шуэй Фу Дзиен, Джанг Хонг Ниан.

Во второй части предисловия, доверенное написать Джанг Зонг Ци

сообщается: «...в 1989 году мне посчастливилось познакомиться с китайским иранистом, профессором пекинского университета, Джанг Хонг Нианом. В том же году он прочитал перевод Джанг Хонг Ниан «Лейли и Маджнун»-а Низами. Данная книга его сильно впечатлила, и я прочел ее дважды. Вскоре во время учебы в аспирантуре, я познакомился с переводом Шуэй Дзин Фу «Гулистан» Саади (перевод с английского языка). И только после корректировки Ян Ван Бао, понял, что предыдущие варианты были сокращены» [208, с. 5].

Таким образом, нам стало известно, что перевод Янг Ван Бао является наиболее полным. Однако в предисловии книги Янг Ван Бао сравнивается только перевод Шуэй Дзиен Фу и сам перевод Янг Ван Бао. Рецензент книги, Джанг Зонг Ци пишет: «... в оригинальной пятой главе «Гулистан»-а, которая называется «О любви и молодости» всего 21 рассказ, в варианте Шуэй 11, 10 рассказов не включены в перевод; в шестой главе «О слабости и старости» всего 9 рассказов, у переводчика Шуэй 1 не включен; в седьмой главе «О пользе воспитания» всего 20 рассказов, у Шуэй Дзиен Фу 19; предположительно на версию Шуэй повлияло политическое положение нашей страны (Китай) в то время. Некоторые рассказы, которые считались неприемлемыми в то время, не были включены в перевод, однако сегодня, эти главы считаются неотъемлемой частью книги» [208, с.5].

Версия Янг Ван Бао начинается с введения, в котором также переведена причина написания книги. Безусловно, большим преимущество является то, что переводчик в своей книги параллельно китайскому варианту, приводит и персидский вариант "Гулистана" Саади. Что касается персидского варианта, в

нем имеются незначительные погрешности, однако в целом это не умоляет достоинство книги. Главы разделены и пронумерованы в соответствии с оригиналом. Янг Ван Бао старается не отступать от оригинала, и практически не вводит никаких изменений и толкований в рассказы произведения. На наш взгляд, самый поздний вариант перевода "Гулистан" на китайский язык является наиболее полной версией произведения Саади Шерози.

Рассмотрим перевод рассказа 37 второй главы:

Муриде гуфт пирро:

-Чӣ кунам, к-аз халоиқ ба ранч – андарам, азбаски ба зиёрати ман ҳамеоянд ва авқомат аз тараддуди эшон мушавваш мешавад.

Гуфт:

- Хар чй дарвешонанд, мар эшонро воме бидех ва он чи тавонгаранд, аз эшон чизе бихох, ки дигар гирди ту нагарданд:

Гар гадо пешрави лашкари ислом бувад,

Кофар аз бими таваққуъ биравад то дари Чин (Досл. Мюрид сказал своему наставнику: "Что мне делать? Нет покоя мне от людей, они часто навещают меня, и их приход и уход нарушает мое благочестивое настроение!" – "Тем из них, что бедны, одолжи что-нибудь, а у тех, что богаты, попроси что-нибудь, дабы не ходили больше вокруг тебя", - сказал наставник.

Если бы нищий был предводителем

мусульманских войск,

То неверные боясь его попрашайничества,

бежали бы к воротам Китая [94, с. 65].

Перевод Янг Ван Бао:

一位门徒对师父说: '我怎么办呢? 有很多人来看我,占去了我许多宝贵的时间。' 师父说: '对于穷人,你就借给他钱; 对于富人, 你就向他借钱。这样,他们就不会再来了。' Yī wèi méntú duì shīfu shuō: 'Wǒ zěnme bàn ne? Yǒu hěnduō rén lái kàn wǒ, zhàn qùle wǒ xǔduō bǎoguì de shíjiān.' Shīfu shuō: 'Duìyú qióngrén, nǐ jiù jiè gĕi tā qián; duìyú fù rén, nǐ jiù xiàng tā jiè qián. Zhèyàng, tāmen jiù bù huì zàiláile.' 假若让穷人为伊斯兰的军队开道,Jiǎruò ràng qióngrén wéi yīsīlán de jūnduì kāidào 那些悖逆的敌人更会吓得向中国逃跑 Nàxiē bèinì de dírén gèng huì xià dé xiàng zhōngguó táopǎo (перевод: Ученик спросил у наставника: Что мне делать? Очень многие люди приходят повидаться со мной, занимают много драгоценного времени. Наставник сказал: Бедным одолжи денег, у богатых попроси взаймы. Так, они больше не придут.

Если бедный человек встанет во главе мусульманского войска,

Те взбунтовавшиеся враги от испуга убегут в Китай [208, с. 114].

Глава 8 рассказ 3:

«Ду кас ранчи бехуда бурданд ва саъйи бефоида карданд: яке он, ки андухту нахурд ва дигаре он, ки омухту накард.

Илм чандон, бештар хонй,

Чун амал дар ту нест, нодонй.

На муҳаққиқ бувад, на донишманд,

Чорпое, бар ў китобе чанд.

Он тихимағзро чй илму хабар,

Ки бар $\bar{y}$ ҳезум аст ё дафтар? (Досл. Напрасно трудились и без пользы старались:

тот, кто копил и не пользовался, и тот, кто научился, но ничего не сделал.

Как бы много ты не изучал наук,

Если не прилагаешь их к делу, - ты неуч.

Не станет ни мудрым, ни ученым

Животное, на котором нагружено несколько книг, -

Как может узнать и догадаться этот безмозглый,

Что на нем: дрова или книги» [94, с. 140]?

Перевод Янг Ван Бао:

两种人是白受折磨, 徒劳无益的: 一种是积攒财物而不用,另一种是学问而不遵行。Liǎng zhǒng rén shì bái shòu zhémó, túláo wúyì de: Yī zhǒng shì jīzǎn cáiwù ér bùyòng, lìng yī zhǒng shì xuéwèn ér bù zūnxíng.

不论你肚子里有多少知识,Bùlùn nǐ dùzi li yǒu duōshǎo zhīshì,

如果不是用你更是一无所知。Rúguǒ bùshì yòng nǐ gèng shì yī wú suǒ zhī.

身上驮着许多经书的牲口, Shēnshang tuózhe xǔduō jīngshū de shēngkǒu

既不是研究员也不是教授。Jì bùshì yánjiùyuán yě bùshì jiàoshòu

只有薪俸和经书而没有头脑的人,Zhǐyǒu xīnfèng hé jīngshū ér méiyǒu tóunǎo de rén,

他哪懂得什么是知识什么是学问? Tā nǎ dǒngdé shénme shì zhīshì shénme shì xuéwèn (перевод: Два типа людей напрасно мучаются, трудятся впустую, бесполезно: один накапливает блага и не тратит, другой имеет знания, но не следует им.

Независимо в душе, сколько ты имеешь знаний,

Если ты их не используешь, ты абсолютно невежественен.

На тело домашнего скота нагружено много книг,

Это не ученый и не профессор.

Есть только жалование и книги, но нет человека с умом,

Покуда, ему знать, что знания, а что учение [208, с. 280]?

Как видно из этих примеров при переводе стихов, как и прозы, Янг Ван Бао, сохраняет верность оригиналу, избегает буквализма. Он удачно использует грамматические обороты китайского языка близкие к таджикскому языку. В первом примере чтобы перевести «...Хар чй дарвешонанд, мар эшонро воме бидех ва он чи тавонгаранд, аз эшон чизе бихох» он удачно подобрал грамматический оборот «...对于..., 就...» -(对于穷人, 你就借给他钱; 你就向他借钱 duìyú qióngrén, nǐ jiù jiè gěi tā qián; duìyú fù rén, nǐ jiù xiàng tā jiè qián). Во втором примере, стих «...Илм чандон, бештар хонӣ, Чун амал дар ту нест, нодонй» переведен не дословно 无论你知道得多不多,如果你利用,你就 不学不术, Wúlùn nǐ zhīdào dé duō bù duō, rúguǒ nǐ lìyòng, nǐ jiù bù xué bù shù, a no смыслу используя фразеологический оборот «一无所知 Yī wú suǒ zhī» (ничего не знать, быть абсолютно невежественным) 不论你肚子里有多少知识, 如果不是用 你更是一无所知 Bùlùn nǐ dùzi li yǒu duōshǎo zhīshì, rúguǒ bùshì yòng nǐ gèng shì yī wú suǒ zhī (Независимо в душе сколько ты имеешь знаний, если ты их не используешь, ты абсолютно невежественен).

Таких примеров можно привести множество, но в проанализированных нами стихах и в прозе показывает, что перевод Янг Ван Бао грамотен и достаточно точен, и художественен.

Глубокое понимание содержания Стихов Саади Янг Ван Бао ярко выражено в

переводе следующего стихотворение из введения «Гулистан»-а:

"Забон дар дахон, эй хирадманд, чист?

Калиди дари ганчи сохибхунар.

Чу дар баста бошад, чй донад касе?

Ки чавхарфуруш аст ё пилавар? (Досл. О, мудрец, что такое язык во рту? Это ключ от дверей сокровищницы мудреца! Если дверь будет закрыта, как могут узнать люди, там ювелир или же старьевщик?)» [94, с.7].

Перевод Янг Ван Бао:

智者的舌头有什么用处?Zhìzhě de shétou yǒu shé me yòngchù?

它是打开智慧宝库的钥匙。Tā shì dǎkāi zhìhuì bǎokù de yàoshi.

当大门紧闭时,谁人能知,Dāng dàmén jǐn bì shí, shéi rén néng zhī,

那里面装的是杂货还是宝石? Nà lǐmiàn zhuāng de shì záhuò háishì bǎoshí (перевод: Язык мудреца имеет какое применение? Это ключ от сокровищницы мудреца. Когда дверь плотно закрыта, кто может знать, там внутри лежит мелочь или драгоценный камень [208, c.22].

В этом примере нас особенно интересуют слова «ювелир» и «старьевщик» («чавҳарфуруш» и «пилавар»), которые заменены переводчиком на слова «杂货-мелочь» и «宝石- драгоценный камень». Действительно Саади под словом «ювелир» подразумевает мудрого человека, а «старьевщик» - это обманщик, мелочный человек. Человека можно узнать лишь тогда, когда он начинает говорить, понять, мудрый он или невежда, или как выражается Саади ювелир или старьевщик. Поскольку Янг Ван Бао понял замысел автора, замененные им слова полностью раскрывают содержание стиха. Следует отметить, что Джанг

Перевод Янг Ван Бао легко читается и понятен китайскому читателю.

Рассмотрим другой пример из третьей главы, рассказ 27, Саади пишет: «Дузде гадоеро гуфт:

-Шарм надорй, ки даст барои чаве сим пеши хар лаим дароз мекунй?

Гуфт:

Даст дароз аз пайи як хабба сим

Бех, ки бибурранд ба донгею ним» (Досл. Один вор сказал нищему: «Разве тебе не стыдно из-за гроша протягивать руку перед каждым скрягой?» Сказал он: «Протягивать руку за крупинкой денег

Лучше, чем рисковать, что отрубят ее за полторы монеты») [94, с.84].

Янг Ван Бао переводит: «一个小偷对穷人说"你不感到惭愧吗?为了一分钱而把手伸向那些吝啬的人"穷人说:

"为了一分钱向人乞讨,

胜过为了偷东西让人把手砍掉"。Yīgè xiǎotōu duì qióngrén shuō "nǐ bù gǎndào cánkuì ma? Wèile yī fēn qián ér bǎshǒu shēn xiàng nàxiē lìnsè de rén" qióngrén shuō:

"Wèile yī fēn qián xiàng rén qǐtǎo,

shèngguò wèile tōu dōngxī ràng rén băshŏu kǎn diào". (Перевод Х.Ш.Р. – Вор спрашивает у нищего: Тебе не стыдно, ради копейки протягивать руку к жадным людям? Нищий ответил: - Протягивать руку ради копейки лучше, чем украсть

вещь и лишиться руки) » [208, с. 156].

Отличные знания обоих языков помогло Янг Ван Бао сохранить образную систему Саади. Янг Ван Бао как вдумчивый и тонкий переводчик, воспользовался всеми возможными способами совершенствования перевода. В его переводе сталкиваемся и с сокращениями, и с увеличениями количества слов, но при этом содержание ни в кое мере не страдает.

Ранние переводы Ван Дзин Джая и Шуэй Фу Дзиена, можно считать скорее переработками (адаптациями), чем переводами в современном значении этого слова. Эти переводчики в процессе работы над «Гулистаном» руководствовались эстетическими принципами социализма. Они стремились к тому, чтобы рассказы «Гулистан»-а соответствовали вкусам эпохи. Следовательно, в их деятельности о полном сохранении содержания и формы рассказов «Гулистан»-а и речи не было.

Наиболее подстрочными следует назвать перевод Ванг Дзин Джая и Шуэй Фу Дзиена, а переводы Янг Ван Бао и Джанг Хонг Ниана- художественными.

Наш анализ показывает, что прежде чем переводить, переводчик должен хорошо изучить не только произведение, которое он переводи, но и творческий путь автора. Джанг Хонг Ниан, первым показал пример такого отношения к делу, что способствовало дальнейшему поэтическому совершенству в передаче «Гулистан»-а на китайский язык.

3.2. Своеобразие перевода пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык

Саади вошел в историю мировой культуры не только как высокоодаренный поэт-лирик и непревзойденный мастер прозы, но и как своеобразный мыслитель -моралист, прогрессивные социально-этические взгляды которого имеют не переходящее значение. Слава о нем, как прозорливом мудреце и великом гуманисте, не померкла и до наших дней.

Проникновенные лирические произведения, особенно его газели, по праву считаются перлами поэзии, а дидактическое сочинение «Гулистан» вошло в сокровищницу культуры таджикского и иранского народов и завоевало общее признание и популярность, как на Западе, так и на Востоке. Творчество Саади вдохновляло Хафиза, Джами, Хилали, Сайидо, Саиба, Бедиля и многих других таджикско-персидских поэтов, нравоучительность его произведений вызывала восхищение у Гете и Гейне, а для Пушкина Хафиз и Саади были примерами для подражания и источниками цитирования [66, с.3].

Свои нравственные убеждения Саади выразил не в специальных философских трактатах, не в определенной этической системе, а в художественных произведениях в виде афоризмов, сентенций, наставлений, поучений, которые часто иллюстрируются притчами.

Несомненно, анализ идеологических, художественных и стилистических особенностей творчества поэта является важнейшей предпосылкой правильного понимания даже самых тонких оттенков и уникальных черт стиля поэта. Как известно, стиль в литературе и искусстве - это устойчивая целостность средств художественного выражения, образных приемов, которые характеризуют

эстетическую парадигму произведения. Стиль - это всегда продукт мировоззрения и восприятия художника. Именно с этой позиции необходимо подходить к изучению переводов Гулистана Саади Шерози.

Изучение стиля письма Саади Шерози и того, как оно может быть передано переводчиками, в силу масштабности проблемы, не может вместиться одну подглаву, поэтому в данной работе мы ограничимся только сравнительным анализом степени отображения и сохранения стилистического своеобразия пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади Шерози на китайском языке.

Крылатые изречения, являющиеся продуктом одного этноса, создают определенные проблемы для переводчиков. Как известно, перевод - это не просто процесс замены одного языка другим. Разные культуры, разное мышление, разные социальные, социальные и национальные основы, разные эпохи, разные уровни развития, разные обычаи и традиции сталкиваются в переводе.

Известно, что «В области художественного перевода доминирует установка на анализ художественного образа и тех структурных элементов произведения, которые выступают на первый план при переводе произведения на другой язык. Поэтому исходным пунктом изучения становиться, естественно, проблемы процесса перевода, иначе говоря, сама механика переводческой работы. Сюда относятся и такие вопросы, как мера сохранения при переводе национально-самобытного колорита литературного произведения»[130, с.163].

Все это, конечно, нами рассматривается в сопоставительном плане. «Сопоставление – это, прежде всего, процесс осознания специфических черт сопоставляемых явлений и в то же время – процесс исканий того, на чем базируется общность этих явлений» [там же].

Исходя из вышесказанного, в данной части работы мы особое внимание уделяем функциям литературного перевода на таджикском и китайском языках как средства межлитературных общений.

Исходя из всего этого, мы полагаем, что для достижения максимальной адекватности при переводе национальных литератур, в данном случае изречений, как правило, переводчик использует следующие методы перевода:

- 1) «равноценное изречение или эквивалент, которое совпадает по смыслу и по образной основе с оригиналом;
- 2) устойчивый оборот или аналог такой, который по смыслу идентичен переведенному тексту, но образно отличается от него частично или полностью;
- 3) описательный перевод, осуществляемый путем передачи значения свободного лексического обращения, используется, когда нет эквивалентов или аналогов;
- 4) антонимический перевод передача утвердительного значения с использованием отрицательной конструкции или наоборот;
- 5) калькирование перевод лексической единицы оригинала путем замены его составных частей морфем или слов (в случае устойчивых фраз) на их лексические соответствия. Он используется в тех случаях, когда переводчик хочет выделить образную основу предложения или когда оборот не может быть переведен с использованием других видов;

6) комбинированный перевод - это перевод, когда переводчик применяет несколько приемов одновременно для перевода исходного выражения»[59, с.53].

Используя, приведенную выше классификацию видов перевода, разберем способы передачи персидско-таджикских изречений, пословиц и поговорок оригинала на китайский язык и проведем сопоставительный анализ китайского и русского вариантов этих выражений.

К примеру, во введении «Гулистан»-а, в разделе «Причина составления книги» Саади пишет: «Забон бурида ба кунче нишаста суммун букм, Бех аз касе ки набошад забонаш андар хукм» [94, с.61]. Дословный перевод: «Человек с отрезанным языком, сидящий в углу, лучше того, кто не властен над своим языком».

Вариант китайского переводчика Янг Ван Бао, который перевел «Гулистан» с оригинала, гласит:

管住舌头如聋似哑地坐在一边 Guǎn zhù shé tou rú lóng shì yǎ de zuò zài yībiàn, 胜过信马由缰的万语千言。shèngguò xìnmǎyóu jiāng de wàn yǔ qián yán

(Перевод Х.Ш.Р. - управлять языком подобно немому, сидящему в сторонке, куда лучше, отдаться воле многословия) [207, с.20].

最好坐在角落里不闻不言不语 zuì hǎo zuò zài jiǎo luò lǐ bù wén bù wèn, bù yán bù yǔ (Перевод Х.Ш.Р. - кто не может управлять своим языком, лучше пусть сидит в углу безмолвно) [203, с.8].

Известный исследователь «Гулистан»-а Саади, Р. Алиев, переводя данное двустишие с оригинала на русский язык, ссылается на 17 стих второй суры Корана, который гласит: «Они глухи, они немы, слепы, для них нет возврата к прежнему», и переводит его следующим образом: «...человек с отрезанным языком, сидящий в углу, лучше того, кто не властен над своим языком» [94, с.61].

Китайский переводчик Янг Ван Бао, который перевел «Гулистан» с оригинала, при переводе двустишия «Сидящий в углу безмолвно, как немой, Лучше того, кто не властен над своим языком» использовал аналогичную ФЕ, а именно 信马由缰 xìn mă yóu jiāng — образно, «отдаться воле кого-либо»; буквально «Ехать, опустив поводья, доверившись коню».

Чтобы усилить экспрессивность текста и передать смысловой оттенок оригинала переводчик Янг Ван Бао добавляет другую ФЕ: 万语千言 wàn yǔ qiān yán, и это переводится, как многословие. Наш пример ясно показывает, что китайский переводчик использовал метод выбора аналога, когда для того, чтобы сохранить семантическую окраску оригинала, была заменена национальная фраза, которая отличалась лексически, при этом сохраняя смысловой значение оригинала.

Перевод второго переводчика выполнен добросовестно, но он был ограничен в рамках английского перевода.

Китайские переводчики ввели в текст китайской версии перевода речевой оборот, по их мнению, более подходящий в данной ситуации. Перевод этого выразительного инструмента не вызвал затруднений у переводчиков. Хотя у нас есть, в этом случае два разных перевода, но обе версии отлично подходят для описания этого состояния. Стилистика Саади сохранена в переводах очень точно, а переводы не противоречат оригиналу.

Отчетливо наблюдается метод прямого перевода на примере следующего двустишия - о причине написания книги: «Гар илтифоти худовандияш биёрояд, Нигорхонаи чинию накши аржангист» [94, с.63]. Дословный перевод: «Если его царственная благосклонность украсит книгу, то станет она китайской картинной галереей и узорами Аржанга».

У Янг Ван Бао видим следующее: «...国王的阅览使它生色增辉, 它能跟中国画跟阿然的插图媲美» Guówáng de yuèlăn shǐ tā shēng sè zēnghuī, tā néng gēn zhōngguóhuà gēn ā rán de chātú pìměi (Перевод Х.Ш.Р. - «Король своим чтением почтит книгу и добавит ей лоска, будто она проиллюстрирована китайской национальной живописью и узорами из Аржанга») [208, с. 26].

А вот как Джанг Хонг Ниан, который так же перевел «Гулистан» с оригинала, передает то же двустишие: «...此书若能得到王上开恩欣赏,它便可比摩尼画卷和中国画廊 Cǐ shū ruò néng dédào wáng shàng kāi'ēn xīnshǎng, tā biàn kěbǐ mó ní huàjuàn hé zhōngguó huàláng» (Перевод Х.Ш.Р. - «Если на эту книгу сойдет

милость короля, и он насладится ее чтением, то это можно сопоставить с картиной Мани в свитке и китайской картинной галереей») [206, с.10].

В китайском варианте Шуэй Фу Дзиена читаем: «... 假如它能得到王上赞扬的恩惠, 就能和中国的绘画, 阿詹的画叶媲美 Jiǎrú tā néng dédào wáng shàng zànyáng de ēnhuì, jiù néng hé zhōngguó de huìhuà, ā zhān de huà yè pìměi (Перевод Х.Ш.Р. - Если книга удостоится похвалы короля, это будет так же хорошо, как украсить ее китайской живописью или живописью А джан (здесь имеется в виду Аржанг- священная книга Манихеев, по преданию украшенная замечательными иллюстрациями) [204, с.11].

Приведенные примеры показывают, что 中国画- «китайская национальная живопись Гохуа» была использована в качестве пояснения для китайского читателя. С помощью этого сравнительного словосочетания китайские переводчики подчеркнули, что на Ближнем Востоке китайская живопись издревле считалась самой красивой.

Приведенный пример показывает, что слово «китайская национальная живопись Гохуа» была использована в качестве усилителя значения. С помощью этого сравнения китайские переводчики подчеркнули, что на Ближнем Востоке китайская живопись издревле считалась самой красивой.

Следует отметить, что первый переводчик, использовал слово 中国绘画китайская живопись, тогда как второй переводчик использвал 中国画 – Гохуа (китайская национальная живопись). Далее слово Аржанг все переводчики переводят по-разному, у Шуэй Фу Дзиена 阿詹 A zhan, а у Янг Ван Бао 阿然 А rang, когда как у Джанг Хонг Ниан 摩尼画卷- свиток с картиной Мони. Это можно объяснить тем, что имена собственные иностранного языка при переводе на китайский язык не имеют устойчивого характера.

По частоте «непереводимости» или «трудной переводимости» народные изречения очень схожи с фразеологизмами и занимают едва ли не первое место. Непереводимость такой лексики отмечается всеми специалистами С.И. Влахов и С.П. Фролов пишут: «С трудностями перевода фразеологических единиц на каждом шагу сталкивается переводчик — практик, на них почтительно останавливается теоретик перевода» [34, с.187].

Примером может послужить народные изречение из первой главы «О жизни царей» рассказ первый: «... Дурўги маслихатомез бех, аз рости фитнаангез... [94, 67]. Дословный перевод: «Ложь, направленная к благой цели, лучше, чем, правда, возбуждающая бедствие».

У Янг Ван Бао: "善意的谎话胜过挑起矛盾的真言" Shànyì de huǎnghuà shèngguò tiǎo qǐ máodùn de zhēnyán (Перевод Х.Ш.Р. - Ложь, использованная в благих намерениях, лучше, чем, правда, провоцирующая противоречие) [208, с.2].

Шуэй Фу Дзиен переводит: "…息事宁人的谎言, 胜过搬弄是非的真话 Xīshìníngrén de huǎngyán, shèngguò bānnòngshìfēi de zhēn huà (Перевод Х.Ш.Р. - Уладить инцидент ложью лучше, чем сеять раздор правдой)" [204, с.16].

В двух сопоставляемых вариантах поговорка "Дурўги маслихатомез бех, аз ростй фитнаангез" переведена точно, хотя и есть лексические добавления в переводе с английского языка Шуэй Фу Дзиена с целью эмоционально окрасить

контекст. Дело в том, что само выражение "ложь во благо" имеет аналог в китайском языке, это фразеологизм "善意谎言".

В некоторых случаях, чтобы более точно и более четко передать смысл исходного материала, переводчику может потребоваться ввести несколько дополнительных слов. Известно, что как лексические, так и грамматические преобразования часто требуют введения дополнительных слов. Введение в текст перевода вспомогательных лексем обусловлено, в данном случае, тем, что краткое предложение на таджикском языке требует подробного выражения мысли в китайском переводе. Отсутствие соответствующего слова и соответствующей лексико-семантической версии слова в оригинале послужило причиной введения дополнительных слов в перевод. Конечно, переводчики использовали этот метод, чтобы читателям было легче понять содержание работы. Однако специалистам по переводу следует соблюдать осторожность при нарушении стилистической и лексической структуры исходного текста. Необходимо понять, что хотел сказать автор, и какую семантическую и стилистическую нагрузку несут эти слова.

Мы полагаем, что переводчики столкнулись с выбором: сделать перевод более понятным ДЛЯ читателя или сохранить лексико-стилистические особенности оригинала переводе, НО смысл выражения останется непостижимым для читателя.

Обратим внимание на следующий пример из пятого рассказа первой главы: «...Тавонгарй ба хунар аст, на ба мол ва бузургй ба акл аст, на ба сол», дословно: «Богатство в даровании, а не в имуществе, а величие – в разуме, а не в возрасте

[94, c.72].

Смотрим перевод Шуэй Фу Дзиена: «...富人在于能力,不在于货财; 贵人在于心智,不在于年纪» Fù rén zàiyú nénglì, bù zàiyú huò cái; guìrén zàiyú xīnzhì, bù zàiyú niánji (Перевод Х.Ш.Р. - Богатство заключается в умении, а не в имуществе. Благородство заключается в психике(темпераменте), а не в возрасте [204, с.23].

В переводе Янг Ван Бао: «...富有凭借能力,不能依靠金钱; 伟大依仗着智慧, 而不是年纪 Fùyǒu píngjiè nénglì, bùnéng yīkào jīnqián; wěidà yǐshàng zhe zhìhuì, ér bùshì niánjì (Перевод Х.Ш.Р. - Богатым нужно быть посредством умений, нельзя полагаться на деньги, величие опирается на разум, а не на возраст» [204, с.15].

Другой пример взятый из первой главы рассказ 16: «...хар ки хиёнат варзад, пушташ аз хисоб ларзад» Рустам Алиев, перевел: «...кто занимается плутнями, у того при счете руки трясутся».

Перевод Шуэй Фу Дзиена: «只有做了亏心事的人才会胆战心惊 Zhǐyǒu zuòle kuīxīn shì de réncái huì dǎnzhànxīnjīng (Перевод Х.Ш.Р. - Только у совершившего дурной поступок человека, сердце может уходить в пятки) [204, с.34]. Здесь переводчик привел ФЕ 胆战心惊 dǎnzhànxīnjīng - мороз по коже прошёл; душа в пятки ушла; смертельно перепугаться; прийти в ужас.

У Янг Ван Бао: «...只有背信弃义的人,在清算日,他的手才颤抖 Zhǐyǒu bèixìnqìyì de rén, zài qīngsuàn rì, tā de shǒu cái chàndǒu» (Перевод Х.Ш.Р. - Только у вероломного человека, в расчетный день рука дрожит) [208, с.32].

Здесь ФЕ: 背信弃义的人 bèixìnqìyì de rén - вероломный человек.

Рассмотрим следующий пример из третьего рассказа первой главы: «...дах

дарвеш дар гилеме бихусбанду ду подшох дар иклиме нағунчанд» [94, с. 49]. Дословно: «десять дервешей могут спать на одном коврике, а два царя не помещаются в одной стране».

У Шуэй Фу Дзиена: «... 十个穷人可以同盖一条毯子一个国家容不下两个君 王 Shí gè qióngrén kěyǐ tóng gài yītiáo tǎnzi yīgè guójiā róng bùxià liǎng gè jūnwáng (Перевод Х.Ш.Р. - Десять бедняков могут укрыться одним одеялом, в одной стране не могут сосуществовать 2 правителя [205, с.20].

Янг Ван Бао переводит: «... 十个穷人能盖一条毯子,一个国家不能容纳两个皇帝 Shí gè qióngrén néng gài yītiáo tǎnzi, yīgè guójiā bùnéng róngnà liǎng gè huángdì (Перевод Х.Ш.Р. - Десять бедняков могут укрыться одним одеялов, в стране два императора не вместятся [209, с.8].

А вот другой пример, содержащий народные изречения, взятый из третей главы рассказ 28: «...кушиши бефоидаст вусма бар абруи кур» [94, с.167]. Дословно: «...напрасный труд, подводить басмой брови слепого».

У Шуэй Фу Дзиена: «...如同眼药治不好瞎子眼睛 rútóng yǎn yào zhì bù hǎo xiā zǐ yǎnjīng (Перевод Х.Ш.Р. - Будто глазное лекарство не лечит от слепоты [205, с.110].

У Янг Ван Бао: «...给瞎子点上眼药也是白费力气 Gěi xiāzi diǎn shàng yǎn yào yěshì báifèi lìqì (Перевод Х.Ш.Р. - Капать глазные капли слепому тоже напрасная трата времени [208, с.156]. Здесь 白费力气 báifèi lìqì ФЕ- бесполезная трата сил; даром тратить.

Приведем следующий пример из введения «Гулистан»-а Саади: "Аннасу ала дини мулукихим" эту поговорку Саади приводит на арабском языке, на

таджикский язык она переводится следующим образом: "Мардум пайрави дини шохонашонанд" [94, с.32]. Дословно: «... Люди следуют вере своих владык». Янг Ван Бао данную поговорку перевел следующем образом: "臣民总是追随着国君的意向" chén mín zŏng shì zhuī suí zhe guó jūn de yì xiàng (Перевод Х.Ш.Р. - Люди следуют пожеланиям монарха) [208, с.14].

У Шуэй Дзиен Фу: "臣民总是采纳君王的意见 Chénmín zǒng shì cǎinà jūnwáng de yìjiàn (Перевод Х.Ш.Р. - Подданые всегда соглашаются с мнением монарха) [205, с.007].

Как мы видим, оба переводчика достаточно точно перевели поговорку.

Обратимся к следующему примеру, взятому из введения, где Саади пишет о причине составления книги: "Лукмони ҳакимро гуфтанд: "Ҳикмат аз кӣ омӯҳтӣ?" Гуфт: аз нобиноён, ки то чой набинанд, пой наниҳанд" [94, с.65]. Дословный перевод: «У кого научился ты мудрости? Ответил: У слепых, которые пока не ощупают место, не ступят ногой!».

Янг Ван Бао переводит: 有人问鲁格曼 合给目: 你的智慧是从哪儿学来的?他回答说: "向瞎子学到的。在没有摸清道路以前他们从不迈步。Yǒurén wèn lǔ gé màn hé gĕi mù: Nǐ de zhìhuì shì cóng nǎ'er xué lái de? Tā huídá shuō:"Xiàng xiā zǐ xué dào de. Zài méiyǒu mō qīng dàolù yǐqián tāmen cóng bù màibù (Перевод Х.Ш.Р. - У Лукмана Хакима спросили: «Откуда ты научился мудрости?» Он ответил: «У слепых, они не делают шаг, пока им не ясна дорога) [208, с.30].

Тот же самый отрывок Шуэй Дзиен Фу переводит следующим образом: «有人问圣人卢格曼说: 你是向谁学到智慧的? 他回答说: 我是从瞎子学到的,因为他在迈步之前总要先用脚试 探地面 "你应先看好路,然后迈出脚步" Yǒurén wèn shèngrén lú gé màn shuō: Nǐ shì xiàng shéi xué dào zhìhuì de? Tā huídá shuō: Wǒ shì cóng xiā zǐ xué dào de, yīnwèi tā zài màibù zhīqián zŏng yào xiān yòng jiǎo shìtàn dìmiàn "nǐ yīng xiān kànhǎo lù, ránhòu mài chū jiǎobù (Перевод Х.Ш.Р. - У святого Лукмана спросили: «У кого ты научился мудрости?» Он ответил: «У слепых, потому что они всегда пытаются проверить землю ногами, прежде чем сделать шаг. «Сначала ты должен взглянуть на дорогу, а затем делай шаг) [204, с.022].

Изучив вышеуказанные переводы отрывков, мы пришли к выводу, что они выполнены адекватно. У Янг Ван Бао используется вариант «Лукман Хаким 鲁格曼合给目», что является фонетическим заимствованием из оригинала Лукмони Хаким. Тогда как, Шуэй Дзиен Фу прибегает к смысловому переводу имени персонажа: "圣人卢格曼», где 圣人 — святой, 卢格曼 Лукман. Имеются также незначительные различия в иероглифах имени Лукман, однако, как мы уже не раз отмечали это не является ошибкой и связано с тем, что при переводе имен собственных на китайский язык нет устойчивых правил, которым бы следовали переводчики.

Что касается самой поговорки, на наш взгляд, перевод Шуэй Дзиена Фу является более точным.

В первой главе в 16 рассказе, нам встретилась следующая поговорка, которую мы проанализируем: " ...Ё чигарбанд пеши зоғ бинех..." [94, с.80]. Дословный перевод: «Бросаться очертя голову, рисковать».

Янг Ван Бао переводит так: "就不会把五脏六腑扔在乌鸦面前 Jiù bù huì bǎ wǔzàng liùfǔ rēng zài wūyā miànqián (Перевод Х.Ш.Р. - Бросать внутренние органы (потроха) перед вороной) [208, с.32].

Шуэй Дзиен Фу предлагает китайскому читателю следующий перевод: «... 你若能够安于清贫,才没有丧命的危险 Nǐ ruò nénggòu ān yú qīngpín, cái méiyǒu sàngmìng de wéixiǎn (Перевод Х.Ш.Р. - «Если, вы можете жить в бедности, нет никакой опасности потерять вашу жизнь») [204, с.029].

Но " Цигарбанд пеши зоғ ниходан"- является идиоматическим выражением. В персидско-русском словаре данная поговорка переводится как " Бросаться очертя голову, рисковать" (219). Как видно оба переводчика не смогли передать смысл этого выражения, кстати, Р. Алиев также перевел эту поговорку неправильно: "Выкладывать потроха перед воронами". Здесь мы можем согласиться с переводом Шуэйя Дзиен Фу, который, на наш взгляд, ближе к оригиналу. Он воспользовался антонимическим переводом и смысловой подтекст данной идиомы.

Перед тем как подвести итог, приведем еще один фрагмент произведения Саади, содержащий поговорку: «...то тарёк аз Ирок оварда шавад, моргазида мурда бувад» [94, с.81]. Дословный перевод: «Пока привезут противоядие из Ирака, ужаленный змеей умрет».

Перевод Янг Ван Бао: «即便是从伊拉克拿来解毒药解救, 被蛇咬的人也早已死了 Jíbiàn shì cóng yīlākè ná lái jiědú yào jiějiù, bèi shé yǎo de rén yě zǎoyǐ sǐle (Перевод Х.Ш.Р. - Даже если из Ирака привезут противоядие, укушенный змеей человек уже умрет) [208, с.34].

Шуэй Фу Дзиен: «被蛇咬伤的人是等不及从伊拉克把药拿来就会死去的 Bèi shé yǎo shāng de rén shì děng bùjí cóng yīlākè bǎ yào ná lái jiù huì sǐqù de (Перевод Х.Ш.Р. - Укушенный змеёй человек, пока дождется противоядия из Ирака умрет) [204, c.030].

Мы видим, что китайский и русский варианты - это чаще всего лишь дословный или буквальный перевод (калька). Использование кальки возможно только в том случае, когда дословный перевод может довести до читателя полное содержание всей пословицы, а не значения составляющих ее частей. В связи с этим, дословный перевод пословиц и поговорок вполне допустим, так как сохранена семантика пословицы. Переводчикам удалось передать смысловое содержание пословицы. Кроме того, сохранена семантика пословиц.

Специалисты в области литературного перевода всегда испытывали трудности с переводом пословиц и поговорок. Систематизация выбора метода перевода облегчает работу переводчиков. При отсутствии необходимых эквивалентов и невозможности буквального перевода специалисты используют метод описательного перевода. Этот метод ограничен только толкованием пословицы, данный метод перевода лишает пословицу его характеристик.

Пословица перестает существовать как самостоятельная лингвистическая единица, кажется, растворяется в контексте, превращается в обычное предложение.

Приведенные выше примеры ясно показывают, что описательный перевод устраняет все средства передачи содержимого пословиц и поговорок в кратком и ясном виде. Всем известно, что уникальность пословиц заключается в том, что в краткой, а порой и с юмором форме отражается вся глубина духовной мысли, жизненного опыта и чувств людей. Мы видим, как емкие и лаконичные пословицы персидско-таджикского языка отображаются китайскими переводчиками в длинных предложениях. Они просто объясняют читателю, что люди выражают в форме пословиц и поговорок.

Следует отметить, что многие персидско-таджикские пословицы и поговорки сформировались в разное время и имеют многозначность. Это затрудняет их интерпретацию, сравнение и, тем более, перевод.

Ж.А. Голикова утверждает: «Перевод пословиц, поговорок, сравнений и других образных средств языка является трудной задачей при ее выполнении переводчика подстерегает ряд опасностей, незнание которых может привести к существенным искажениям смысла переводимой идиомы» [42, с.213].

Как известно, приблизить перевод к оригиналу - цель любого переводчика. Чтобы точно перевести пословицы и поговорки на иностранный язык, переводчик должен сначала понять их значение. Затем, после анализа и переосмысления, выберите подходящий способ его перевода. Следовательно, краткий анализ некоторых пословиц и поговорок показывает, что при переводе пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык переводчиками в основном был применен метод — подбор частичного эквивалента.

Кроме того, несколько пословиц и поговорок были переведены методом калькирования. Переводчики прибегали к этому методу, когда оригинал содержал трудно переводимый национально-лексический сегмент, а также для оживления изображения. Часть пословиц и поговорок была переведена методом описательного перевода.

Следует отметить, что реальный процесс перевода не ограничивается выбором эквивалентных языковых совпадений. В этом отношении еще в 1838 году русский литературный критик В.Г. Белинский писал, что: «Близость к оригиналу заключается в передаче не буквы, а духа творчества» [15, с.429].

3.3. Перевод «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык как форма китайско-таджикских литературных связей

За столетия исторический опыт показал, что ни одна, даже великая литература влиятельных наций, не была сформирована и развита без литературных и культурных связей с другими народами. История литературы разных народов свидетельствует о том, что до появления какого-либо события в области литературных отношений, в том числе проникновения литературных произведений в мир других народностей, эти литературные произведения

приобретают там значение и заслуживают внимания, активно участвуя в литературное движение или, наоборот, постепенно растворяется со временем, перестают существовать.

Как говорилось уже ранее, «Гулистан» Саади Шерози перевели на китайский язык четыре раза, однако существует еще один вариант перевода «Гулистан» на китайский язык – адаптированный перевод.

Теоретиками установлено, что «Степень и характер адаптации могут быть самым разнообразными в зависимости от отношения автора к оригиналу, литературной традиции того времени, а если речь идет о произведении отдельной исторической эпохи, то и от его актуальности относительно жанрово-стилевой системы, канонов принимающей литературы переводчика, OT адресата, воспринимающей среды и т.п. В зависимости от всех этих обстоятельств адаптация может подвергнуться целому ряду элементов оригинала. Произведение может быть приспособлено к отечественным литературным вкусам или к читателю – локализацией места действия, может претерпеть сдвиг во времени и соответственно изменены персонажи произведения и т.п.»[50, с.169].

«Гулистан: Мудрость Саади в прикроватной книге» издана Лю Бей Янгом и Ань Жуй в декабре 2010 года. В предисловии книги авторы пишут: «Книга древнего персидского поэта Саади «Розовый сад» пропитанная философией, правдивыми историями и высоким духовным миром, глубоко повлияла на людей всех этнических групп в Центральной Азии, Западной Азии и других местах на

протяжении сотен лет и вдохновляла их важный жизненный путь и является источником идей для успеха»[207,с.2].

Затем авторы пишут «О достоинстве «Гулистан» -а и его значении для мировой литературы: «Хотя книга была написана более чем 700 лет назад, однако духовные ценности, сформированные его эстетические И различными средневековыми слоями населения, его персонажи, будто живые оказали огромное влияние на религию, историю и литературу. Это произведение стало бессмертным, которое завоевало любовь ПО всему миру. положительное влияние на духовное совершенствование людей и философский анализ.

«Гулистан» это сборник историй с предостережениями, в сопровождении ритмизованных стихов. Истории написаны в свободном стиле, а философское объяснение в стихах. Книга разделена на 8 глав: поведение императора, нравственность монахов, удовлетворенность малым, польза молчания, о любви и молодости, о старости и слабости, о пользе воспитания, о норме поведения. Вся восьмая глава состоит из стихов, нет ни единого рассказа. В остальных семи главах содержится 171 рассказ, которые отразили все слои населения от императора до простолюдина, зарисовывая общественную жизнь того времени. Содержание каждой главы можно аппроксимировать по названию, но точка зрения автора не в самой истории, а в объяснении его собственных мыслей, поэтому каждая история короткая и лаконичная, без сложных и извилистых сюжетов.

«Гулистан» - это краткое изложение жизни поэта. Он объединяет поэзию, прозу и басни в одну, скрывающую в юморе и философскую идею в повествовании. Его остроумие очаровывает читателя. «Гулистан» воплощает его идеи морали, богатых и бедных, а также концепцию жизни и смерти. Это сокровище человеческой культуры.

Ввиду глубокого практического значения «Гулистан»-а, на основе этого мы составили книгу под названием «Мудрость Саади в прикроватной книге», в которой выбирается часть содержимого «Гулистан»-а и сочетается реальная жизнь с мудростью. Мысли, способы побуждения, простой и лаконичный язык, стиль руководства, характер мудреца, жизнь, удовлетворенность, безмолвие - это золото, общение, образование, брак и т.д., предостерегут вас навсегда. Если эта книга поможет вашей работе и жизни, она станет для нас большой наградой» [207,с. 2].

Как стало известно, из вышеприведенного введения не все главы оригинала попали в сборник. Содержание сборника выглядит следующим образом:

Глава первая, «Саади о житейском», делится на 4 части. Часть первая «Манеры лидера». В свою очередь включает в себя 7 рассказов. Часть вторая «Поведение мудрецов» – 7 рассказов. Часть третья «Образ жизни» – 8 рассказов. Часть четвертая «Заводить друзей осмотрительно, прожить чудесную жизнь» – 6 рассказов.

Глава вторая, «Жизненная мудрость Саади» разделена на три части. Часть первая «Быть радостным на самом деле просто» – 9 рассказов. Часть вторая «Научись молчать, молчание золото» - 6 рассказов. Часть третья «Знать манеру общения – прожить счастливую жизнь» - 6 рассказов.

Глава третья «Саади о любви» состоит из двух частей. Часть первая «Любовь источник счастья» - 6 рассказов. Часть вторая «Позволь любви распуститься как цветок, и не давай увядать» - 6 рассказов.

Глава четвертая «Саади о воспитании» состоит из двух частей часть первая «Получив образование ты станешь более успешным» - 6 рассказов. Часть вторая «Дети - это надежда на будущее» - 6 рассказов.

И так мы имеем некое представление о структуре книги Лью Бей Янга.

Каждый рассказ книги оформлен следующим образом, первостепенно автор приводит определенный рассказ из оригинала (перевод версии Янг Ван Бао), иногда отрывок из оригинала, подкрепляя ее невымышленным повествованием жизни какого - либо китайца, после чего приводится еще одна история, где слова и мысли Саади находят свое отражение.

Приведем пример из первой главы «Саади о житейском» часть вторая «Поведение мудрецов» рассказ первый: «Совершать ошибки, не есть постыдно».

Лью Бей Янг:

一个醉汉睡在路边,不能自制。一个士人从旁边经过,看着他那丑 陋不堪的情形。那醉汉醉醺醺地抬起头说:"如果你们感到无聊,就请多多原谅。"Yīgè zuì hàn shuì zài lù biān, bùnéng zìzhì. Yīgè shì rén cóng pángbiān jīngguò, kànzhe tā nà chǒulòu bùkān dì qíngxíng. Nà zuì hàn zuìxūnxūn de tái qǐtóu shuō:"Rúguǒ nǐmen gǎndào wúliáo, jiù qǐng duōduō yuánliàng."

对有过失的人,不要过多指责,Duì yǒu guòshī de rén, bùyàoguò duō zhǐzé,

即使是仇人也不要揭露他们的罪过。Jíshǐ shì chóurén yě bùyào jiēlù tāmen de zuìguo.

信士啊,对有罪的人不能不理不睬,Xìnshì a, duì yǒuzuì de rén bùnéng bù lǐ bù cǎi,

要理解他们,格他们以怜爱。Yào lǐjiě tāmen, gé tāmen yǐ lián'ài.

假如我的行为有伤风化,Jiǎrú wǒ de xíngwéi yǒu shāngfēng huà,

也请对我宽恕不要谩骂。Yě qǐng duì wǒ kuānshù bùyào mànmà.

Данный рассказ, соответствует рассказу 40 из второй главы оригинала. Филологический перевод Х.Ш.Р.:

«Некто спал пьяным на дороге, выпустив из рук поводья воли. Проходил мимо него благочестивый муж, и с осуждением взглянул на его отталкивающее состояние. Пьяный поднял голову и сказал: «Когда проходят мимо ничтожества, проходят великодушно!»

Не отвращай лицо, о благочестивый, от грешника,

Смотри на него милосердно.

Пусть я неблагороден по поступкам,

Но ты проходи мимо меня благородно».

Далее автор книги пишет свое рассуждение по поводу данного отрывка из «Гулистан»-а. Он уверен, как и Саади что всем людям свойственны ошибки «...ошибки неизбежны в жизни человека, и ответственность не может быть уволена. Каждый обязан признавать ошибки и нести ошибки. Те, кто может взять на себя ответственность, - это те, на кого можно возложить ответственность. Перед лицом вины мы не должны пытаться избежать ответственности, которую мы должны нести, и мы должны смело противостоять ей. Мы должны признать ошибки. Ответственность коренится в сердце, что делает его сильным вероучением в наших умах и основным принципом жизни» [207, с.36].

После рассуждения автора, следует рассказ, который автор назвал «在等孩子犯错的父亲 Zài děng háizi fàncuò de fùqīn Отец, ждущий ошибок сына».

父亲问儿子: "今天偷看电视了吗?" Fùqīn wèn érzi: "Jīntiān tōu kàn diànshìle ma?"

暑假,白天都是儿子一个人在家,为了控制他看电视的时间,父母 规定,不许白天看电视。儿子故作轻松地回答说:"没有哇"。Shǔjià, báitiān dū shì érzi yīgè rén zàijiā, wèile kòngzhì tā kàn diànshì de shíjiān, fùmǔ guīdìng, bùxǔ báitiān kàn diànshì. Érzi gù zuò qīngsōng de huídá shuō:"Méiyǒu wa".

父亲盯着他,又严肃地问他:"真的没看吗?你要诚实地回答我。" Fùqīn dīngzhe tā, yòu yánsù de wèn tā:"Zhēn de méi kàn ma? Nǐ yào chéngshí dì huídá wŏ."

儿子低下,头说: "我错了,我看了一下午电视。" Érzi dīxià, tóu shuō:"Wǒ cuòle, wǒ kànle yī xiàwǔ diànshì."

因为未经允许看电视,还撒谎,儿子理所当然地受到了惩罚。接受完惩罚,儿子怯怯地问父亲:"爸爸,你是怎么知道我偷看电 视的?怎么每次我一犯错误,你就能抓住我,好像总是跟在我身边似 的。父亲说:"其实,下班一回到家,我就悄悄摸了下电视机,机身是热 的。这个秘密,我当然不能告诉你。Yīnwèi wèi jīng yǔnxǔ kàn diànshì, hái sāhuǎng, ér zǐ lǐsuǒdāngrán dì shòudàole chéngfá. Jiēshòu wán chéngfá, érzi qiè qiè de wèn fùqīn:"Bàba, nǐ shì zěnme zhīdào wǒ tōu kàn diànshì de? Zěnme měi cì wǒ yī fàn cuòwù, nǐ jiù néng zhuā zhù wǒ, hǎoxiàng zǒng shì gēn zài wǒ shēnbiān shì de. Fùqīn shuō:"Qíshí, xiàbān yī huí dàojiā, wǒ jiù qiāoqiāo mōle xià diànshì jī, jī shēn shì rè de. Zhège mìmì, wǒ dāngrán bùnéng gàosù nǐ.

但是,孩子,有一点你说对了,每次 你犯错误的时候,我都会恰到好处地出现在你身边,就像猎人总是及 时出现在猎物面前一样。没错,你所犯下的每一个错误,都是我的猎物。你已经是个翩翩少年了。你知道吗,这十几年,你一直不断地犯着错误。刚刚学会爬的时候,你对什么都充满了好奇,忍不住摸摸,玩玩。可是,这个世界并不是所有的东西都是你的玩具,有的会伤害你。Dànshì, háizi, yǒu yīdiǎn nǐ shuō duìle, měi cì nǐ fàn cuòwù de shíhòu, wǒ dūhuì qià dào hǎo chǔ dì chūxiàn zài nǐ shēnbiān, jiù xiàng lièrén zǒng shì jíshí chūxiàn zài lièwù miànqián yīyàng. Méi cuò, nǐ suǒ fàn xià de měi yīgè cuòwù, dōu shì wǒ de lièwù. Nǐ yǐjīng shìgè piānpiān shàoniánle. Nǐ zhīdào ma, zhè shí jǐ nián, nǐ yīzhí bùduàn de fànzhe cuòwù. Gānggāng xuéhuì pá de shíhòu, nǐ duì shénme dōu chōngmǎnle hàoqí, rěn bù zhù mō

mō, wán wán. Kěshì, zhège shìjiè bìng bùshì suŏyŏu de dōngxī dū shì nǐ de wánjù, yŏu de huì shānghài nǐ.

方太小了,不能理解大人的话。唯一教会你认识危险的办法,就是让你犯个错,并因为这个错误而承受后果。我们一再告诉你,爸爸喝的热水杯是不能碰的,但你老是想拧开爸爸的杯子。有一天,我故意将杯子放 主你能够得着的地方,你兴奋地用手去摸那只充满了诱惑的杯子,结 吴,你粉嫩的小手被杯子很不客气地烫了一下,你痛得哇哇大哭。我一边抚慰你,一边告诉你,杯子里装着热水,会烫人的,不能随便碰。Fāngtài xiǎole, bùnéng lǐjič dàrén dehuà. Wéiyī jiàohuì nǐ rènshì wéixiǎn de bànfã, jiùshì ràng nǐ fàn gè cuò, bìng yīnwèi zhège cuòwù ér chéngshòu hòuguǒ. Wǒmen yīzài gàosù nǐ, bàba hē de rè shuǐ bēi shì bùnéng pèng de, dàn nǐ lǎo shì xiǎng níng kāi bàba de bēizi. Yǒu yītiān, wǒ gùyì jiāng bēizi fàng zhǔ nǐ nénggòu dézháo dì dìfāng, nǐ xīngfèn de yòng shǒu qù mō nà zhǐ chōngmǎnle yòuhuò de bēizi, jié wú, nǐ fēn nèn de xiǎoshǒu bèi bēizi hěn bù kèqì de tàngle yīxià, nǐ tòng dé wāwā dà kū. Wǒ yībiān fǔwèi nǐ, yībiān gàosù nǐ, bēizi lǐ zhuāng zháo rè shuǐ, huì tàng rén de, bùnéng suſbiàn pèng.

这个世界,有很多像杯子一样的东西,我们需要它,但是,弄不好它也会伤害我们。我不知_道我说的话你有没有明白,但此后很长时间, 你都不再乱碰杯子,直到. 你学会先用手背去试探一下温度。 在你成长 的过程中,几乎总是伴随着错误。学走路的时候,你看起来多么兴奋啊,在大人的帮扶下,你一刻都不肯停下脚步。当你跌跌撞撞地自己迈出人生第一步的时候,我和你妈妈的眼里都充满了激动的泪水。 Zhège shìjiè, yǒu hěnduō xiàng bēizi yīyàng de dōngxī, wǒmen xūyào tā, dànshì, nòng bù hǎo tā yě huì shānghài wǒmen. Wǒ bùzhī_dào wǒ shuō dehuà nǐ yǒu méiyǒu míngbái, dàn cǐhòu hěn cháng shíjiān, nǐ dōu bù zài luàn pèng bēizi, zhídào. Nǐ

xuéhuì xiān yòng shǒubèi qù shìtàn yīxià wēndù. Zài nǐ chéngzhǎng de guòchéng zhōng, jīhū zŏng shì bànsuízhe cuòwù. Xué zŏulù de shíhòu, nǐ kàn qǐlái duōme xīngfèn a, zài dàrén de bāng fú xià, nǐ yīkè dōu bù kĕn tíng xià jiǎobù. Dāng nǐ diédiézhuàngzhuàng dì zìjǐ mài chū rénshēng dì yī bù de shíhòu, wŏ hé nǐ māmā de yǎn lǐ dōu chōngmǎnle jīdòng de lèishuǐ.

很快, 你不满足于在家里的地板上走路了, 你要到外面去走。我牵 管下的手, 和你一起来到了室外。灿烂的阳光,似乎专为了欢迎你。我 悄悄松开了你的手。 没走几步,你就被地上一块凸起的小砖头给绊到 了。你哭了。我将你扶起来,指 着那块小砖头,告诉你,走路时要避开它。你似懂非懂地点点头。孩子,其实, 那块砖头我早看到了,我知道你 =会注意到它,你刚学会走路,只会看天,不知 道看路。我也料到你一定会攱它绊倒,因为你还不会绕过它。即使不是这块砖头, 也总有其他砖头,将你一次次绊倒,这一点也不奇怪。你被绊倒了,摔痛了,你 就会 从此记住,路上的石头是会姅脚的。Hěn kuài, nǐ bù mǎnzú yú zài jiālǐ dì dìbǎn shàng zŏulùle, nǐ yào dào wàimiàn qù zŏu. Wŏ qiān guǎn biàn de shǒu, hé nǐ yī qǐlái dàole shìwài. Cànlàn de yángguāng, sìhū zhuān wèile huānyíng nǐ. Wǒ qiāoqiāo sōng kāile nǐ de shǒu. Méi zǒu jǐ bù, nǐ jiù bèi dìshàng yīkuài tū qǐ de xiǎo zhuāntóu gèi bàn dàole. Nǐ kūle. Wǒ jiāng nǐ fú qǐlái, zhǐzhe nà kuài xiǎo zhuāntóu, gàosù nǐ, zǒulù shí yào bì kāi tā. Nǐ sì dòng fēi dòng dìdiǎn diǎntóu. Háizi, qíshí, nà kuài zhuāntóu wò zǎo kàn dàole, wǒ zhīdào nǐ =huì zhùyì dào tā, nǐ gāng xuéhuì zǒulù, zhǐ huì kàn tiān, bù zhīdào kàn lù. Wǒ yĕ liào dào nǐ yīdìng huì guǐ tā bàn dào, yīnwèi nǐ hái bù huì ràoguò tā. Jíshǐ bu shì zhè kuài zhuāntóu, yě zŏng yŏu qítā zhuāntóu, jiāng nǐ yīcì cì bàn dào, zhè yīdiǎn yě bù qíguài. Nǐ bèi bàn dàole, shuāi tòngle, nǐ jiù huì cóngcǐ jì zhù, lùshàng de shítou shì huì bàn jiǎo de.

明白这一点非常重要,一生当中,我们会遇到多少这样的石头啊。 这一跤, 你一定得摔,而且,天知道我们要摔多少跤,才会真正长大。你 终于可以自己满 世界地跑了,再也不需要大人跟在你的身后了。孩子, 你不知道,父母的视线, 其实一刻都没有离开过你。还记得吗,有一年 冬天,小区里的水池里刚结了冰, 你就尝试着想从冰上走。那么薄的 冰,哪能承担得了你的体重呢?你的脚刚刚迈 上去,冰就"味嚓"一声碎 裂了,你一脚踩进了刺骨的冰水里,吓得尖叫起来。我 冲过去,一把将 你拽了上来,抱回家中。Míngbái zhè yīdiǎn fēicháng zhòngyào, yīshēng dāngzhōng, wŏmen huì yù dào duōshǎo zhèyàng de shítou a. Zhè yī jiāo, nǐ yīdìng dé shuāi, érqiě, tiānzhīdào wŏmen yào shuāi duōshǎo jiāo, cái huì zhēnzhèng cháng dà. Nǐ zhōngyú kĕyǐ zìjǐ măn shìjiè dì păole, zài yĕ bù xūyào dàrén gēn zài nǐ de shēnhòule. Háizi, nǐ bù zhīdào, fùmǔ de shìxiàn, qíshí yīkè dōu méiyǒu líkāiguò nǐ. Hái jìdé ma, yǒuyī nián dōngtiān, xiǎoqū lǐ de shuǐchí lǐ gāng jiéle bīng, nǐ jiù chángshì zhuóxiăng cóng bīng shàng zǒu. Nàme báo de bīng, nă néng chéngdān déliǎo nǐ de tǐzhòng ne? Nǐ de jiǎo gānggāng mài shàngqù, bīng jiù "wèi cā" yīshēng suì lièle, nǐ yī jiǎo cǎi jìnle cìgǔ de bīng shuǐ lǐ, xià dé jiān jiào qǐlái. Wǒ chōng guòqù, yī bǎ jiāng nǐ zhuāile shànglái, bào huí jiā zhōng.

事后,我记得你问过我,咋就那么神,你刚掉进水池里,我就像救星一样出现在你的面前。孩子,你并不知道,看到你一脸好奇地走近水池边,我就一直在暗自注视着你,我知道你会不知深浅地在冰上走,而只要你踩在冰上,就一定会掉进水池里。我当然可以制止你,让你不要犯这个错误,但我没有。我不想阻止你的探险,人一定得有一点儿好奇心,要有一点探险精神。同时,说实话,我想看着你犯错,错误会让你吃苦头,长记性的。"Shìhòu, wǒ jìdé nǐ wènguò wǒ, zǎ jiù nàme shén, nǐ gāng diào jìn shuǐchí lǐ, wǒ jiù xiàng jiùxīng yīyàng chūxiàn zài nǐ de

miànqián. Háizi, nǐ bìng bùzhīdào, kàn dào nǐ yī liǎn hàoqí de zǒu jìn shuǐchí biān, wǒ jiù yīzhí zài ànzì zhùshìzhe nǐ, wǒ zhīdào nǐ huì bù zhī shēnqiǎn de zài bīng shàng zǒu, ér zhǐyào nǐ cǎi zài bīng shàng, jiù yīdìng huì diào jìn shuǐchí lǐ. Wǒ dāngrán kěyǐ zhìzhǐ nǐ, ràng nǐ bùyào fàn zhège cuòwù, dàn wǒ méiyǒu. Wǒ bùxiǎng zǔzhǐ nǐ de tànxiǎn, rén yīdìng dé yǒu yīdiǎn er hàoqí xīn, yào yǒu yīdiǎn tànxiǎn jīngshén. Tóngshí, shuō shíhuà, wǒ xiǎng kànzhe nǐ fàncuò, cuòwù huì ràng nǐ chīkǔ tóu, zhǎng jìxìng de."

接着父亲又说,他无力为孩子指出人生中的每一个错误,但他希 望,在孩子年少时,多犯几个错误,他们共同来面对它、纠正它、克服 它。这样,当孩子长大成人,独立面对社会时,就会少犯几个错误,少跌 几个跟头。Jiēzhe fùqīn yòu shuō, tā wúlì wèi háizi zhǐchū rénshēng zhōng de měi yīgè cuòwù, dàn tā xīwàng, zài háizi niánshào shí, duō fàn jǐ gè cuòwù, tāmen gòngtóng lái miàn duì tā, jiūzhèng tā, kèfú tā. Zhèyàng, dāng háizi zhǎng dà chéngrén, dúlì miàn duì shèhuì shí, jiù huì shǎo fàn jǐ gè cuòwù, shǎo diē jǐ gè gēntou.

Краткий смысловой перевод рассказа:

«Отец спросил сына: - Смотрел ли ты телевизор сегодня?»

Во время летних каникул, ребенок остается дома один. Чтобы огородить ребенка от длительного просмотра телевизора, родители установили правила, нельзя смотреть телевизор днем.

Мальчик не принужденно отвечает: «Не смотрел».

Отец пристально посмотрел на сына и вновь спросил: «Серьезно? Ты должен честно мне ответить».

Мальчик, опустив голову сказал: «Я ошибся, я весь день смотрел телевизор».

Естественно сын был наказан отцом, за непослушание. Приняв наказание, сын

спросил у отца, как он узнал о его проступке. Как отцу удается каждый раз после совершения ошибки сыном, узнавать правду?

Отец ответил: «Когда я вернулся домой с работы, я коснулся телевизора и корпус его был теплым. Это секрет. Об этом я не должен тебе говорить. Однако ты был прав, сказав, что каждый раз, когда ты совершаешь ошибку, я будто бы стою позади тебя. Каждая твоя ошибка — моя жертва. Сейчас ты уже подрос, и ты совершаешь ошибки уже более 10 лет. Когда ты едва научился ползать, тебе было все интересно, ты все трогал, всем играл. Только вот не все вещи в этом мире, твои игрушки, некоторые вещи могут причинить тебе вред. Ты еще слишком мал, не в силах понять речи взрослых. Единственный способ научить тебя обходить ошибки — дать возможность совершить ошибку, и чтобы боль, причиненная ошибкой, стала уроком для тебя. Я много раз говорил тебе, нельзя трогать кружку для горячей воды. Но ты все равно хотел ее. И когда, однажды я оставил ее там, где смог бы ее достать. Ты достал ее разбил и обжегся. Мне было жаль, но иначе поступить я не мог.

В мире много вещей подобно кружки для горячей воды. Я знаю, сейчас ты меня не понимаешь, но потом ты все поймешь.

Продолжая отец сказал, что не может указывать на каждую совершенную сыном ошибку, однако он надеется, что, совершая ошибки в детстве, они смогут преодолеть их, научится не совершать ошибки. Таким образом, ребенок, повзрослев, самостоятельно встанет перед обществом он сможет меньше совершать ошибки, и ходить с «высоко» поднятой головой».

Рассмотрим другой рассказ из 3 главы, параграф первый «Любовь-источник

счастья».

Первый параграф третьей главы Лью Бей Янг делит на 6 историй. Исторяи третья: «Будь смелым -люби, ненавидь, терпи поражение». В самом начале повествование, приведены нижеследующие строки из «Гулистан»-а Саади переведенные Янг Ван Бао:

«不能摆脱自身私欲的桎梏,

就会把爱情当成游戏追逐;

如若得不到感情的承诺,

爱情的结局只是无花之果 Bùnéng bǎituō zìshēn sīyù de zhìgù,

jiù huì bă àiqíng dàngchéng yóuxì zhuīzhú;

rúruò dé bù dào gănqíng de chéngnuò,

àiqíng de jiéjú zhǐshì wú huā zhī guŏ。 (Перевод Х.Ш.Р. – Если ты не можешь высбодится из оков эгоистичных желаний, то любовь станет игрой для тебя. Если не сможешь заполучить обещанные чувства, итог такой любви бесплоден) [207, c.230].

В оригинале Саади пишет: «Ту, ки дар банди хештан бошй, Ишқбози дурўғзан бошй. Гар нашояд ба дуст рах бурдан, Шарти ёрист дар талаб мурдан» (досл. Если ты скован заботой о себе, Ты лжевлюбленный.

Если тебе не удасться найти дорогу к любимой, То требование любви умереть в поисках) [94, с.99].

После вступительных строк из «Гулистан»-а Саади, автор пишет рассказрассуждение на тему любви. И его рассуждения весьма ёмкие и уместные. Он делится неким опытом, приведем отрывок из рассуждения автора адаптации: «爱 情总是想象比现实美丽,相逢如是,告別亦如是。我们以为爱得很深,很深。来日岁月,会让你知道,它不过很,很浅,最深重的愛,必须和时日一起成长。Àiqíng zǒng shì xiǎngxiàng bǐ xiànshí měilì, xiāngféng rúshì, gàobié yì rúshì. Wǒmen yǐwéi ài dé hěn shēn, hěn shēn. Lái rì suìyuè, huì ràng nǐ zhīdào, tā bùguò hěn, hěn qiǎn, zuìshēn zhòng de ài, bìxū hé shí rì yīqǐ chéngzhǎng (Перевод Х.Ш.Р. — Любовь всегда воображается прекрасней реальности. Порой человеку кажется, что любовь крепкая, однако не всегда это так, она должна со временем крепчать) [207, с. 231].

После рассказа-рассуждения Лью Бей Янг приводит в пример другой рассказ, который в свою очередь также взаимосвязан со стихотворением из «Гулистан»-а и предшествующем рассказом-рассуждением. В качестве примера, приведем текст рассказа: «Любовь, которая еще не расцвела».

«她记得他年轻时的样子,那时他刚毕业,有几分青涩的笑,说话结巴,爱脸红,就是那个样子,让她一下子情窦初开。然后是轰表烈烈地相爱。Tā jìdé tā niánqīng shí de yàngzi, nà shí tā gāng bìyè, yǒu jǐ fēn qīng sè de xiào, shuōhuà jiēbā, ài liǎnhóng, jiùshì nàgè yàngzi, ràng tā yīxià zǐ qíngdòuchūkāi. Ránhòu shì hōng biǎo liè liè de xiāng'ài.

在小县城,师生恋是不允许的。她被父母转学到了另一个县城,他则被发配到一个乡里当老师。分开那阵儿,她每周骑 50 公里的单车去看,他她打一盆水,看她洗脸,叫她小鸽子。Zài xiǎo xiànchéng, shī shēng liàn shì bù yǔnxǔ de. Tā bèi fùmǔ zhuǎnxué dàole lìng yīgè xiànchéng, tā zé pī fà pèi dào yīgè xiānglǐ dāng lǎoshī. Fēnkāi nà zhèn er, tā měi zhōu qí 50 gōnglǐ de dānchē qù kàn, tā tā dǎ yī pén shuǐ, kàn tā xǐliǎn, jiào tā xiǎo gēzi.

那年,她才17岁,他比她大5岁,22岁。后来,她的父母知道她这样固执,

把她转到了外省,于是给他写信,可是,信全退了回来。她想找他,那个暑假,她找到他时候,看到了他有身孕的妻子。Nà nián, tā cái 17 suì, tā bǐ tā dà 5 suì,22 suì. Hòulái, tā de fùmǔ zhīdào tā zhèyàng gùzhí, bǎ tā zhuǎn dàole wàishěng, yúshì gěi tā xiě xìn, kěshì, xìn quán tuìle huílái. Tā xiǎng zhǎo tā, nàgè shǔjià, tā zhǎodào tā shíhòu, kàn dàole tā yǒu shēnyùn de qīzi.

为什么?她问。

他答,为了你。Wèishéme? Tā wèn.Tā dá, wèile nǐ.

她哭了,钱包被小偷偷了! 他给了她一个月的工资,送她到车站她走了,再也没有回头。Tā kūle, qiánbāo bèi xiǎotōu tōule! Tā gěile tā yīgè yuè de gōngzī, sòng tā dào chēzhàn tā zǒule, zài yě méiyǒu huítóu.

15 年后,她成了美国回来的海归,她仍然一个人。她回了一越老家,遇见,他变得很苍老,她几乎没有立刻认出他!15 Nián hòu, tā chéngle měiguó huílái dì hǎiguī, tā réngrán yīgè rén. Tā huíle yī yuè lǎojiā, yùjiàn, tā biàn dé hěn cānglǎo, tā jīhū méiyǒu lìkè rèn chū tā!

但的确是他! Dàn díquè shì tā!

她变得让他认不出来了,城了两次,他才认出她,他嘴唇回来了?我给她抓药去,她有风湿病,好多年了,学校里的房子阴冷。。。? Tā biàn dé ràng tā rèn bù chūláile, chéngle liǎng cì, tā cái rèn chū tā, tā zuǐchún huíláile? Wǒ gĕi tā zhuāyào qù, tā yǒu fēngshī bìng, hǎoduō niánle, xuéxiào lǐ de fángzi yīnlěng...

她愣了一下,给了他电话,说,她在北京认识一个老中医,看风湿特别好,让他一定记得带着他妻子来找她。Tā lèngle yīxià, gěile tā diànhuà, shuō, tā zài běijīng rèn shí yīgè lǎo zhōngyī, kàn fēngshī tèbié hǎo, ràng tā yīdìng jìdé dàizhe tā qīzi lái zhǎo tā.

回北京后她打电话给他们,再次邀请他们来北京。他推辞一番后,还是答应了过来。来的那天她亲自去接的。到了大夫那儿,她嚷着:"哥,你去取药,我陪嫂子买点东西去。Huí běijīng hòu tā dǎ diànhuà gěi tāmen, zàicì yāoqǐng tāmen lái běijīng. Tā tuīcí yī fān hòu, háishì dāyìngle guòlái. Lái dì nèitiān tā qīnzì qù jiē de. Dàole dàfū nà'er, tā rǎngzhe:"Gē, nǐ qù qǔ yào, wǒ péi sǎozi mǎidiǎn dōngxī qù.

走的时候,买了大包小包,特别給嫂子买了化妆品,40岁的女人哪能不用化妆品?上车的时候,她还塞了一万块钱給他,他不要,她说,那 180 块钱,换成今天,加上利息,有一万了。他一直没有说话,一直和她客气,火车开动后,他忽然叫她,小鸽子,他都记得。Zǒu de shíhòu, mǎile dà bāo xiǎobāo, tèbié gèi sǎozi mǎile huàzhuāngpǐn,40 suì de nǚrén nǎ néng bùyòng huàzhuāngpǐn? Shàng chē de shíhòu, tā hái sāile yī wàn kuài qián gèi tā, tā bùyào, tā shuō, nà 180 kuài qián, huàn chéng jīntiān, jiā shàng lìxí, yǒu yī wànle. Tā yīzhí méiyǒu shuōhuà, yīzhí hé tā kèqì, huǒchē kāidòng hòu, tā hūrán jiào tā, xiǎo gēzi, tā dōu jìdé.

15年了,原来他也都记得。那天她在站台上,像。子一样哭了! 15 Niánle, yuánlái tā yě dū jìdé. Nèitiān tā zài zhàntái shàng, xiàng. Zi yīyàng kūle!» [207,c. 232].

Филологический перевод: «Она помнила его еще молодым, едва закончившего университет, его рассеяную улыбку, как он краснел при разговоре, все это позволило ей влюбться в него сразу. В маленьких уездах любовь ученика и учителя не приветствуется. Ее родители перевели ее в другую школу уезда, а его отправили в деревню учителем. Кроме того, она каждую неделю ездила на своем велосипеде за 50 км, чтобы навестить его. Он называл ее маленьким голубком.

В тот год ей едва исполнелось 17 лет, он был старше нее на 5 лет, ему было 22 года. Узнав об упрямстве дочери, родители перевели ее в другую провинцию, о

чем она ему написала в письме. Однако письмо не найдя своего адресата вернулось обратно. Тем летом она попыталась его разыскать, однако у него была беременная жена.

«Почему?» - спросила она.

Он ответил: «Ради тебя».

Она заплакала, вор украл ее кошелек. Ему пришлось отдать ей свою месячную зарплату и проводить на вокзал. Она ушла неоглядываясь.

Пятнадцать лет спустя она стала репатриантом из Соединенных Штатов, и она все еще одна. Она вернулась в свой родной город и встретила его, он очень постарел, и она сразу его не узнала!

Но это действительно он!

Она настолько изменилась, что он не сразу понял, что это она. Она дважды позвала его, его губы задрожали: «Ты вернулась? Я купил для нее лекарства, у нее ревматизм уже много лет, в квартирах школьных сыро и мрачно....».

Она оцепенела, дала ему свой номер телефона, сказав, что в Пекине познакомилась с хорошим врачом, он лечит ревматизм, и попрасила привезти жену в Пекин на осмотр к врачу.

Вернувшись в Пекин, она позвонила им, и снова пригласила их приехать в Пекин. После очередного отказа, он все таки согласился приехать. В день их приезда она лично встретила их. Когда они прибыли к врачу, она сказала: «Брат, ступай, прими лекарство, а я пойду что-нибудь куплю для невестки». Она накупила много всего, особенно она прикупила декоративной косметики для невестки, разве 40-летние женщины не пользуются косметикой? Когда они

садились в машину, она высунула 10 тысяч юаней и протянула ему. Он не хотел брать, на что она ему сказала, те 180 юаней плюс проценты, стали десятью тысячами сегодня. Он ничего не говорил, она все время была вежливой, когда поезд тронулся, он неожидано соскочил с места и позвал ее маленькая голубка, он все еще помнил.

15 лет прошло, он все еще помнил. В тот день на пероне, она плакала как безумная!»

Таким образом, автор книги «Мудрость Саади в прикроватной книге» использует мотивы из «Гулистан»-а Саади, в этой связи следует отметить, что интерес к шедевру в китайской литературе последующих лет не угас. При обработке персидского произведения для китайского читателя Лью Бей Янг придает иноземным рассказам китайский колорит. Это исходит из того что цель подогнать оригинал под вкусы и привычки китайского читателя т.е. адаптировать для начального читателя, чтобы он мог освоить новую культуру. Этим методом переводчик старается сделать текст оригинала доступным пониманию иностранного, т.е. китайского читателя.

Выводы

Исследуя основные переводы произведения Саади «Гулистан» на китайский язык, мы пришли к выводу, наиболее заслуживающими внимания переводами являются переводы Ван Дин Джая, Джанг Хонг Ниана, Ян Ван Бао, Шуэй Фу Дзиен.

Перевод Ванг Дзин Джая является самым ранним письменным переводом шедевра персидско-таджикской литературы «Гулистан»-а Саади с языка

оригинала на китайский язык. Переводчик начинает перевод произведения непосредственно с первой главы, соответственно опускает, введение и причину написания книги, что является на наш взгляд неприемлемым, так как шедевр Саади от первой буквы и до последней точки носит большую значимость. Также нами обнаружены и другие погрешности в переводе, такие как исключение некоторых глав оригинала в переводе, лексические замены и не точности в переводе. В силу того, что данный перевод был первым дебютным письменным переводом произведения Саади, мы не примемся строго судить его. Так как в те годы (1947г.) в Китае не было квалифицированных переводчиков художественной литературы, более того Китай находился в состоянии войны.

Вторая попытка была осуществлена в 1958 году. Перевод Шуэй Фу Дзиена был выполнен с языка посредника, с английского языка. В основу своего перевода Шуэй Фу Дзиен взял работу английского переводчика ориенталиста Иствика. В результате сопоставления переводов отрывков произведения «Гулистан» переводчиком Шуэй Фу Дзиеном, мы пришли к выводу, что перевод хоть и сделан правильно, однако назвать его «зрелым» мы не можем. Большинство рассказов переведены не точно, и чаще представляются в виде пересказа, переложения содержания оригинала.

Перевод Джанг Хонг Ниана был осуществлен с языка оригинала. Вариант Джанг Хонг Ниана фундаментально отличается от двух более ранних переводов. Профессор Джанг не только переводит произведение «Гулистан» Саади Шерози на китайский язык, но и дает название рассказам, облегчая понимание для китайского читателя. Исходя их проведенного анализа, мы пришли к выводу, что

перевод Джанг Хонг Ниан лучше отображает истинный замысел строк «Гулистан»-а Саади.

Перевод Янг Ван Бао является самой новейшей версией «Гулистан»-а Саади на китайском языке. Перевод был осуществлен с персидского языка.

Янг Ван Бао старается не отступать от оригинала, и практически не вводит никаких изменений и толкований в рассказы произведения. На наш взгляд, самый поздний вариант перевода "Гулистан" на китайский язык является наиболее полной версией произведения Саади Шерози.

Помимо общей характеристики переводов "Гулистан"-а Саади на китайский язык, нами был проведен анализ перевода пословиц и поговорок из произведения Саади на китайский язык. Краткий анализ некоторых пословиц и поговорок показывает, что при переводе пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык переводчиками чаще всего был использован метод подбора частичного эквивалента.

Помимо этого, некоторые пословицы были переведены методом калькирования. В случае, когда оригинал содержал трудно переводимый национально—лексичекий сегмент, а также для оживления образа, переводчики применяли данный метод. Другая часть пословиц и поговорок была переведена методом описательного перевода.

Наше исследование не могло бы быть полным, если бы мы не упомянули другую версию перевода «Гулистан»-а Саади – адаптированный вариант перевода. Данный перевод выполнен Лью Бей Янгом и Ань Жуй, «Гулистан: Мудрость

Саади в прикроватной книге». Как сообщают сами авторы книги: «Ввиду глубокого практического значения «Гулистан»-а, на основе этого мы составили книгу под названием «Мудрость Саади в прикроватной книге», в которой выбирается часть содержимого «Гулистан»-а и сочетается реальная жизнь с мудростью. Мысли, способы побуждения, простой и лаконичный язык, стиль руководства, характер мудреца, жизнь, удовлетворенность, безмолвие - это золото, общение, образование, брак и т.д., предостерегут вас навсегда».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование работ китайских иранистов и литературных критиков Саади, анализ переводов «Гулистан» на китайский язык показывает, что Саади Шерози получил известность в Китае ранее чем, какой-либо другой представитель литературы Востока.

Таким образом, в истории мировой литературы литературный перевод сыграл и продолжает играть важную роль. Литературный перевод является не только важным фактором обогащения культурных ценностей других людей, но и важным средством и формой обмена духовным и эстетическим опытом между народами, стимулом для формирования и развития новых форм и жанров в прозе, поэзии и науке о литературе. Литературный перевод как неотъемлемая часть литературных отношений будет служить основным фактором культурных отношений и расширения их границ до все более тесного сближения национальных культур.

Следует отметить, что на современном этапе развития общества взаимодействие и взаимообогащение литературы являются одним из основных способов этого процесса, и изучение национальных проблем становится все более актуальным на примере культурного обмена и литературных связей.

Исследуя переводческую деятельность в Китае, следует отметить, что освоение и восприятие иностранной культуры посредством письменного перевода разделяется на два этапа, первый этап — перевод буддийских сутр и второй — усвоение китайцами иностранной культуры.

Таким образом, обзор основных этапов формирования теоретических основ перевода в Китае с древних времен до начала XX века подтверждает, что наука о переводе развивалась как нормативная, направленная главным образом на разработку правил, стандартов и принципов, переводческой деятельности.

Установлено, что ранними переводами художественной литературы прославился Линь Шу, Чжоу Шужэнь, Го Можо, Чженг Чжень, Ха Ди Джен, Ванг Дзинг Джай и другие.

Тщательное исследование вопросов влияния персидско-таджикской литературы на китайскую литературу, выявляет удивительные факты и интересные материалы, свидетельствующие о могуществе персидско-таджикского языка и значимости литературы на этом языке.

Исторические факты указывают, что во II-III веке до нашей эры между данными регионами имелись торговые и культурные взаимоотношения.

В ходе нашего исследования выявлены следующие факты, которые также свидетельствуют о распространении персидско - таджикского языка на территории Китая:

- 874 году в Сиане, в столице провинции Шаньси было обнаружено надгробие жены генерала Су ляна (Фарухзад- с пехлеви), Ма (Махнуз-пехлеви), которая была зароастрийского вероисповедания, гравюра имен выполнена на двух языках пехлеви и китайском;
- Фучжоу, в 1306 году было обнаружено надгробие выходца из Ирана, на котором было написано четверостишие Авиценны;
  - В 1289 году Цю Билай хан (хан монгольской династии Юань) по

рекомендации отдела государственных дел (Шан Шу Шен) основал мусульманский национальный университет в Даду (современный Пекин);

- На товарных знаках, на медных весах, выдаваемых монгольским правительством (династией Юань), были четыре параллельные друг другу надписи на персидском, китайском, уйгуро-монгольском и китайском Пагва-алфавите;
- В эпоху династии Мин (1368-1644гг.) было основано бюро официальных переводов (四夷 館 Siyi guan Сы И Гуань, данным бюро был составлен учебник 回回关于语 hui-hui guanyi yu (пособие по переводу с «мусульманского»), который включал в себя не только методические рекомендации, но и словарь «мусульманско» китайский, и состоял он из 1010 статей;
- В 1669 после свержения Обоя молодым Канси и князем Сонготу, который приходился ему дядей. Так как, юный богдохан был неопытен, ведение государственных дел взял в свои руки Сонготу. Начавшееся брожение в верхах китайского общества привело к дворцовому перевороту 1669 года и свержению Обоя. Несмотря на брожение в китайских верхах, в китайских медрасах продолжали обучаться на персидском языке. Обучались по системе 14-ти «классиков», в число которых входили одна из пяти работ Лиан Ву Бена «5 принципов»;
- При династиях Мин (1368-1644гг.) и Цин (1616-1911гг.) «Гулистан» Саади был одним из ведущих учебников, с помощью которых обучались персидскому языку в мусульманских школах Китая;
  - В конце XVII века китайские мусульманские ученые начали издавать

книги на персидском языке;

• Существуют несколько рукописей датируемые XVII веком, и они хранятся в пекинских мечетях.

Определенно, распространение персидско - таджикской литературы, прежде всего произведения Саади на территории Китая посредством Шелкового пути осуществлялось в процессе торгово-экономических, религиозных, культурных и научных взаимоотношений.

Изучив историю переводов произведения Саади Шерози «Гулистан», особенно четырех вариантов, которые были объектами нашего исследования, мы пришли к выводу, что китайская литературная общественность всегда с особым интересом относилась к личности самого поэта и к его творчеству.

Безусловно, анализ идейно-художественных и стилистических особенностей творчества поэта является наиболее важной предпосылкой правильного понимания даже самых тончайших оттенков и неповторимых особенностей стиля поэта.

Особенности перевода пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык, анализу подверглись 11 наиболее ярких пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади на китайский язык. Краткий анализ, которых показывает, что при переводе пословиц и поговорок «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык переводчиками в основном был применен метод — подбор частичного эквивалента.

Помимо этого, некоторые пословицы были переведены методом калькирования. В случае, когда оригинал содержал трудно переводимый национально—лексичекий сегмент, а также для оживления образа, переводчики применяли данный метод. Другая часть пословиц и поговорок была переведена методом описательного перевода.

Переводами произведения Саади Шерози «Гулистан» на китайский язык занимались известные и талантливые переводчики, поэтому они смогли передать на китайский язык пословицы и поговорки, к тому же правильно поняли содержащийся в них замысел автора.

На основе анализа имеющихся переводов «Гулистан»-а Саади Шерози на китайский язык, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, самым ранним письменным переводом произведения Саади Шерози на китайский язык явился перевод Ванг Дзин Джая, который был переведен с языка оригинала.

Во-вторых, перевод Шуэй Фу Дзиена был выполнен с языка посредника, с английского языка. В основу своего перевода, Шуэй Фу Дзиен взял работу английского ориенталиста Эдварда Иствика.

В-третьих, переводчик Джанг Хонг Ниан, также как и Ванг Дзин Джай перевел «Гулистан» Саади Шерози на китайский язык с языка оригинала. Кроме, того для облегчения понимания китайского читателя, переводчик дает названия рассказам, которые имеют разъяснительный характер.

В четвертых, новейшей версией перевода «Гулистан» -а Саади на китайский язык, является перевод Янг Ван Бао. Перевод осущестлен с языка оригинала. На

наш взгляд, считается наиболее полной версией произведения Саади Шерози.

На основе проанализированного материала, мы пришли к выводу, что популярность «Гулистан» достигла такой степени, что как свод моральных, дидактических и жизненных наставлений китайские авторы прибегали к его «национальной адаптации». И в Китае появились адаптированные варианты перевода «Гулистан»-а Саади. Например, книга Лью Бей Янга «Гулистан» («Мудрость Саади в прикроватной книге»). Автор книги «Гулистан» на китайский язык, выборочно собрал рассказы из «Гулистан»-а предварительно поделив на 4 большие главы. Далее автор делит на главы и подзаголовки для полной картины степени «адаптированного перевода» для широкого круга читателя.

Список литературы

- 1. Алимов, Р. Таджикистан и Китай: Диалог культур /Р. Алимов. -Пекин, 2012. С.201
- 2. Алексеев В.М. Принципы художественного перевода с китайского // Труды по китайской литературе. Кн. 2. М., 2003. С. 139-144.
- 3. Алексеев М.П. Сравнительное литературоведение. –Л.:Наука, 1963.-447с.
- 4. Айтматов Ч.Т. Два мастера//Литературная газета, 1968, 4 сент.
- 5. Ализаде И. Мировозрение Саади и некоторые особенности его творчества. Автореф.канд.дис., -Душанбе, 1966.
- 6. Аскарова Ж.А.Особенности процесса интернационального взаимообогощения казахской и таджикской литератур советского периода: Автореф. Дис... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1984.-22с.
- 7. Ауэзов М. Мысли разных лет. Алма-Ата, 1961. -541с.
- 8. Бадалов, Б.К. История переводов произведений Н. В. Гоголя и опыт сравнительно-типологического исследования в таджикской литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Бадалов, Бадал Каримович Душанбе, 2004. 26с.
- 9. Бако-заде. Ступени содружества: (о взаимодействии лит.народов Средней Азии и Казахстана) //Памир,1983.№3.-С.90-94.
- 10.Бартольд, В.В. Сочинение/В.В. Бартольд Т.9: Работы по истории востоковедения. М., 1977. 966 с.
- 11. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана/ В.В. Бартольд. Л.: Наука, 1927. 264с.

- 12. Бартольд, В.В. Персидская культура и ее влияние на другие страны. Соч.,т. XI.-М.:Наука, -С.174-188.
- 13. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
- 14. Белая, В.Г. Таджикистан в литературе на иностранных языках: 1971 -1975 / В.Г. Белан. Душанбе: Гос. биб.-ка Тадж ССР им. Фирдоуси, 1978. 623с.
- 15. Белинский, В.Г. Полное собрание сочинений в 13 т. / В.Г. Белинский. М.: Издательство Академии наук СССР, 1953. 755с.
- 16. Бертельс, Е. Э. Гулистан. Избранные рассказы / Е.Э. Бертельс. Берлин: 1923 -146c
- 17. Бертельс, Е. Э. Низами.-М.:1958.-С.209.
- Бертельс, Е.Э. Очерки истории персидской литературы / Е.Э. Бертельс. Л.:
   Издание Ленинградского восточного института, 1928. 211с.
- 19. Бертельс, Е.Э. Состояние работ по изучению истории таджикской литературы / Е.Э. Бертельс Записки Института Востоковедения Академии Наук СССР- М.: 1933-C.89-106.
- 20. Бертельс, Е.Э. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы / Е.Э. Бертельс. М.: Издательство восточной литературы, 1960, 561с.
- 21. Бобоев, Ю. Между арабами и тюрками // Материалы международного симпозиума «Диалог культур: Место Имама Абуханифы в мировой и исламской культуре» / Ю. Бобоев. Худжанд, 2009. С.50-57
- 22. Брагинский, Е. Иранское литературное наследие /Е. Брагинский. М.: Наука, 1984. 396с.
- 23. Брагинский, И.С. Исследования по таджикской культуре: (К

- пробл. межлитературных связей народов сов. Востока). М.:1977. -288с.
- 24. Брагинский, И.С. Из истории таджикской и персидской литературы / И.С. Брагинский. М.: Наука, 1972. 524 с.
- 25. Брагинский, И.С. Иранское литературное наследие. -М.: 1984.-С.207.
- 26. Брагинский, И.С. Интернациональное и национальное в литературах Востока: (заметки и дискуссии)/И.С Брагинский //Народы Азии и Африки. 1971. №1, С.89-105.
- 27. Братство народов братство литератур /Б. Кербабаев и др. //Лит. газ. 1972. 20 дек. С.4.
- 28. Бушмин А.С. Наука о литературе.-М.:1980. -286с.
- 29. Бушмин, А.С, методологические вопросы литературоведческих исследований. –Л.: 1969.
- 30. Вамбери, А. Путешествие по Средней Азии. Российская академия наук. Институт востоковедения/А. Вамбери. - М.: Вост. лит, 2003. - С.256.
- 31.Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур // Материалы дискуссии, 11-15 января. М., 1961. с.439.
- 32.Ван Мэняо, Современная наука о переводе в Китае: история становления и тенденции развития. Автореф. дисс. канд. филол. наук (10.02.20) /Ван Мэняо. Москва: МГУ им. М.В. Ломоносова. -2014. -22с.
- 33.Веселовский А.Н. Поэтика сюжетов.Собр.соч.,т.2. –Спб.:1913. –С.11
- 34.Влахов, С.И. Непереводимое в переводе / С.И. Влахов, С.П. Флорин; под ред. Вл. Россельса. М.: Международные отношения, 2009—352с.
- 35.Вопросы художественного перевода.Сб.статейю –М.:1955. –С.24.

- 36. Гарбовский Н.К. Теория перевода. М.: Издательство МГУ, 2007. С. 544.
- 37. Гарбовский Н.К. Парадигмы науки о переводе. В сборнике Проблемы современного переводоведения, место издания Филологический факультет СПбГУ СПб, 2011. С. 39-56.
- 38. Гарбовский Н.К. Семь вопросов дидактики перевода или scopos-дидактика переводческой деятельности. Вестник Московского университета, серия 22, теория перевода. 2012 /4. С. 36-54.
- 39. Гачичеладзе, Г.Р. Мастерство перевода/ Г.Р. Гачечеладзе М. 1965. 542с.
- 40. Гачечеладзе, Г.Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи / Г.Р. Гачечеладзе М. Советский писатель, 1980. 256с.
- 41. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика / Г.В.Ф. Гегель М.: Искусство, 1968 667с.
- 42. Голикова, Ж.А. Перевод с английского на русский / Ж.А. Голикова. М.: Новое издание, 2004-287с.
- 43. Гребнев, Н.И. Изречения персидского и таджикского народов, их поэтов и мудрецов / Н.И. Гребнёв М.: Наука, 1968. 320с.
- 44. Давронов, А. У. Таджикско-армянские литературные связи в новое время: автореф. дис. ... док. филол. наук: 10.01.03/А.У.Давронов Душанбе: РТСУ, 2009. 53с.
- 45. Давронов А.У. Основные этапы тажикско-армянских литературных связей в средние века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук.-Душанбе,1992.27с.
- 46.Демидчик Л.Н. Преемственность и переосмысление традиций //Вопр.литературы, 1982.№12. –С.189-207.
- 47. Джидеева, К.Х. Художественный перевод как форма взаимосвязей и

- взаимообогащения национальных литератур: (на материале переводов из русской и киргизской поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03/ Джидеева, Клара Хусейновна. Фрунзе, 1968. -26с.
- 48. Дима А. Принципы сравнительного литературоведения. Пер. с румынского. Изд-во «Прогресс», -М., 1977.
- 49. Дмитриева, Л.Ф. Английский язык: Курс перевода. Книга для студентов / Л.Ф. Дмитриева, С.Е. Кунцевич, Е.А. Мартинкевич, Н.Ф.Смирнова. Москва: МарТ, 2005, 304с.
- 50. Дюришин Д. Теория Сравнительного литературоведения: Пер.с словацкого. М.: Прогресс, 1979. 320с.
- 51. Жирмунский В.М. Фольклор Запада и Востока: Сравнительно-исторические очерки. Серия: Нация и культура: Антропология/Фольклор. М.: ОГИ. 2004. 464 с.
- 52.Заборов П.Р. Литературное «посредничество» в процессе взаимодействия национальных литератур. В.кн. Взаимосвязи и взаимодействия национальных литератур. –М.: 1961.С.314.
- 53. Захарова Н.В. Китайский язык. К вопросу о переводоведении и теории литературного перевода. 2010.
- 54.Зайниддинов, М. Таджикско-татарские литературные связи в конце XIX
   -начале XX вв» Автореф. дисс. канд. филол. наук (10.01.03) / М. Зайниддинов.
   -Душанбе: ТГУ им. Ленина. 1990. -18с.
- 55.3верев, А. XX век как литературная эпоха/А. Зверев //Вопр. лит. 1992. -Вып. 2. С. 3-56.

- 56.Из персидско-таджикской поэзии. М., 1987. 462 с.
- 57. Камалов, А. Проблемы истории и культуры согдийцев и тюрок Центральной Азии и Китая в трудах японских исследователей // Иран-наме. Научный востоковедческий журнал. –№1 / А. Камалов. –Алматы, 2008. –С.262-267
- 58. Каримов, П., Воднев, В. Истоки культуры таджикского народа / П.Каримов, В.Воднев. Худжанд. 1992. С. 50
- 59. Комиссаров, В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты / В.Н. Комиссаров. М.: Высш. шк., 1990. -253с.
- 60. Конрад Н.И. К вопросу о литературных связях// Конрад Н.И. Восток и Запад. М.: «Главная редакция восточной литературы», 1966. -520с. 1,339,345
- 61. Конрад, Н.И. Запад и Восток: Статьи/ Н.И. Конрад, 2 изд. М., 1972-520с.
- 62. Конрад, Н.И. Избранные труды: Литература и театр/Н.И. Конрад, М.: Наука, 1978. 462с.
- 63. Копанев, П.И. Вопросы истории и теории художественного перевода, /П.И. Копанев. Минск, 1972. 294c.
- 64. Костикова О. И., Чэнь Шуи Становление китайской переводческой традиции: практика, критика, теория // Вестник Московского Университета. Сер. 22. Теория перевода, 2012/1. С. 31-48.
- 65. Крысин, Л.П. Заимствованные слова как знаки иной культуры / Л.П. Крысин // Русский язык в школе. -2007. -№4. С.83-87.
- 66. Кулматов, И. Этические взгляды Саади/ ответ. ред. М.Н. Болтаев. Душанбе: АНРТ отдел Философии, 1968. - 128c.
- 67. Левый, И. Искусство перевода / И. Левый. М.: Прогресс, 1974 394с.

- 68. Лирика. Из персидско-таджикской поэзии / Сост. и примеч. А. Хакимова. М.: Худож. лит., 1987 464с.
- 69. Литературные связи и литературный процесс. М.: Наука, 1986. 350с.
- 70.Лихачёв, Д.С. Литература реальность литература / Д.С. Лихачёв. Л.: Наука, 1987. -520c.
- 71.Ли цзи // Древнекитайская философия. Собрание текстов в 2 томах. Т. 2. / Вступ. ст., пер. с кит. И. С. Лисевич, В. Г. Буров и Р. В. Вяткин. М., 1973, с. 99-140.
- 72. Ломидзе Г.И. Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогощения советских литератур. –М.: 1963,-42с.
- 73. Маданова, М.Х. Сравнительное литературоведение в Европе, Азии и Африке /М.Х. Маданова. М., 1998. 116 с.
- 74. Мишкуров Э.Н. История арабоязычной переводческой традиции: Начало пути (VIII-XIII вв.) // Вестник Московского Университета. Сер. 22. Теория перевода 2008. № 2. С. 3-7.
- 75. Модестов, В.С. Художественный перевод: история, теория, практика /С. Модестов. М.: Изд-во Литературного института, 2006. 464с.
- 76. Муроди Низомиддин. Традиции персидско-таджикской поэзии в уйгурской литературе XVI-XIX вв. Худжанд: Нури маърифат, 2017. С.404.
- 77. Мухтаров, Ш. История изучения и переводы «Гулистан»-а Саади во Франции: Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филол. наук: (10.01.03; 10.01.05).
- 78. Неупокоева. И.Г. Некоторые вопросы изучения взаимосвязей и взаимодействия национальных литератур / И.Г. Неупокоева // Известия

- Академии наук СССР. Отделение литературы и языка М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. XIX. Вып. 3 С.187- 200.
- 79. Неупокоева И.Г. История всемирной литературы: Проблемы системного и сравнительного анализа. –М.: Наука.1976. -359с.
- 80.Неупокоева И.Г. Проблемы взаимодействия современных литератур. –М.: Наука, 1963. –c.216.
- 81. Новикова, М. Художественный перевод и взаимодействие литератур / М. Новикова //Вопр. лит. 1978. №10. С.27.
- 82. Нуралиев, А. Таджикско-казахские культурно литературные связи. /А. Нуралиев. - Душанбе: Шухоиён, 2011. - 475с.
- 83.Ожогин, В.И. Великий посредник в диалоге культур: Россия Толстой -Япония/В.И. Ожогин // Сто лет русской культуры в Японии М., 1989. C.72-91.
- 84.Ольденбург, С.Ф. Саади/ Гулистан Избр. рассказы. Пер. Е.Э. Бартельса. Берлин, 1922. С.10
- 85.Пешё, М. Контент анализ и теория дискурса/М. Пеш// Квадратура смысла. М., 1999. - С.302 - 336.
- 86.Позднеева, Л.Д. «Литература Востока в средние века», Китайская литература. Издательство Московского университета М.1970г.
- 87. Потапова, С.Ю. Лексикология для переводчиков / С.Ю. Потапова // Учебно-методический комплекс. Ярославль: РИЦ МУБиНТ, 2007. -128c.
- 88.Проблемы литературных контактов (сб.статей). –Душанбе,1985.-62с.
- 89. Проблемы взаимодействия литератур: Межвузовский сборник научных трудов.

- -Душанбе, 1982. 223с. На русс. И тадж.яз.
- 90. Рахимова С. О первых русских переводах произведений Саади. В кн.: «Литература народов Востока». -М., 1970
- 91. Реизов, Б.Г. История и теория литературы / Б.Г. Реизов. Л.: Наука. 1986.-320с.
- 92. Рипка, Я. История персидской и таджикской литературы / Я. Рипка. М.: Прогресс, 1970. -418с.
- 93. Саади, Ш. Бустан/Саади Шерози. М., 1959. 137 с.
- 94. Саади, Ш. Гулистан / Саади Шерози. М., 1959. 325 с.
- 95.Саади, Ш. Гулистан. Критический текст. Перевод, предисловие, примечание Р.Алиева /Р.Алиев, М.: Наука, 1959.
- 96. Саади, Ш. Бустан/ Саади Шерози. Душанбе: Ирфон, 1971.
- 97. Сайфуллаев А. Проблемы взаимодействия литератур. –Душанбе,1976. -138с.
- 98. Фёдоров, А. В. Основы общей теории перевода: лингвистические проблемы / А. В. Фёдоров. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 303с.
- 99. Фёдоров, А.В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки / А.В. Фёдоров Л.: Сов. писатель, 1983,- С.313.
- 100. Хамдам А. Дружба народов дружба литератур/А. Хамдам. Душанбе:Эр-граф, 2013. 413с
- 101. Художественные традиции литератур Востока и современность. Ранние формы традиционализма / В. Брагинский, Е. Челышев. М., 1985. -198с.
- 102. Чайковский Р.Р. Способен ли язык переводить? (об одной терминологической нелепости) // Вестник Московского Университета. Сер. 22. Теория перевода 2013. № 3. С. 30-43.

- 103. Челышев, Е. Теоретические и методологические аспекты изучения взаимодействия культур Востока и Запада/Е. Челышев // Взаимодействие культур Востока и Запада. М., 1971. С. 105. 312с.
- 104. Челышев, Е.П. Сопричастность красоте и духу: (Взаимодействие культур Востока и Запада)/ Е.П. Челышев М., 1991. 311с.
- 105. Чэнь Шуи. История перевода в Китае: переводческая концепция Янь Фу (X1Хв.). Дисс. на соискание степ. магистра лингвистики по программе 520603
   теория перевода и межкультурная коммуникация. М., 2008.
- Храпченко М.Б. Творческая индивидуальность писателя и развитие литературы. –М.:Сов.писатель,1972.-С.242.
- 107. Шапиро, Р. «Варвары Поднебесной» статья, «Иностранная литература» №12 М. 2010г
- 108. Шаповалов, В.И. Контексты перевода. Статьи разных лет/В.И. Шаповалов.- Бишкек, 2004. 407с.
- 109. Шукуров М.Парадоксы и проблемы перевода //Памир, 1983.-№11,-С.55-59.
- 110. Шукуров М. Обновление. Таджикская проза сегодня. –М.: Сов.писатель, 1986. -268c.
- 111. Шуховцев, В.К. Ренессанс ирано-арабской мусульманской культуры в Китае под властью монголов и этногенез хуэй и дунган в XIII-XIVвеках //Историко-культурные взаимосвязи Ирана и Дашт-и Кипчака. Материалы международной конференции (2006, 23-24 мая; Алматы). –Кн.2 /В.К. Шуховцев. –Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С.46-67
- 112. Эдвард, В.С. (Вали Саид). Ориентализм. Западные концепции/В.С. Эдвард.

- СПб.: Русский Миръ, 2006. - 638с.

Литература на таджикском языке

- Авесто. Куҳантарин сурудҳо ва матнҳои эронӣ. (Гузориш ва пажӯҳиши Чалили Дӯстҳоҳ). – Душанбе: Қонуният, 2001. –С.792
- 114. Адабиёти форсу точик дар асрхои VII-IX. Душанбе: Дониш. 1976
- Айнй С. Муслихиддин Саъдии Шерозй / Садриддин Айни. Куллиёт. ч. XI,
   китоби якум. Душанбе, -1963
- 116. Азизқулов Ч. Саъдии Шерозй. Душанбе, 1962
- 117. Давронов, А. Пайванди замонхр ва қисмати адабиёт /А. Давронов. Душанбе: Маориф, 1994. - 80с.
- 118. Давронов, А. Накди адаби ва равандхои адабиёт /А. Давронов. Душанбе: Шахдар. 2012. - 260с.
- 119. Давронов, А. Мушкилоти пайвандхои адаби /А. Давронов. Душанбе, 1999.- 188c.
- 120. Дехотӣ А. "Гулистан"- и бехазон. "Шарқи Сурх", 1958, №6.
- Икроми, Д. Тарчума ва адабиёти милли /Д. Икроми // Садои Шарк. 1966. №10. С. 55 65.
- 122. Ибни Батутта. Сафарнома. Ц.2. С.516. (тарчумаи форсӣ).
- 123. Қаххорова Н. Саъдӣ-устоди ғазал. "Маориф ва Маданият", 1970, 8 август
- 124. Қаххорова Н. Реализм Саъдй. "Маориф ва Маданият", 1974, 26 январ
- 125. Махмадаминов, А. Адабиётшиносй ва худогохии миллй / А. Махмадаминов- Душанбе: Сино,1998,-211с.
- 126. Мирзозода Х. Саъдии Шерозӣ /Х.Мирзозода. Таърихи адабиёти точик/

- асрхои VIII-IX/. К.2, -Душанбе, -1977.
- 127. Нилобеков С. «Гулистон»- Саъдй ва таъсири ў ба адабиёт. «Мачмўай илмй». Серия филологй, ч.5, кисми 9, Кўлоб, -1972 с.187-197.
- 128. Нуралиев, А. Казахско таджикские литературные взаимосвязи XIX и XX вв. /А. Нуралиев. Душанбе: Сурушон, 2001. 264с. (на тадж. яз.)
- 129. Нуралиев А. Адабиёти Осиёи Маркази.-Ц.1.- Душанбе,Сино,1994.86с.
- 130. Нуралиев, А. Казахско таджикские культурно-литературные связи XIX и XX вв. /А. Нуралиев. Душанбе, 2001. 465с. (на тадж. яз.)
- 131. Нуриддинов Г. Ақидаҳои педагогии Саъдии Шерозӣ. –Душанбе: Дониш,-1974
- 132. Паёми бародарй Сост: В. Самад, Х. Шоди. Душанбе: Дониш, 1972. -244с.
- 133. Рахмонов, В. Чахор тарчумаи як асар / В. Рахмонов. –Душанбе: Садои Шарк. 1967. №10
- 134. Рахмонов В. "Гулистон" ба забони ўзбекй. Маориф ва Маданият, 1967.
- 135. Самадов Абдурашид. Шигардхои тарчума. Душанбе, 2016. -183с.
- 136. Саъди, Ш. Бустон/Саъди Шерозй. Душанбе: Адиб, 1990. 56 с.
- Саъдй Шерозй. Куллиёт/ Саъди Шерозй. Куллиёт иборат аз 4 чилд Ч II.
   Душанбе: Адиб, 1988. 428 с.
- 138. Саъдуллоҳзода, З. Пажуҳиши равобити мутақобилаи забону адабиёти форсу точик ва уйғур //Туҳфаи аҳбоб. (Мачмуҳаи мақолаҳо) / З.Саъдуллоҳзода.
   Хучанд: Ношир, 2012.С 259-266
- 139. Саади, Ш. Гулистон/ Саъдй Шерозй. Душанбе: Адиб, 1990. 68 с.
- 140. Сайфуллоев А. Дустии халқҳо дустии адабиётҳо /А. Сайфуллоев, -

- Душанбе: Ирфон. 1975. 224с.
- 141. Сайфуллоев А. Мактаби Айнй / А. Сайфуллоев. Душанбе: Ирфон. 1978. 352c
- 142. Самад В. «Шохнома» и Фирдавси ва Чернишевский /Вали Самад. Душанбе: Адиб. 2004. 400с.
- 143. Самад В. Пайвандхци адабй чун омили мухцми инкишофи адабиёт/ В. Самад. Душанбе; Ирфон, 1976. 22c.
- 144. Турсунов, Н. Асосҳои этнологияи ҳалҳи точик/ Н.Турсунов. –Хучанд, 1993.–С.73.
- Шарифов, Х. Шоир ва шеър: сб. статей /Х.Шарифов. Душанбе: Адиб. 1998. 118с.
- 146. Шарифов, Х. Яъкуббеки Бадавлат / Х.Шарифов. Москва: Шуъбаи чоруми Нашриёти харбии ФР, 2001. С.496
- 147. Шукуров М. Пайванди замонахо ва халқхо.-Душанбе, 1982.-68с.
- 148. Ху Инджан. Мушрифиддин Муслих бинни Абдуллох Саъдии Шерозй дар Чин // Зикри чамили Саъдй. Мачмуаи маколот ва ашъор ба муносибати бузурдошти хашсадумин солгарди таваллуди Шайхи ачал Саъдии алайхурахма. Ч.1. -Техрон. -1999. –С.375

Литература на узбекском языке

Камилов Н. Классик таржимада услуб. В кн.: «Таржима санъати». Ташкент.
 1973. С.99-116

Источники на иностранном языке

150. Bassnett, S. Comparative Literature - A Critical Introduction. Oxford: Blackwell,

1993.

- 151. Bassnett, Susan. The Transltion Turn in Cultural Studies. Constucting Cultures: Essays on Literary Translation. Clevedon, 1998.
- 152. Chang Nam Fung. Towards a Better General Theory of Equivalent Effect. Babel, 1996.
- 153. Chang Nam Fung. Faithfulness, Manipulation, and Ideology: A descriptive Study of Chinese Translation Tradition. Perspective: Studies in Translatology, 1998, 6: 235-258.
- 154. Chang Nam Fung. Politics and Poetics in Translation: Accounting for a Chinese Version of «Yes Prime Minister». Lawrence Venuti. 1998.
- 155. Dong feng Wong, Dan Shen. Factors Influencing the Process of Translating//
  Meta, Volume 44, issue 1, mars 1999, p.78-100. 1999.
- 156. Fang Meng zhi. Dictionary of Translation Studies. Shanghai. 2004.
- 157. Ma Zuyi. History of Translation in China // An Encyclopedia of Translation / Eds. Chan Sin-wai, David E. Pollard. Hong Kong: Chinese University Press, 2001.
- 158. Ma Zuyi. History of Translation in China // Hubei: Chinese University Press, 2006.
- 159. Wang Ning. The Culture Turn of Comparative Literature and Translation Studies 2009.
- 160. Yuan Jin. The Influence of Translated Fiction on Chinese Romantic Fiction.
  Dacid Pollard (ed.), Translation and Creation: Readings of Western Literature in
  Early Modern China, 1840-1918. Amsterdam: John Benjamins, 1998, 283-302.
- 161. Zheng Hailing. Literary Translation // Shanghai, 2000.

Литература на китайском языке

- 162. 陈思和,中国当代文学史教程,上海:复旦大学出版社仙,1999.
- 163. 董史良,对当前翻译研究的思考,北,1997.
- 164. 丰华瞻, 谈形似与神似, 北, 1987.
- 165. 黄龙,翻译艺术教程,南京,1989.
- 166. 洪子城,中国当代文学史,北京北京大学出版社, 1999.
- 167. 蒋童,中国传统译论的分期与分类,1996.
- 168. 金提,等效翻译探索,北京,1989.
- 169. 林以亮,文学与翻译,台北, 1984.
- 170. 鲁迅, 文艺与革命, 北京, 1957.
- 171. 茅盾, 我对于介绍西洋文学的意见, 北京, 1989.
- 172. 茅盾,对于系统的经济的介绍西洋文学的意见,北京, 1989.
- 173. 茅盾,新文学研究者的责任与努力,北京,1989.
- 174. 孙致礼,文学翻译应该贯彻对立统_原则,北京, 1993.
- 175. 谭载喜,跨语交际,桂林, 1993.
- 176. 王宏志, 重释"信, 达, 雅", 北京, 1997.
- 177. 王宁,文化研究语境下的翻译研究,北京, 1998.
- 178. 谢冕等, 中国当代文学史料选 1948—1975, 北京: 北京大学出版社, 1995.
- 179. 邹振环,20世纪上海翻译出版与文化变迁,南宁:广西教育出版社,2001.
- 180. 建国以来毛泽东文稿,北京:中央文献出版社, 1987.
- 181. 艾哈迈璁•爱敏著/朱凯评. 阿拉伯一伊斯兰文化史. 商务印书馆出 版, 1997.

- 182. 茹黑也木•吾斯轻. 波斯讲作品维汗的历史: 以 17-18 Å 纪为例. 乌鲁木齐: 新疆大学, 2015.
- 183. 王峰. 伊朗杰出的稃斯林诗人萨迪和他的《蔷薇园》. 宁夏大学报(社 会科学版>, 1993/2.
- 184. 向箫.《蔷薇园》中的伊斯兰思想研宄.成都:西商交通大学,2008.
- 185. 张鸿年. 波斯文学介绍(续) 1982/03
- 186. 张鸿年. 波斯文学介绍(续完) 1982/04
- 187. 张朝柯. 《果园》和《蔷薇园》中萨迪的诗歌主张。外国文学, 1991/01
- 188. 张順利. 震聋发聩的训时警钟一萨迪 "蔷薇园" 欣赏. 阅读与写作. 1996/05
- 189. 朱国明. 论萨迪的语言艺术一以《真境花园》为例. 丝绸之路,2011/08.
- 190. 王家琪. 伊斯兰宗教哲学史. 北京: 民族出版社. 2003 年 4 月
- 191. 郁龙余 孟昭毅主编. 东方文学史. 北京: 北京大学出版社. 2001
- 192. 张鸿年. 东方文化集成一波斯文学史. 北京: 昆仑出版社. 2003
- 193. 周传斌. 雷泥鸿爪—回族文化与历史论集. 宁夏: 宁夏人 K 出版 社. 2004
- 194. 艾哈迈德·爱敏著. 珂拉铂一伊斯兰文化史. 纳忠译. 北京: 商 务印书馆. 1 982
- 195. [波斯] 萨迪著• 蔷薇园. 张鸿年译. 湖南: 湖南文艺出版社. 2000 年 6 月
- 196. [波斯]萨迪著-真境花园. 杨方宝译. 宁夏: 宁夏人民出版社. 2000年1月
- 197. 艾山•马木提. 波斯古典文学光辉的代表作 "蔷薇园". 新疆师范大学学报(哲社版). 1989/01
- 198. 巴拉提 刘闽. 伊斯兰文化的丰碑——浅谈萨迪散文诗集《蔷薇园》. 中国

穆斯林. 2002/06

- 199. 何乃英•深邃隽永新颍別致《蔷薇园》思想艺术简论. 国外文学, 1991/01
- 200. 何乃英•伊朗文学作品在中国的翻译出版. 中国出版. 1992/05
- 201. 黎跃进. 勇气 探索 智慧 文采一评萨迪的《蔷薇园》,云梦学刊. 1984/1
- 202. 刘侦. 伊朗诗人萨迪和他的《蔷薇园》. 中国穆斯林, 1981/04
- 203. 王静斋 。"蔷薇园"。北京 1945年
- 204. 水建馥。"蔷薇园" 北京商务印书馆, 2013年
- 205. 张鸿年. 波斯文学介绍(上) 1982/02.
- 206. 张宏年 "蔷薇园"。 湖南。 "湖南文艺出版社" 2000 年
- 207. 刘北祥《蔷薇园》(萨迪智慧枕边书). 北京《海潮出版社》2010年.
- 208. 杨万宝。 古落斯坦: 汉波对照/(B波斯)萨迪者; 杨万宝译。 -银川: "宁夏人民出版社, 2012年.4

Список лексикографических источников

- 209. Брокгауз, Ф.А. Энциклопедический словарь. т_ 12 / Ф.А. Брокгауз, И.А_Ефрон. Санкт-Петербург, 894. 495с.
- 210. Лесин, В.М. Словарь литературоведческих терминов / В.М. Лесин. Киев: Радяньска школа, 1971. - 486 с
- 211. Литературный энциклопедический словарь. -М.: Сов. энциклопедия, 1987. -752 с.
- 212. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов. М.: Изд-во Мир и Образование, 2012. 1376c.
- 213. Розенталь, Д.Э. Словарь-справочник лингвистических терминов/ Д.Э.

- Розенталь, М.А. Теленкова. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. 624c
- 214. Фозилов, М. Фарханги иборахои рехтаи забони точики / М. Фозылов.-Душанбе: Ирфон, 1964. - 802 с.
- 215. Художественный перевод. Краткая литературная энциклопедия. М.: 1968-Т.5.- 635с.
- 216. Литературный энциклопедический словарь М.: Сов. Энциклопедия 1987.-752c.

Электронные ресурсы

- 217. Анашина М. В. Учение школы Саньлунь: Автореф. Дисс. ... канд. филос. наук. М., 2005. Режим доступа: http://iph.ras.ru/page54222528.html
- 218. Баяртуева, Е. Ж. Становление письменной традиции мадхьямики в Китае: Автореф. Дисс. канд. филос. наук. Улан-Удэ, 2001. Режим доступа: http://www.dissercat.com/content/stanovlenie-pismennoi-traditsii-madkhy amiki-v-kitae
- 219. Журнальный зал [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.zh-zal.ru/inostran/2010/12/sh23-pr.html#_ftnref1
- 220. Кадырбаев А. Таджики: вехи истории и культурное наследие [Электронный ресурс] / А.Кадырбаев. Режим доступа: http://central-eurasia.com/tajikistan/?uid=269:23.04.2014
- 221. Литературная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://feb-web/ru/feb/litenc/encyclop/leb/leb-5022/htm:27.11.2013
- 222. Потапова Н. В. Китайские переводы «Алмазной сутры» и «Сутры сердца»:

текстологическая интерпретация и комментарии: Автореф. Дисс. ... канд. филос. наук. M., 2008. Режим доступа: http://abhidharma.rU/A/Bodhissatva/Content/Prajnaparamita/0001.pdf 223. [Электронный pecypc]. Режим доступа: http://hawzah.net/FA/MagArt.html?MagazineID=0&MagazineNumberID =3846&MagazineArticleID=29621&Change=Prev:30.06.2011 224. Энциклопедия Ираника [Электронный pecypc]. Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/chinese-iranian-ix pecypc]. 225. Энциклопедия Ираника [Электронный Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/chinese-iranian-viii [Электронный 226. Ираника Энциклопедия pecypc]. Режим доступа: http://www.iranicaonline.org/articles/chinese-iranian-vii 227. http://stopudov.info/units/mann/

Gu Zheng kun. Plural Complementarism of Translation Standard:

доступа: http://wenku.baidu.com/view/42b950020740be1e650e9abd.html

pecypc].

[Электронный

228.

статья

178

Научная

Режим

1990.